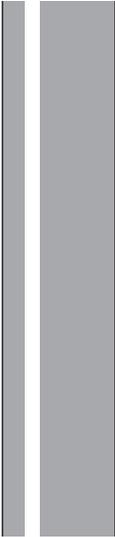

ISSN 2078-1024

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Майкопский государственный технологический университет»

**ВЕСТНИК
МАЙКОПСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Том 16 № 3 2024

Журнал издаётся с 2009 года

Наименование

Вестник Майкопского государственного технологического университета Том 16 № 3 2024

Периодичность:

4 выпуска в год, журнал издается с 2009 года

Префикс DOI:

10.47370

ISSN

ISSN 2078-1024

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-85521 от 04 июля 2023 г.

Условия распространения материалов

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Подписка на журнал «Вестник Майкопского государственного технологического университета»

Подписку на журнал «Вестник Майкопского государственного технологического университета» можно оформить по индексу Э66022 на сайте Объединенного каталога «Пресса России» www.pressa-rg.ru, в электронном каталоге Почты России по индексу ПК399, а также по индексу 66022 в электронном каталоге УРАЛ-ПРЕСС

<https://www.ural-press.ru/>

Стоимость подписки на полугодие – 2400 руб.

Учредитель / издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет»
385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191

Редакция:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет»
385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191,
тел.: 8(8772)52 30 03
e-mail: vestnik@mkgtu.ru
<http://vestnikmkgtu.ru/>

Типография:

Индивидуальный предприниматель Кучеренко Вячеслав Олегович
385008, г. Майкоп, ул. Пионерская, д. 403, оф. 33
тел.: +7 928 470 36 87
e-mail: slv01@yandex.ru

Дата публикации:

30.09.2024

Индексирование:

Российский индекс научного цитирования – библиографический и реферативный указатель, реализованный в виде базы данных, аккумулирующий информацию о публикациях российских ученых в российских и зарубежных научных изданиях.

Тираж

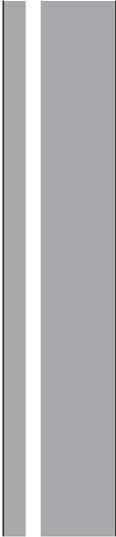
500 экз.

Цена свободная

16+

ISSN 2078-1024

Federal State budget Educational Institution
of Higher Education "Maykop State Technological University"

**VESTNIK
MAJKOPSKOGO
GOSUDARSTVENNOGO
TEHNOLOGIČESKOGO
UNIVERSITETA**

Volume 16 No. 3 2024

First published 2009

<i>Title:</i>	Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta Volume 16 No.3 2024
<i>Frequency:</i>	4 issues a year, the journal has been published since 2009
<i>DOI prefix:</i>	10.47370
<i>ISSN</i>	2078-1024
<i>The certificate of registration of mass media</i>	Registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). Certificate PI № FS77- 5521, July 04, 2023
<i>Terms of distribution of materials</i>	The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License
<i>Subscription to «Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta» journal</i>	You can subscribe to «Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta» journal on the website of the «Press of Russia» United Catalog www.pressa-rf.ru under the E66022 index and in the electronic catalog of the Russian Post under the PK399 index, and in the electronic catalog of the Ural Press under the 66022 index https://www.ural-press.ru/ On the territory of Russia the cost of a six-month subscription is 2400 rubles.
<i>Founder:</i>	Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Maykop State Technological University" 385000, Maikop, 191, Pervomayskaya str.
<i>Editorial office:</i>	Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Maykop State Technological University" 385000, Maikop, 191, Pervomayskaya str. tel.: 8(8772)52 30 03 e-mail: vestnik@mkgtu.ru http://vestnikmkgtu.ru/
<i>Printing house:</i>	Kucherenko Vyacheslav Olegovich sole proprietorship 385008, Maikop, 403 Pionerskaya str., office 33 tel.: +7 928 470 36 87 e-mail: slv01@yandex.ru
<i>Publication date:</i>	30.09.2024
<i>Indexation:</i>	The Russian Science Citation Index is a bibliographic and abstract index implemented in the form of a database that accumulates information on publications by Russian scientists in Russian and foreign scientific journals.
<i>Circulation:</i>	500 issues circulation Price free

16+

МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Тхакушинов Асланчериь Китович, доктор социологических наук, профессор, действительный член (академик) Российской академии образования, президент ФГБОУ ВО «МГТУ», заведующий кафедрой философии, социологии и педагогики ФГБОУ ВО «МГТУ»

Зам. главного редактора:

Овсянникова Татьяна Анатольевна, доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе и инновационному развитию

Члены редакционной коллегии:

Бадмаев В.Н., доктор философских наук, профессор (ФГБОУ ВО «КалмГУ им. Б.Б. Городовикова», г. Элиста, Россия);

Нехай В.Н., доктор социологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «АГУ», г. Майкоп, Россия);

Азашиков Г.Х., доктор философских наук, профессор (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Хагуров Т.А., доктор социологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КубГУ», г. Краснодар, Россия);

Сюхова А.М., доктор культурологии, доцент (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Кудаева С.Г., доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Сефербеков Р.И., доктор исторических наук, профессор (ФГБУН ИИАЭ ДФНЦ РАН, г. Махачкала, Россия);

Мухаджиев С.-Х.Х., кандидат исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Поддубная Т.Н., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КГУФКСТ», г. Краснодар, Россия);

Алиева С.И., доктор исторических наук, профессор (Азербайджанский государственный педагогический университет, г. Баку, Азербайджанская Республика);

Сопов А.В., доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Шувакович У.В., доктор политических наук, профессор (PhD), (Приштинский университет, г. Белград, Сербия);

Кечина Е.А., доктор социологических наук, профессор (Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор (РУДН, г. Москва, Россия);

Омер Туран, доктор исторических наук, профессор (Технический университет Ближнего Востока, г. Анкара, Турция);

Хагуров А.А., доктор социологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КубГАУ», г. Краснодар, Россия);

Пивненко П.П., доктор педагогических наук, профессор (ФГАОУ ВО «РостГМУ», г. Ростов-на-Дону, Россия);

Бегидова С.Н., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «АГУ», г. Майкоп, Россия);

Волкова О.А., доктор социологических наук, профессор (ОУП ВО «АТиСО», г. Москва, Россия);

Панеш А.Д., доктор исторических наук, доцент (ГБУ РА «АРИГИ им. Т.М. Керашева», г. Майкоп, Россия);

Чумичева Р.М., доктор педагогических наук, профессор (ФГАОУ ВО «ЮФУ, Академия психологии и педагогики», г. Ростов-на-Дону, Россия);

Лукьяненко В.П., доктор педагогических наук, профессор (ФГАОУ ВО «СКФУ», г. Ставрополь, Россия);

Мусханова И.В., доктор педагогических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ЧГУ», г. Грозный, Россия);

Гапуров Ш.А., доктор исторических наук, профессор (ГКНУ «Академия наук Чеченской республики», г. Грозный, Россия);

Соловей Т.Д., доктор исторических наук, профессор (МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия);

Карлов В.В., доктор исторических наук, профессор (МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия);

Амирова Л.А., доктор педагогических наук, доцент (ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы», г. Уфа, Россия);

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор (Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Москва, Россия);

Краснощекова Г.А., доктор педагогических наук, доцент (Южный федеральный университет, г. Таганрог, Россия);

Ромашина Е.Ю., доктор педагогических наук, профессор (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия);

Бенин В.Л., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы», г. Уфа, Россия);

Жаркынбаева Р.С., доктор исторических наук, профессор (Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан);

Бобкова Е.М., доктор социологических наук, доцент (Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Институт государственного управления права и социально-гуманитарных наук, г. Тирасполь, Молдова. Приднестровье);

Маликов Р.Ш., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», г. Набережные Челны, Россия).

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:

Chief Editor:

Tkhakushinov Aslancheriy Kitovich, Doktor of Sociological Sciences, Professor, a full member (academician) of the Russian Education Academy, President of FSBEI HE «MSTU», head of the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogics of FSBEI HE «MSTU»

Deputy Chief Editor:

Ovsyannikova Tatiana Anatoljevna, PhD, Professor, prorector for scientific work and innovative development

Members Editorial Board:

Badmayev V.N., Ph.D., professor (FSBEI HPE «KalmSU named after B.B. Gorodovikov», Elista, Russia);

Nekhay V.N., Dr Sci. (Sociology), associate professor (FSBEI HE «ASU», Maikop, Russia);

Azashikov G.H., Ph.D, professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Khagurov T.A., Dr Sci. (Sociology), professor (FSBEI HE «KubSAU», Krasnodar, Russia);

Siyukhova A.M., Dr Sci. (Culturology), associate professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Kudayeva S.G., Dr Sci. (Hist.), professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Seferbekov R.I., Dr Sci. (Hist.), professor (FSBIS IHAE DFSC of the RAS, Makhachkala, Russia);

Muskhadzhiyev S.-H.H., PhD (History), associate professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Poddubnaya T.N., Dr Sci. (Ped.), professor (FSBEI HE «KSUPCS», Krasnodar, Russia);

Alieva S.I., Dr Sci. (Hist.), professor (Institute of History of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku the Azerbaijan Republic);

Sopov A.V., Dr Sci. (Hist.), professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Shuvakovich U.V., Dr Sci. (Politics), professor (Pristina University, Belgrad, Serbia);

Kechina E.A., Dr Sci. (Sociology), professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus);

Amirova L.A., Dr Sci. (Ped.), associate professor (FSBEI HE «BSPU named after M. Akmulla», Ufa, Russia);

Narbut N.P., Dr Sci. (Sociology), professor (PFUR, Moscow, Russia);

Omer Turan, Dr Sci. (Hist.), professor (Middle East Technical University, Ankara, Turkey);

Khagurov A.A., Dr Sci. (Sociology), professor (FSBEI HE «KubSU», Krasnodar, Russia);

Pivnenko P.P., Dr Sci. (Ped.), professor (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia);

Begidova S.N., Dr Sci. (Ped.), professor (FSBEI HE «ASU», Maikop, Russia);

Volkova O.A., Dr Sci. (Sociology), professor (EITU HE «ALandSR», Moscow, Russia);

Panesh A.D., Dr Sci. (Hist.), associate professor (SBI RA «ARIHR named after T.M. Kerashev», Maikop, Russia);

Chumicheva R.M., Dr Sci. (Ped.), professor (FSAEI HE «SFU, Academy of Psychology and Pedagogy», Rostov-on-Don, Russia);

Lukyanenko V.P., Dr Sci. (Ped.), professor (FSAEI HE «NCFU», Stavropol, Russia);

Muskhanova I.V., Dr Sci. (Ped.), associate professor (FSBEI HE «ChSU», Grozny, Russia);

Gapurov Sh.A., Dr Sci. (Hist.), professor (SOSI «The Chechen Republic Academy of Sciences», Grozny, Russia);

Solovey T.D., Dr Sci. (Hist.), professor (MSU named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia);

Karlov V.V., Dr Sci. (Hist.), professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (MSU named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia);

Benin V.L., Doktor of Pedagogics, a professor, (FSBEI HE «BSPU named after M. Akmulla», Ufa, Russia);

Golenkova Z.T., Dr Sci. (Philosophy), professor (Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia);

Krasnoshchekova G.A., Dr Sci. (Ped.), associate professor (The Southern Federal University, Taganrog, Russia);

Romashina E.Yu., Dr Sci. (Ped.), professor (Tula state pedagogical university named after L.N. Tolstoy, Tula, Russia);

Zharkynbayeva R.S., Dr Sci. (Hist.), professor, (Kazakh National University named after al-Farabi, Almaty, Kazakhstan);

Bobkova E.M., Dr Sci. (Sociology), associate professor (Trans-Dniester state university named after T.G. Shevchenko, Institute of Public Administration, Law and Social and Human sciences, Moldova, Tiraspol, Trans-Dniester);

Malikov R.Sh., Dr Sci. (Ped.), professor (Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Абибуллаева Э.Э.** Правила наследования сквозь призму повседневной жизни по материалам Кадиаскерских тетрадей XVII–XVIII вв. 13
- Валяев Я.В., Крисанов А.А., Кравченко Д.П.** Армейский досуг военнослужащих российской армии в годы Первой мировой войны 21
- Гатина-Шафикова Д.Ф.** Одежда казанских татар в изображениях М.К. Тильке: к вопросу о презентативности визуального источника 35
- Соколова А.Н., Смакова З.Н.** Формы наследования музыкальных инструментов в культуре народов Северного Кавказа и Казахстана 44

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Базалина Е.Н.** Формирование профессионально-ориентированной лексической компетенции у обучающихся неязыковых вузов по направлению подготовки «Техносферная безопасность»: на материале английского языка 52
- Николаева Е.А., Котляренко Ю.Ю.** Стратегии мотивации студентов неязыковых специальностей к изучению иностранного языка в процессе профессиональной подготовки с использованием технологий искусственного интеллекта 63
- Пивненко П.П., Поддубная Т.Н., Витенко Н.П.** Научно-исследовательская работа обучающихся вузов как важнейший компонент профессиональной подготовки кадров (на примере специальности 32.05.01 Медико-профилактическое дело и направления подготовки 43.03.02 Туризм) 74
- Якута А.А.** Начальный этап становления преподавания опытной физики в Императорском Московском университете (1755–1791 гг.) 83

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Ашинов Б.Ю., Сиюхова А.М.** Жилищно-коммунальный комплекс в системе социокультурной институциональности 93
- Калашаова Д.А., Безрукова А.А., Тхакушинов А.К.** Истоки русофобии: к вопросу о социально-политической культуре межгосударственных отношений 102

Кужева Э.М. Социальные проблемы людей пожилого возраста как предметная область научного исследования	113
Надежина Н.Н. Межличностное доверие в паре между мужчиной и женщиной как социокультурная ценность	121
Осадчая Г.И., Волкова О.А., Юдина Т.Н. Социальное сиротство и депривированное родительство в семье мигранта как угроза демографической безопасности: есть ли свет в конце тоннеля?	131
Плескач Л.В. Модель волонтерской деятельности в рамках методологии IDEF0	142

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

- Abibullaeva E.E.** Rules of succession through a focus on everyday life based on the Kadiaskers' notes of the XVII–XVIII centuries 13
- Valyaev Y.V., Krisanov A.A., Kravchenko D.P.** The Russian army leisure activities during the First World War 21
- Gatina-Shafikova D.F.** Clothing of the Kazan Tatars in the artworks of M.K. Tilke: revisiting the representation of a visual source 35
- Sokolova A.N., Smakova Z.N.** Forms of inheritance of musical instruments in the culture of the peoples of the North Caucasus and Kazakhstan 44

PEDAGOGICAL SCIENCES

- Bazalina E.N.** Formation of professionally oriented lexical competence among students of non-linguistic universities in the training program «Technosphere Safety»: a case study of the English language course 52
- Nikolaeva E.A., Kotliarenko I.Yu.** Motivation strategies for non-linguistic students to learn a foreign language in the process of professional training using artificial intelligence technologies 63
- Pivnenko P.P., Poddubnaya T.N., Vitenko N.P.** University students' research work as the most important component of professional training (the case of specialty 32.05.01 Medical and preventive care and training program 43.03.02 Tourism) 74
- Yakuta A.A.** The initial stage of the formation of teaching experimental Physics at the Imperial Moscow University (1755–1791) 83

SOCIOLOGICAL SCIENCES

- Ashinov B.Yu., Siyukhova A.M.** Housing and utility complex in the system of sociocultural institutionality 93
- Kalashaova D.A., Bezrukova A.A., Tkhakushinov A.K.** The origins of Russophobia: on the issue of social and political culture of interstate relations 102
- Kueva E.M.** Social problems of senior citizens as a subject area of scientific research 113
- Nadezhina N.N.** Interpersonal trust in a couple as a sociocultural value 121

Osadchaya G.I., Volkova O.A., Yudina T.N. Social orphanhood and deprived parenthood in a migrant family as a threat to demographic security: is there light at the end of the tunnel?	131
Pleskach L.V. Model of volunteering in the IDEF0 methodology	142

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-13-20>

УДК 947.04/06(477.75)

© Абибуллаева Э.Э., 2024

Э.Э. Абибуллаева

Правила наследования сквозь призму повседневной жизни по материалам Кадиаскерских тетрадей XVII–XVIII вв.

*Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан,
г. Казань, Российская Федерация,*

*Государственное бюджетное учреждение Республики Крым
«Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник»,
г. Бахчисарай, Российская Федерация
shems-annur@mail.ru*

Аннотация. Целью статьи является выяснение правил наследования через призму повседневной жизни в Крымском ханстве. Актуальность исследования заключается в том, что до настоящего времени изучение как отдельных аспектов, так и в целом повседневной жизни периода Крымского ханства не предпринималось. В свою очередь это связано с тем, что источники периода Крымского ханства, в которых содержится информация по повседневности, в основной своей массе на арабской графике. Большое внимание в статье уделено новым фактам, выявленным в ходе изучения Кадиаскерских тетрадей XVI – XVIII вв. Анализ зафиксированных судебных решений позволил выяснить не только один из аспектов разветвленной мусульманской законодательной системы, но и представить повседневную жизнь общества в Крымском ханстве. При написании статьи использовались методы научного исследования: сравнительно-исторический метод, проблемно-хронологический метод, ретроспективный метод, метод лингвистического анализа и др. Выявленные примеры судебных решений из Кадиаскерских тетрадей транслитерированы и переведены с арабицы (османский язык) на русский язык, что в дальнейшем значительно облегчит работу для будущих исследований. В ходе работы над статьей было выяснено, что исполнительная и правовая власть в Крымском ханстве работали строго по установленной мусульманской законодательной системе – законам шариата. Каждый отдельно взятый и рассмотренный пример раскрывает подробности жизненных ситуаций и дает возможность заглянуть в повседневность обычного человека.

Ключевые слова: Крымское ханство, Кадияскерские тетради, шариат, повседневная жизнь, судебные решения, Ханский дворец, Бахчисарай, транслитерация, тексты

Для цитирования: Абибуллаева Э.Э. Правила наследования сквозь призму повседневной жизни по материалам Кадияскерских тетрадей XVII–XVIII в.в. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2024;16(3):13–20. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-13-20>

E.E. Abibullaeva

Rules of succession through a focus on everyday life based on the Kadiaskers' notes of the XVII–XVIII centuries

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences,
Kazan, the Russian Federation,*

*Bakhchisaray historical, cultural and archaeological museum-preserve,
Bakhchisarai, the Russian Federation
shems-annur@mail.ru*

Abstract. The goal of the research is to clarify the rules of succession through a focus on everyday life in the Crimean Khanate. The relevance of the research lies in the fact that until now both individual aspects and the general everyday life of the Crimean Khanate have not been studied. In turn, this is due to the fact that the sources of the Crimean Khanate period are mostly written in the Arabic script. Much attention in the article is paid to new facts revealed during the study of the Kadiaskers' notebooks of the XVII–XVIII centuries. An analysis of the recorded court decisions allowed us to clarify not only one aspect of the extensive legislative system, but also to imagine the everyday life in the Crimean Khanate. When writing the article, the following scientific-research methods were used: comparative-historical method, linguistic analysis method and others. The identified examples of court decisions from the Kadiaskers' notebooks have been transliterated and translated from Arabic (the Ottoman language) into Russian, which will significantly facilitate the work for future research. During the research, it has been found out that the executive and legal authorities in the Crimean Khanate worked strictly according to the established Muslim legislative system, the Sharia laws. Each individual example taken and examined reveals the details of life situations and gives an opportunity to look into the everyday life of an ordinary person.

Key words: the Crimean Khanate, Kadiaskers' notebooks, the Sharia, everyday life, court decisions, Khan's Palace, Bakhchisarai, transliteration, texts

For citation: Abibullaeva E.E. Rules of succession through a focus on everyday life based on the Kadiaskers' notes of the XVII–XVIII centuries. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2024;16(3):13–20. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-13-20>

Введение. Кадияскерские тетради или Судебные реестры – это арабографичные тюркоязычные рукописные источники XVII–XVIII в.в. В своё время в эти норма-

тивные документы вносились все периодические дела, подлежащие ведению кадиев (судей). В них содержатся протоколы всевозможных судебных разбирательств

по гражданским и уголовным делам, описи имущества, духовные завещания, правительственные распоряжения по финансовой части и благоустройству, сметы общественных сооружений и построек: мечетей, крепостей, фонтанов, караван сараев, медресе и т. п. Кроме всего вышеперечисленного в этих документах содержится информация о членах правящей династии, лицах государственного аппарата.

Источники по изучению повседневной жизни в Крымском ханстве. На сегодняшний день большая коллекция Кадиаскерских тетрадей хранится в Российской национальной библиотеке (РНБ): собрание содержит 121 том за период с 1017 / 1608 по 1201 / 1786 гг., т. е. до присоединения Крыма к России [5] и один том / № 121, содержащий дату 1225 / 1810 г. [6]. В документальном фонде ИВРРАН под шифром Т 500 хранится сборник 19 разрозненных крымских Кадиаскерских тетрадей за период 1049–1195 г.х. / 1639–1781 гг. [9, с. 58–59; 14, с. 56]. В ГБУК РК «Республиканская крымскотатарская библиотека им. Исмаила Гаспринского» хранится 61 том фотокопий, сделанных из части собрания РНБ [13, с. 171–174, 166–167, 183]. Отмеченные У. Боданинским в 1928 г. в «Инвентарной книге Государственного дворца и музея Тюрко-Татарской культуры» два экземпляра Кадиаскерских тетрадей: первый, за номером 507, датированный 1193–1194 г.х. / 1779–1780 г., записан под именем Эс-сейида Ахмеда Эфенди и относящийся ко времени Шахин Герая хана, второй, за номером 508, датированный 1022–1047 / 1613–1638 г., относящийся ко времени правления трех ханов Джанибека, Бахадры и Мехмеда Герая, на сегодняшний день в фондах ГБУ РК Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника (ГБУ РК БИКАМЗ) не выявлены [2, с. 507–508].

Подробная история изучения и выявления этих рукописных источников описана в статье «К истории Судебных реестров Крымского ханства» за 2016 г. в научном

ежегодном журнале «Золотордынская цивилизация» [1, с. 214–220].

Судебные решения о вопросах наследования. На страницах Кадиаскерских тетрадей в запротоколированных решениях раскрываются события, произошедшие с человеком, с конкретно взятой семьей, проживающих в том или ином квартале; при разборе и анализе текстов появляется возможность представить бытовой инвентарь, который был в обиходе, одежду и много других деталей, по которым собираются картинки повседневной жизни горожан. Также выясняются детали мусульманской законодательной системы, правила наследования, передача описанного и оцененного имущества наследникам, погашение или сохранение долгов, официальный налог в казну и др. факты. Например: «*Наследство покойной Уммюгуль, умершей от болезни, было распределено между её матерью Уммюхан, супругом Халилем, сыном Абдулвели и дочерью Ребия* [7, с. 22].

Следующий пример. После смерти Сефер Шаха часть его нажитого добра передана супруге Гевхер Хан. Решение было запротоколировано в суде в месяце Джумазиэль-Ахир 1164 года / 1750 г. По протоколу Гевхер Хан перешли: два буйвола – 12 000; черная корова Алтанан – 5000; две стельные коровы – 5500; черная телка – 1600; таз для замешивания теста – 100; инструменты: коса и сверло (*çalğı maa burgu*) – 100; ведро (*çelek*) – 100; длинная верхняя одежда (из шелка) (*kaftan*) – 500; старые садовые ножницы (*köhne çekme*) – 100; бочка (*çafçak*) – 100; прибор, который связан с прогнозированием погоды (?) (*havay-ı haraldı*) – 1000; (*tecaz maa lakarma*) (?) – 500; один отмеренный кусок (ткани) для полотенца – 800; половина отмеренной ткани [...] – 500; две меры очищенного от шелухи, а затем высушенного зерна (*iki beşri aşıq*) – 800; ремень (*kayuş*) – 100; черный токан (?) (*qara tokan*) – 900. Общая сумма – 28 900.

У покойного Сефер Шаха были денежные долги, которые он не успел вернуть

при жизни: долг [имя человека, неразборчиво] – 7200; долг Нурулле – 300; долг Осману – 400; долг Гафару Челеби – 120; долг налоговый 725. Часть, причитающаяся супруге – 60. Для выплаты долгов суд выделил: 9700 [8, с. 36 б]. Как видно из судебного решения, все долги Сефер Шаха были покрыты за счет продажи части его имущества. Из перечисленных предметов интерес вызывают коса, сверло (*çalğı taa burgu*) и прибор, предположительно, связанный с прогнозированием погоды (*havay-ı haraldı*), стоимость которого 1000 гурушей или акче. Для сравнения, средняя цена одного дома в Бахчисарае составляла 200 – 300 гурушей, соответственно это был очень дорогой прибор. Вероятно, покойный Сефер Шах умел пользоваться прибором (*havay-ı haraldı*).

Встречаются судебные решения, в которых люди заранее оговаривали вопросы наследства и завещания. Также в суде назначался выбранный истцом доверенный, который обязан был исполнить волю умершего. Выслушав требования истца, кадий выносил свое решение, которое записывалось в Кадиаскерскую тетрадь. Например: «Из страны Дагестан Рутулец Мехмед ибн Али: «Когда по воле Всевышнего меня не станет, я завещал за упокой моей души, чтобы все мое имущество было пожертвовано бедным и неимущим. Доверенным и ответственным за исполнение моего завещания мной был выбран добродетельный Кадиаскер эфенди. Я отказываюсь от принятого ранее решения и освобождаю назначенного доверенного, за исполнение моего завещания. Завещаю: до сих пор находящиеся со мной деньги, а также деньги, которые находятся у тех, кому я их отдал в долг, при возвращении долга треть от суммы пусть будет отдана в качестве садака¹ бедным и на красивое чтение Величественного Кора-

на, с соблюдением всех правил чтения. Третью моего имущества передать моим наследникам. Доверенным в исполнении моего завещания я назначил наиба Хусеина эфенди». Все требования и сказанное было запротоколировано в суде.

Присутствующие свидетели: Мухтесиб Бекир Челеби ибн Юсуф эль-Араби, Хусеин бин Кумак, Месуд бин (...) писарь и секретарь, судебные приставы и другие» [7, с. 68].

Транслитерированный текст: «*Oldur ki Dağistan memleketinden Rutelli Molla Mehmed ibn-i Ali mukaddemâ bi-emri'llâhi te'âlâ fevt olursam ruhum için li'llâhi te'âlâ tasadduk ve fukarâya i'tâ olunsun deyu cümle malımı vasiyyet edip vasiyyetim tenfize faziletli Kādîasker efendi hazretlerini vasiyy-i muhtâr etmiş idim hâlâ vasiyyet-i merkûmeden rüçû ve vasiyy-i mûmâ-ileyhi azl eyledim hâlâ yedimde olan ve zimem-i nâsda olan akçemin sülüsünü ba'de fevti fukarâya tasadduka ve tilâvet-i Kur'ân-ı azîmü's-ân mukâbilesinde verilmek vasiyyet eyledim sülüsânını vereseme isâle vasiyyetimi tenfize Nâib Hüseyin Efendi'yi vasiyy-i muhtâr eyledim dediği bi't-taleb kayd şüid.*

Şuhûdü'l-hâl: Bekir Çelebi el-muhtesib ibn-i Yusuf el-Arabî, Hüseyin bin Kumak, Mesud bin () kâtibü'l-hurûf, Kut el-muhzir ve gayruhum.

Бывали и другие случаи, когда у умерших не было наследников. К примеру, в Бахчисарае в квартале Шехре Кюстю умерла Айше Абай. Её дом и небогатый домашний инвентарь – топор, тляпка, маленькая кастрюля, два старых матраса, два одеяла, две подушки, треножник под котёл и другие предметы быта – были оценены в 7300 акче. Наследников у неё не было, поэтому потратив 980 акче из общей суммы на её похороны, оставшуюся часть денег суд в присутствии свидетелей передал мухтесибу Бахчисарая Максуду Ага [8, с. 28 а].

Мухтесиб – лицо обязанное смотреть за ценами, по которым ремесленники и торговцы продавали свои товары, за

¹ Садака – добровольная милостыня, которую мусульманин выплачивает нуждающимся по собственному усмотрению и желанию с намерением заслужить довольство Аллаха.

правильностью мер и весов. Имел право наказывать тех, кто мошенничал в торговых делах, применяя неправильные меры веса или длины. Мухтесиба обычно назначал глава государства, и действовал он параллельно с кади, обладал исполнительной властью, наказывая за нарушения без судебного разбирательства, для чего имел штат стражников [3, с.183]; муниципальный служащий [12, с. 676]. Эти муниципальные служащие вели свою документацию и учетные записи, например: «Согласно тарханной книге мухтесиба аги, вокруг города Бахчисарая всего девять тысяч райских садов, подобных саду Ирема. Виноград, произрастающий в садах на берегу рек Качи, Казаклы-озен, Бельбека и в садах Сюрен, вкусный». Должность мухтесиба была почти во всех крупных городах Крымского ханства [10, с. 114, 136, 144, 173, 212]. В административной иерархии мухтесибы стояли ниже кадия и жалование, соответственно, получали меньше [3, с. 183]. Отсюда следует, что люди, назначенные на эту должность, должны быть образованными и хорошо знать законы. А в случаях, когда у умершего человека не было наследников, оставшиеся деньги передавались в государственную казну. В данном судебном деле было принято решение передать описанное имущество в казну через мухтесиба.

Согласно праву наследования в исламском законодательстве в таких случаях составлялась опись с оценкой каждой вещи и записывалась в *Кассам дефтери* или *Тереке дефтери*, и все описанное передавалось в *Бейт уль-мал* – государственная казна [4, с. 124 – 125]. Эти дефтеры велись помощниками кадия – *кассамами*, которые специализировались в решении наследственных дел [15]. Учитывая, что такие случаи встречались повсеместно, соответственно такая документация, как *Кассам дефтери*, могла быть в каждом кадилыке¹. Когда, позже, появлялись наследники,

все имущество, согласно закону и описи, распределялось между ними. К примеру, в 1742 г. в Бахчисарае умер некий иранец, пребывающий в гостях и расположившийся в караван-сараяе Капуджи Абдульвели Ага, все его имущество было описано и изъято начальником монетного двора (*дарпхане эмини*). Когда через некоторое время из порта пришел сын умершего и доказал, что является его наследником, все изъятое имущество было передано ему... [11, с. 102]. Такие случаи регулировались законом и ханскими ярлыками. К примеру, в ханском ярлыке за 1715 г. к бахчисарайскому кадию требовалось следующее: «<...> Данным указом имущество умерших, у которых нет наследников, под контролем дефтердара Мустафы Аги будет передано в Бейт уль-мал. Все имущество надлежит записать в Кассам дефтери, когда появятся наследники, все, согласно описи, должно быть передано им...» [11, с. 101]. Транслитерированный текст: «<...> *Bila vâris fevt olub ve mal-ı metrukesi Beytülmal'e zabt olunmak iktiza eden emval ve eşya kâdivetü'l' emasil ve'lakran Defterdar Mustafa Ağa kulumuz tarafından zabt olunub ve vârisi zuhur ederse Kassam defteri üzere yedinden almak üzere bundan akdem emr-i şerifim sadır olmuş iken*».

Помещение для хранения денег и других ценностей – *Бейт уль-мал* – в исламских государствах обычно располагалось на территории дворца правителя или при соборной мечети [3, с. 37]. Учитывая вышеприведенные данные, в Бахчисарае *Бейт уль-мал* располагался в Ханском дворце, вероятно, в помещении, которое примыкает к Большой Ханской мечети. Это помещение находится правее от внутреннего входа в Большую Ханскую мечеть, под лестницей, ведущей в максуру. В остальных городах Крымского ханства здание или помещение под *Бейт уль-мал* также могли располагаться при соборных мечетях либо отдельно.

Некоторые предметы быта, которые сегодня составляют экспозицию Бахчиса-

¹ Кадилык – судебный округ.

райского музея-заповедника, отмеченные в инвентарных книгах 1930-х годов как «предметы из Ханской мечети», вероятно, некогда хранились в помещении вышеописанного *Бейт уль-мала*. Соответственно, это могли быть те предметы (имущество), которые по решению суда были переданы в *Бейт уль-мал*. Позже, после музеефикации Ханского дворца в 1917 г., они были внесены в инвентарные книги как музейные предметы.

Заключение. Из вышеприведённых фактов следует, что исполнительная и правовая власть в Крымском ханстве работали строго по установленной мусульманской законодательной системе (по законам шариата). Правовая система Крымского ханства была хорошо организована и состояла

из разных отраслей. Во всех сферах велась учетная документация, согласно которой погашались долги, возвращалось имущество и др. К большому сожалению, не вся документация того периода сохранилась и дошла до наших дней.

Анализированные примеры из Кадиаскерских тетрадей существенно дополняют материалы по повседневной жизни изучаемого периода. Отдельно рассмотренные аспекты повседневности оживают, дают нам возможность реконструировать жизнь общества в прошлом. Из примеров мы видим, что люди жили, общались, давали друг другу в долг, выращивали скот, пользовались различным бытовым инвентарем, а для решения возникших проблем обращались в суд.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абибуллаева Э.Э. К истории Судебных реестров Крымского ханства // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 214-220.
2. Инвентарная книга Государственного дворца и музея Тюрко-Татарской культуры // Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник. Ф. 16, оп. 1, д. 6, запись № 507, № 508.
3. Ислам: энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 315 с.
4. Исламский энциклопедический словарь / сост. Али-заде Айдын Ариф оглы. М.: Ансар, 2007. 920 с.
5. Кады-аскерские книги Крымского ханства. Собрание // Российская национальная библиотека. Ф. № 917. Оп. № 899 б.
6. Кады-аскерские книги Крымского ханства. Собрание // Российская национальная библиотека. Ф. № 917. Оп. № 899 б. Т. № 121.
7. Кадиаскерская тетрадь 1674-1675, Т. 20. // Республиканская крымскотатарская библиотека им. Исмаила Гаспринского.
8. Кадиаскерская тетрадь 1750-1751. Т. 72. // Республиканская крымскотатарская библиотека им. Исмаила Гаспринского.
9. Мустахимов И.А. Арабографичные документальные источники по истории Крымского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. 2020. № 12. С. 58-64.
10. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Симферополь: Доля, 2008. 288 с.
11. Büyük Ömer. Osmanlı yönetiminde Kırım (1600-1774). Izmir, 2007. 300 p.
12. Devellioğlu Ferit. Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Lügat eski ve yeni harflerle. Ankara, 2009. S. 676.
13. Inalcik H. Kırım Hanlığı Kadı Sicilleri Bulundu // Belleten, Cilt: LX-Sayı: 227. Yıl: Nisan, 1996, P. 171-174, 166-167, 183.
14. Fehmi Yılmaz, Ahmet Cihan, Özlem Deniz Yılmaz. Kırım Hanlığı Kadı Sicilleri Katalogu. Türkiye Bilimler Akademisi: Ankara, 2021. 382 p.

15. Osmanlı Tarihi Ansiklopedisi. Kassam. 4 Cild. Ehli Sünnet Büyükleri. 2024 [Электронный ресурс]; [обновлено 19 декабря 2023; процитировано 4 июля 2024]. Режим доступа: <http://www.ehlisunnetbuyukleri.com/Osmanli-Tarihi-Ansiklopedisi/Detay/KASSAM/349>

REFERENCES

1. Abibullaeva E. E. On the history of the Judicial Registers of the Crimean Khanate // Golden Horde civilization. 2016. № 9. P. 214-220.
2. Inventory book of the State Palace and Museum of Turkic-Tatar Culture // Bakhchisaray Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve. F. 16, in.1, c.6., entry No. 507, No. 508.
3. Islam: Encyclopedic Dictionary. Moscow: Science. Main Editorial Board of Eastern Literature, 1991. 315 p.
4. Islamic Encyclopedic Dictionary / Comp. Ali-zade Aydin Arif oglu. Moscow: Ansar, 2007. 920 p.
5. Kadi-Asker books of the Crimean Khanate. Collection // Russian National Library. F. No. 917. Op. No. 899 b.
6. Kadi-Asker books of the Crimean Khanate. Collection // Russian National Library. F. No. 917. Op. No. 899 b. Vol. No. 121.
7. Kadiaskers' notebook 1674-1675, Vol. 20. // State Budgetary Cultural Institution of the Republic of Crimea «Ismail Gasprinsky Republican Crimean Tatar Library».
8. Kadiasker's notebook 1750-1751. Vol. 72. // State Budgetary Cultural Institution of the Republic of Crimea «Ismail Gasprinsky Republican Crimean Tatar Library».
9. Mustakimov I.A. Arabic-script documentary sources on the history of the Crimean Khanate // Medieval Turkic-Tatar states. 2020. No. 12. P. 58-64.
10. Evliya Çelebi. The Book of Travel. Crimea and the Neighboring Regions. Simferopol: Dolya, 2008. 288 p.
11. Büyük Ömer. Crimea under Ottoman rule (1600-1774). Izmir, 2007. 300 p.
12. Devellioğlu Ferit. Ottoman-Turkish Encyclopedic Dictionary with old and new letters. Ankara, 2009. P. 676.
13. Inalcik H. Crimean Khanate Judge Records Found // Belleten, Vol. LX, Iss. 227. Year: April, 1996. P. 171-174, 16-167, 183.
14. Fehmi Yılmaz, Ahmet Cihan, Özlem Deniz Yılmaz. Crimean Khanate Kadı Registers Catalogue. Turkish Academy of Sciences: Ankara, 2021. 382 p.
15. Ottoman History Encyclopedia. Kassam.4 Volumes. Ehli Sünnet Büyükleri. 2024 [Электронный ресурс] [updated December 19, 2023; cited 4 July 2024]. Available: [<http://www.ehlisunnetbuyukleri.com/Osmanli-Tarihi-Ansiklopedisi/Detay/KASSAM/349>]

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflict of interests

Информация об авторе

Абибуллаева Эльмира Эбазеровна, младший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация; Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник», г. Бахчисарай, Российская Федерация, e-mail: shems-annur@mail.ru

Information about the author

Elmira E. Abibullaeva, Research Fellow of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan Russian Federation; Bakhchisaray historical, cultural and archaeological museum-preserve, Bakhchisarai, Russian Federation, e-mail: shems-annur@mail.ru

**Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.**

Поступила в редакцию 28.06.2024

Поступила после рецензирования 29.07.2024

Принята к публикации 30.07.2024

Received 28.06.2024

Revised 29.07.2024

Accepted 30.07.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-21-34>

УДК [355.123:379.8](470)

© Валяев Я.В., Крисанов А.А., Кравченко Д.П., 2024

Я.В. Валяев✉, А.А. Крисанов, Д.П. Кравченко
Армейский досуг военнослужащих российской
армии в годы Первой мировой войны

*Белгородский государственный аграрный университет имени В.Я. Горина,
г. Белгород, Российская Федерация*
✉ valjaev_jv@bsaa.edu.ru

Аннотация. Предметом исследования настоящей статьи является проблема организации деятельности солдат и офицеров Российской императорской армии на фронтах Первой мировой войны в периоды между боевыми действиями. Актуальность изучения рассматриваемой проблемы продиктована тем обстоятельством, что военные конфликты сопровождают все периоды развития человечества, и полученные результаты могут быть переосмыслены и перенесены на современность с учетом существующих реалий. В рамках военно-исторической антропологии ценность качества организации армейского досуга определяется тем, что оно во многом формировало степень психологической устойчивости участников боевых действий, их готовность переносить тяжелые условия войны. В задачи исследования входит выявление основных сторон жизни военнослужащих на основе изучения исторических источников. Методологическая база исследования опирается на общенаучные методы синтеза, анализа, обобщения и систематизации. В соответствии с принципами историзма и объективности авторы широко используют специализированные периодические издания периода войны, материалы исторических источников как мемуарного происхождения, отражающие впечатления более образованных слоев общества, так и источники, запечатлевшие опыт рядовых солдат. Такой подход позволяет всесторонне оценить степень готовности армии к организации фронтового быта солдата как сложнейшей задачи для любого военного командования. В результатах исследования сформулированы выводы об особенностях армейской жизни военнослужащих во время Первой мировой войны, определены подходы к организации досуга и обобщены основные составляющие армейской жизни.

Ключевые слова: Первая мировая война, фронтовой быт, армейский досуг, отдых военнослужащих

Для цитирования: Валяев Я.В., Крисанов А.А., Кравченко Д.П. Армейский досуг военнослужащих российской армии в годы Первой мировой войны. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2024;16(3):21–34. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-21-34>

Y.V. Valyaev✉, A.A. Krisanov, D.P. Kravchenko
**The Russian army leisure activities during
the First World War**

*Belgorod State Agrarian University named after V.Y. Gorin,
Belgorod, the Russian Federation*
✉valjaev_jv@bsaa.edu.ru

Abstract. The subject of the research is the problem of organizing the activities of soldiers and officers of the Russian Imperial Army on the fronts of the First World War in the periods between hostilities. The relevance of studying the problem is dictated by the fact that military conflicts accompany all periods of human development, and the results obtained can be rethought and transferred to modern times, taking into account existing realities. Within the framework of military-historical anthropology, the value of the quality of organization of army leisure is determined by the fact that it largely shaped the degree of psychological stability of combatants and their readiness to endure the difficult conditions of war. The objectives of the study include identifying the main aspects of the life of military personnel based on the study of historical sources. The methodological basis of the study is based on general scientific methods of synthesis, analysis, generalization and systematization. In accordance with the principles of historicism and objectivity, the authors widely use specialized periodicals of the war period, materials from historical sources, both of memoir origin, reflecting the impressions of more educated layers of society, and sources capturing the experience of ordinary soldiers. This approach allows us to comprehensively assess the degree of readiness of the army to organize the front-line life of a soldier as a most difficult task for any military command. The results of the study formulate conclusions about the characteristics of army life military personnel during the First World War, approaches to organizing leisure time are defined and the main components of army life are summarized.

Key words: the First World War, front life, army leisure activities, recreation for military personnel

For citation: Valyaev Y.V., Krisanov A.A., Kravchenko D.P. The Russian army leisure activities during the First World War. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2024;16(3):21–34. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-21-34>

Введение. Война – это не только боевые действия, как бы важны сами по себе они не были. История человечества наполнена как военными конфликтами, так и периодами временного затишья, но по продолжительности времени большая часть периода пребывания солдата на войне – это вовсе не участие в боях. Это как раз периоды пауз, затиший, пребывания на переформированиях – времени, когда солдат может перевести дух. От того, чем в это время занимается военнослужащий, каково его психологическое и физическое

здоровье, зависит в конечном итоге траектория движения армии к победе или поражению. Однако интерес к тому, как и чем заполнено это время, историки начали проявлять относительно недавно. В военно-исторической антропологии (Людтке А., Журавлев С.В., Сенявская Е.С и т. д.) стали заниматься вопросами, связанными 1) с определением границ понятия «фронтовой быт», включающего такие составляющие, как обеспечение войск обмундированием, организацию условий проживания и питания, санитарно-гигиенические усло-

вия и медицинское обслуживание и т. д.; 2) с выявлением характерных факторов, влияющих на психологическое состояние военнослужащих и, как следствие, на ход и итог войны (связь с домом, характер межличностных отношений в военной среде, морально-психологический климат, удовлетворенность бытовыми условиями и т. д.).

Основная часть. История человечества наполнена военными конфликтами и периодами временного затишья и мирного сосуществования. В повседневной жизни солдат, помимо неукоснительного исполнения обязанностей, таких как охрана и уход за оружием, были периоды, отведенные для отдыха, его организация порой была задачей военного руководства. В частности, когда активные военные действия останавливались или находились в стадии планирования, большая часть солдатского дня уделялась выполнению именно боевых и служебных обязанностей, поскольку это было их основной ролью. Тем не менее, временами наступали моменты затишья, когда конфликты ограничивались позиционными батальями, высвобождая продолжительные интервалы времени, которые были сложны для заполнения деятельностью, не связанной с боевыми задачами.

Данный вопрос, к сожалению, не получил достаточного освещения в научной литературе, хотя его значимость, на наш взгляд, имеет под собой веские основания. Ведь высокий боевой дух всегда является подспорьем для успешного завершения боевой задачи, в то время как угнетенные, измученные суровыми условиями жизни или развращенные долгим бездействием солдаты едва ли способны привести свою страну к победе.

Во время Первой мировой войны, которая по большей своей части была «окопной», масса солдат сталкивалась с главной проблемой: скукой и монотонностью, из-за чего находить полезные занятия становилось крайне трудно. Множество свидетельств подтверждают это.

Всё время службы, от момента призыва до самых последних дней в армии, солдаты находили для себя разнообразные занятия, иногда даже несмотря на суровые условия их военного существования. К примеру, со слов военнослужащей Марии Бочкаревой, обычный грузовой вагон, адаптированный для перевозки личного состава, получил название «теплушка», имеющий по две нары на каждой из сторон для сна военнослужащих, но окон в нем не было, ведь он не предназначался для этого изначально. Тогда как офицеры ее полка нашли себе место в пассажирском салоне. В иных источниках она выражает свои мысли о крайне тяжелых условиях перевозки, сравнивая свой опыт с транспортировкой скота на скотобойню, указывая на нехватку пространства даже для того, чтобы просто сесть [1, с. 131].

Естественно, солдатам, которые не могли не видеть разницу между условиями, в которых перемещались офицеры и нижние чины, оставалось лишь вести оживлённые обсуждения этой темы между собой и строить предположения о том, что их ждёт по прибытии.

Постоянно на фронте, особенно на передовой, находиться невозможно, требуется отдых и восстановление сил. Поэтому воинские подразделения в периоды затишья отводили в тыл для ротации. Срок смены на фронте и в тылу имел разную продолжительность и в среднем на фронте составлял около двух недель, а в тылу длился от недели до месяца. Из воспоминаний очевидцев: «15 дней в окопах с мышами и немцами, а 30 дней в резерве» [2, с. 4]; «каждые двенадцать дней нас сменяли и отводили в тыл на шестидневный отдых. Там нас ожидали бани» [1, с. 149]. Прямо с передовой бойцов отправляли в бани для совершения гигиены и дезинфекции, а грязную униформу заменяли чистой.

Находясь далеко от линии фронта, солдаты не погружались в полное бездей-

стве. Им приходилось создавать условия проживания, выстраивать временные жилища для себя. Часто, когда обстоятельства позволяли, их размещение организовывалось среди жителей региона. Прапорщик Степун Ф. вспоминает: «Несмотря на сложности в дороге, нам было известно, что по прибытии нас ожидает предварительно подготовленное место для ночевки» [3, с. 19]. В ситуациях, когда нахождение вблизи линии соприкосновения лишало возможности для такого приёма, служащие обустривали для себя временное убежище, возводя палатки или сооружая защитные укрепления, включая окопы и земляные укрытия различных видов. Кроме того, Степун Ф. говорил о том, что его беседы с солдатами всегда были долгими. Он делился в своих воспоминаниях, что военнотружущие обитали в укрытиях, скромных по размерам, каждое из которых было укрыто досками с одной стороны и укомплектовано простой печью из нескольких кирпичей, в котельной каждого укрытия пламенел огонь. «Мы задумали строительство трех землянок – одну для меня и еще две для размещения солдат. Связавшись по телефону с фельдфебелем из резерва, мы быстро получили необходимые материалы: доски, окно, металлическую печь, и вскоре за спинами наших позиций, на склоне под уклоном, началась активная работа. Несмотря на наличие уже построенных укреплений, предоставленных службой снабжения, солдаты часто сталкивались с необходимостью их дополнительного обустройства» [3, с. 20].

В записках описан опыт солдат, как они приводили в порядок свои временные убежища. Поначалу их жилища состояли из ряда плохо оборудованных блиндажей, которые хоть и были непробиваемы для снарядов, но не имели окон и были очень холодными. С приходом утра военнотружущие приступили к улучшению своих условий проживания: проббили окна, установили печи для тепла, восстановили обрушенные потолки, сделанные из бревен

и песка, и очистили пространство внутри. Расположение блиндажей было организовано по двум «улицам», разделенным на правую и левую сторону для рот с четными и нечетными номерами соответственно, при этом устанавливая указатели для лучшей ориентации [1, с. 134]. Несмотря на исходные неудобства, некоторые из подобных укрытий были выведены в состояние, близкое к отличному, оборудованные мебелью и тщательно очищенные, что делало их вполне приличным местом для проживания.

Одним из важнейших вопросов создания бытовых условий для военных был вопрос организации отхожих мест на передовой. Его значимость доказывает наличие общеизвестного приказа по Юго-Западному фронту «о запрете загрязнения почвы в окопах, и обустройстве в окопах новых отхожих мест взамен прежних, засыпаемых землёю» [4, с. 14]. Необходимость решения этой проблемы была продиктована очевидным желанием командования предотвратить возникновение и распространение в армии острозаразных инфекций (например, тифа). Такую работу поручали преимущественно тем солдатам, которые были свободны.

Таким образом, анализ упомянутых источников показывает, что во время военных действий или их временной приостановки в Первой мировой войне русское армейское командование уделяло внимание определению способов передвижения и организации жилищных и санитарно-гигиенических условий для солдат и офицеров, хотя эти условия и значительно отличались.

В практике организации солдатского досуга сложились два его вида: специально организованный командованием и неофициальный, который обеспечивали себе сами солдаты.

Любопытной иллюстрацией особенностей бытовой жизни солдат является история с ложками на фронте и их значением. Военное питание преимущественно

складывалось из различных каш и супов, чему способствовала значимость ложки, выступавшей основным, а иногда и единственным прибором для еды. Деревянные ложки хоть и были распространены, но их хрупкость ставила военных в непростую ситуацию, вызывая желание получить более надежный металлический аналог. О стремлении солдат к более долговечным и легким ложкам, созданным из материала шрапнельных головок, сохранились упоминания от М. Залеского, бывшего прапорщика из 15-го уланского Татарского полка. Он отметил формирование у солдат особой моды на такие уникальные предметы, выделяющиеся своей прочностью и легкостью.

В рассказах и шутках он часто упоминает о хитрости русского солдата, который найдет выход из любой ситуации, даже когда речь идет о несанкционированном получении артиллерийской головки, ведь воровство у товарищей по оружию – не вариант. Этот метод, хоть и эффективный, таит в себе опасность: несколько бойцов рискуют, выбегая на открытое пространство, начиная маневрировать под артобстрелом врага. Противник открывает огонь снарядами, а солдаты следят, куда падает шрапнель, чтобы один из них мог ухватить ее и унести обратно в безопасное место. Там уже подготовлены примитивные средства – яма с глиняной формой и деревянным каркасом, где будущий трофей превратится в нечто полезное.

На костре расплавляли олово в простой жестяной емкости, затем его, не дав остыть, вливают в форму – когда остывает, получите ложку. Очевидно, что заусеницы будут аккуратно сглажены камнем, и вот она, готова к использованию – наслаждайтесь едой. Впоследствии выбор товаров увеличился: из осколков снарядов начали производить разнообразные предметы, включая мундштуки для сигарет, украшения в виде колец и даже нумерации полков, выгравированные на погонах [5, с. 36].

Эти воспоминания, с одной стороны, показывают, что солдаты занимались полезным делом, стараясь улучшить свой быт, с другой, это занятие можно истолковать как способ скоротать время и избавиться от скуки, одолевающей их между боями.

О том, что армейское командование было озадачено вопросом организации досуга для нижних чинов и давало соответствующие поручения непосредственным командирам армейских команд, читаем в воспоминаниях участника тех событий Герасимова М.: «Два, а иногда и три раза в неделю, по вечерам, штабс-ротмистр беседовал с солдатами по истории России или читал им классиков. Первое делалось по распоряжению штаба полка в обязательном порядке и имело задачей укрепить патриотические чувства солдат, а второе – по инициативе самого Николая Петровича (командиром полка)», «Чтобы бороться с падением патриотизма, командирам приказано лично проводить с солдатами беседы на темы из русской истории, о героическом прошлом. Пособий же нет никаких, рассчитывать приходится только на то, что сохранилось в памяти» [6, с. 55].

В записях тех, кто пережил военные времена, иногда можно обнаружить упоминания о том, что различные общественные группы иногда брали на себя организацию досуга для солдат, не ограничиваясь только военными структурами. Мария Бочкарева, выдающаяся женщина на военной службе, отмечает: «Нашему отдыху поспособствовали размещения в крестьянских домах, где мы испытали теплоту русских печек и приняли баню, совершенно как дома. Ещё нам дарили радость кинопоказы, которые организовывал Земский союз, перевозя киноаппарат на автомобиле с одной базы на другую». Это свидетельствует о том, что внимание к досугу военных привлекало множество сторон [1, с. 159].

В рамках досуговых мероприятий, осуществляемых Земским союзом для во-

еннослужащих, была создана театральная труппа. Инициатива постановки спектакля исходила от одного из офицеров артиллерии, который же и явился автором пьесы. Именно об этом рассказывала Бочкарева, говоря о досуге военных.

Вопросы о том, как солдаты заполняли свое свободное время, находят отголоски в записях, раскрытых на страницах «Сине-го журнала». В этих записях упоминается организация театрального представления прямо на фронтовой линии, на инициативу и под надзором одного из младших офицеров, где военнослужащие рядового состава воплощали как мужские, так и женские персонажи [7, с. 13]. Это представление, устроенное на импровизированной сцене с вниманием к деталям и тонкостям постановки, восторженно было встречено аудиторией. Дополнительно, в архивных материалах были найдены программы таких представлений, которые солдаты отправляли для размещения в печати.

В тексте обсуждается интерес к театру как одному из любимых вариантов проведения времени, что может быть отражением привычек культурно осведомленного слоя общества, включая студентов и учителей, из которого часто набирались офицеры-новобранцы. В качестве иллюстративного примера упоминается театральное представление под названием «Сцена в окопе», которое демонстрирует эпизод, где главный герой Семён Смуров, созданный пером Павла Зими́на, обладающего званием георгиевского кавалера и статусом рядового, совершает дерзкое бегство из вражеского лагеря. Это событие, намеченное на 4 января в 8 вечера, при благоприятных условиях обещало украсить собой вечер бенгальскими огнями и танцами, благодаря разрешению командирского состава [8, с. 8]. Наличие таких предложений досуга подчеркивает значимость театрального искусства в организации отдыха среди определенных слоев населения.

Впрочем, не только солдатским досугом занимались офицеры, но и обустройством своего свободного времени. В одном из воспоминаний встречается описание прощального вечера, организованного офицерами для своего командира: «Провожали сегодня начальника дивизии. В землянке устроили обед на 20 человек, по крайней мере, 20 разных закусок, коньяк, вино из водки и обед из 30 блюд: бульон с кулебякой, бифштекс и великолепный яблочный пирог. Затем кофе, чай, шампанское «Мум», мадера – одним словом, в 1500 шагах от немецких окопов люди умеют жить. На войне надо пользоваться всеми удовольствиями и всеми удобствами, когда возможно, – это основное правило» [2, с. 5].

Информация о самостоятельной инициативе солдат по организации развлекательных мероприятий, которые иногда включали участие или наблюдение их командиров, подтверждается записями в письмах, мемуарах, дневниках, а также отчетах военного руководства. Из этих источников мы узнаем, что солдаты не только искали способы развлечь себя, но и стремились посмеяться над врагом.

Осуществлявшиеся ночные работы не остались незамеченными: на рассвете немецкие войска, заметив вышку через бинокль, начали обстрел, вызвав неподдельную радость среди наших воинов [9, с. 416]. С воспоминаниями из того же периода связаны и бытовые моменты: пребывание в деревенских домах представляло возможность не только для ежедневных игр и соревнований, но также для обучения письму и чтению, хотя последнее было освоено мною и ранее. Книжное предпочтение отдавалось захватывающим рассказам о детективах, среди которых выделялся Ник Картер, имя которого было известно даже мне [1, с. 154]. Не обходилось и без других форм развлечений.

Стоит обратить внимание на отличие досуговой деятельности и её организации в среде солдат, находившихся на поле бое-

вых действий, и военнослужащих, в течение длительного времени пребывавших в своих подразделениях на отдыхе.

На передовой солдаты использовали в качестве развлечений пение, карточные игры, простые разговоры и походы в гости к «соседям» по окопам: «Сколько в окопной жизни своеобразного, грустного и мрачно-красивого. Только ночью люди могут покинуть окопы, ходить около них или пойти вглубь. Идешь по окопу, поглядываешь на его изгибы, а в некоторых уголках приютилась халупа, маленький ласковый огонёк, слышишь речь или тихое пение, похожее на мурлыканье» [10, с. 4], «Безумно скучно, весь день только и смотришь на часы – скоро ли вечер и до утра отдыхаешь от этого однообразия. Только и развлечений, что шляться по окопу в гости друг к другу» [2, с. 7].

Война нового типа, а Первая мировая именно такая – позиционная, в первую очередь, породила новое явление в армейской жизни: так называемое «братание». После боев существовала объективная необходимость убирать никем не занятую территорию от раненых и трупов. Мы обнаруживаем из различных документов, включая личные воспоминания, письма, дневники и официальные отчеты, что инициативы военнослужащих по созданию развлекательных программ часто получали поддержку или внимание их руководителей. Эти мероприятия могли варьироваться, в том числе подразумевая юмористические заходы против противника. Например, солдаты продемонстрировали свою изобретательность, соорудив фальшивый артиллерийский пост наблюдения, украшенный чучелом, схожим с наблюдателем, на его вершине. Это свидетельствует не только о желании солдат немного развеяться, но и об их стремлении поднять насмешку над противником.

В 1915 году, летом, началось необычное явление на восточном театре военных действий, когда русские военные впервые стали неформально общаться с солдата-

ми армии Австро-Венгрии. Эти встречи, известные как «братания», становились всё более распространёнными с наступлением осени того же года и переходом к позиционным боям. Во время Рождества 1915–1916 годов, а также на Пасху в апреле 1916 года, когда празднование совпало с датой у вражеской стороны, количество случаев братаний значительно увеличилось, охватывая десятки воинских подразделений [11]. Уже было сложно для командования остановить эти миролюбивые инициативы солдат на отдельных участках фронта.

С ростом настроений за мир следующий крупный всплеск братаний произошёл в период рождественских праздников 1916–1917 годов. Особый размах они приобрели в апреле 1917 года, на Пасху, среди условий, осложнённых революционными событиями в России. Тогда в братаниях приняли участие примерно 200 российских военных подразделений, включая полки и дивизии, демонстрируя беспрецедентные масштабы явления.

Во время братаний происходил обмен продовольствием и вещами. Стороны знали о том, в чем испытывает недостаток противник, и использовали это как повод для братаний. Например, солдаты из российской армии доподлинно были в курсе отсутствия у австрийцев продовольствия, в частности, хлеба. Именно поэтому они приобретали его для организации «братания». Как правило, происходил обмен хлеба на спиртное. Иногда русские безвозмездно угощали водкой и сигаретами. В 1917 году на территории России обычно не часто наблюдались враждебные действия, как правило, события разворачивались в зоне, не занятой непосредственно воюющими сторонами, или на территории, захваченной немцами. В этот период общение между солдатами противоположных сторон, особенно через обмен алкоголем, стало заметно чаще.

Начиная с весны 1917 года, в различных регионах наблюдался всплеск пьянст-

ва среди русских солдат, которое превратилось в нечто вроде традиционного ритуала.

Иногда в попытках скоротать время при вынужденном бездействии в окопах доходило до юмористических ситуаций: в «одном месте фронта наши окопы и окопы немцев так сближались, что можно было перекидываться камнями и записками. Нам было брошено составленное в объёмном наглом тоне послание, приглашающее сдаваться. Приём пленных назначался на два часа дня. В ответ на это послание наши солдаты перебросили немцам ответ, в котором говорилось, что как раз в два часа обычно производим подсчёт пленных немцев, но, тем не менее, всегда рады их видеть» [12].

Такие свидетельства служат подтверждением нашего предположения о том, что братания стали одним из нестандартных способов проведения солдатского досуга во время пребывания на передовой фронта Первой мировой войны.

Находясь в тылу, солдаты и офицеры погружались в атмосферу разнообразных развлекательных мероприятий. Это не только включало кинопросмотры и торжественные события, но и дарило возможность насладиться театральными спектаклями. В этот период для бойцов открывалась уникальная возможность «реабилитироваться», как выразался прапорщик Оськин Д. Они могли избавиться от накопившейся усталости и вновь почувствовать себя людьми – процесс, подразумевающий не только уход за личной гигиеной, такой как стрижка, бритьё, смена одежды и ремонт снаряжения, но и улучшенное питание, включая горячие блюда [13, с. 54]. В то же время, офицерский состав предавался светским развлечениям, таким как карточные игры и пиры, что контрастировало с повседневной рутинной.

Из содержания различных источников становится известно, что в периоды отдыха военнослужащие организуют необычные развлечения. Они формируют две противостоящие линии, объединяясь

за талии в так называемые «звенья цепей» и пытаясь перетащить лидера противоположной группы на свою сторону, представляя собой своеобразную игру, которая становится свидетельством силы и умения работать в команде. Разрыв линии становится признаком проигрыша. Интересно, что в эти игры иногда включаются и военнопленные, например, австрийцы, соперничая с русскими военными [13, с. 57]. Помимо этого, в быту солдаты поддерживают традиции и навыки, приобретенные дома. Так, бывший московский денщик, ранее работавший у «Жана» (ресторан), демонстрирует искусство аккуратного бритья, обслуживая своего начальника [14, с. 3]. Эти моменты из повседневной жизни в армии показывают, как военнослужащие находят способы организовать свой досуг и сохранять профессиональные навыки даже вдали от привычной городской жизни.

Если нахождение подразделений в резерве затягивалось, то разнообразия в видах отдыха становилось все меньше: «Праздничный вечер в офицерском собрании закончился, как обычно, пьянкой, битьем посуды» [6, с. 62], «Большую часть времени проводили за карточным столом» [15, с. 15], «Много праздников, и всё гремит музыка, и льётся вино» [2, с. 6], «Настроение весёлое: солдаты пели хором сибирские песни, а галичане-хыровцы пришли с медведем и козой» [3, с. 34], «Несмотря на близость фронта, картина развлекательная совершенно мирная. Откуда-то неслись звуки гармони, и беззаботный молодой голос пел частушки» [16, с. 9], «солдаты плясали под музыку, а солдаты-грузины танцевали с кинжалом» [17, с. 11].

Во время физически и морально изматывающей войны особенно ценны в минуты затишья отдых и хотя бы непродолжительный сон. В записях Г. Чемоданова, участника Первой мировой войны, есть уникальные замечания о том, как война формирует удивительные способности: умение засыпать под любой гвалт, даже

под звуки снарядов, при этом бдительность остаётся настолько высокой, что даже шепот прямо к человеку может его разбудить [18, с. 107]. Эта двуединость сна и бдительности – общая черта для армейских условий, где нормальный сон становится настоящей редкостью.

В контексте всех военных конфликтов юмор выступает как незаменимый инструмент. Он не только предоставляет возможность посмеяться над разными аспектами жизни – включая врагов, командиров, и даже товарищей по службе, – через различные формы, такие как шутки или сатирические песни, но и служит средством для отвлечения от грусти реальности, ежедневных страхов и предоставляет моральную поддержку.

Юмор играет ключевую роль в облегчении стресса и предоставлении временного убежища от жестокости военного времени. Во время Первой мировой войны солдаты находили утешение в создании и чтении юмористических, рукописных газет, которые они сами изготавливали в окопах. Одна из таких самодельных публикаций включала замечательные моменты: описание встречи с высокопоставленным командиром в таких преувеличенных тонах, что ни одно официальное описание не могло бы сравниться; «утверждение о том, что колокола звонили во всех церквях в его честь, хотя в реальности звон был слишком далеко, чтобы его слышать; и женщины, радостно кричащие и подбрасывающие в воздух свои головные уборы» [19, с. 11].

Во времена войны среди солдат особенно ценилось чтение – от писем до газетных статей, не исключая книги с детективными сюжетами и последними новостями. В дополнение к этому, некоторые военнотружущие даже пробовали себя в написании литературных произведений и участвовали в конкурсах, организованных журналами. На оборотных сторонах газетных листов, выпущенных с сатирическим подтекстом, можно было обнаружить мно-

жество юмористических объявлений, как, например, о пропаже «пары рентгеновских лучей» с обещанием щедрой награды за их возвращение [19, с. 12]. Такие издания не только развлекали, но и позволяли в веселой форме критиковать быт и условия армейской жизни.

К сожалению, приметой военной жизни было такое явление, как мародёрство: «Статистики уверяют, что на каждый десяток жителей столицы приходится 9 мародёров и один обыватель» [20, с. 14]. По большому счёту для любых войн это было типичной ситуацией.

Ещё одной из сторон фронтовой жизни был её духовный аспект – религиозность личного состава. В начале 20-го столетия наблюдался интересный феномен: когда новобранцы вступали в ряды армии, значительная их часть, доходящая иногда до 70% в отдельных регионах, выявила отсутствие не только знакомства с основами молитв, но и вообще какого-либо религиозного образования. Это привело к уникальному подходу в армейских структурах, где начали принимать на службу духовных лидеров всех мастей: от раввинов и имамов до католических священников и представителей Русской православной церкви. Их задача заключалась не столько в проведении ритуалов, сколько в углублении моральных и духовных ценностей среди солдат, что стало ответом на выявленный недостаток религиозного воспитания. [21, с. 113]. Иллюстрациями такой практики могут служить сцены, где накануне сражения, солдаты, опустившись на колени в снежном поле, единодушно молятся под ведомством своего священнослужителя, искренне надеясь на благосклонность судьбы в предстоящей битве.

Военные времена иногда порождают истории, которые некоторые трактуют как вмешательство свыше, в то время как другие видят в них не более чем игру случая. Так, рассказывают о необыкновенных случаях выживания на поле боя. В одном из таких случаев еврейскому солдату,

которому мать на прощание вручила молитвенник, удастся избежать летального исхода: когда во время боя рядом с ним разорвался артиллерийский снаряд, его осколки, пройдя сквозь личные вещи солдата, остановились в страницах этой священной книги [22, с. 9]. Эти моменты, воспринимаемые как чудо или счастливый случай, становятся предметом разногласий между верующими и скептиками.

В источниках можно прочесть историю одного человека, в которой зафиксирован уникальный момент его спасения. Он описывает момент, когда, пытаясь покончить жизнь самоубийством, стрелял себе в грудь, однако судьба предоставила ему второй шанс – сердце оказалось невредимым. Чудом избежав смерти, он был восстановлен и вскоре отправлен служить на фронт из-за объявленной в стране мобилизации. Его служба оказалась долгой и полной испытаний: участвуя в штыковых атаках более сотни раз и выживая в сражениях под обстрелами и взрывами, он чудом оставался невредимым [23, с. 6]. Этот опыт привел его к пониманию ценности и непреложности судьбы, укрепив веру в то, что его жизнь имеет смысл, даже если он важен лишь самому себе. В конечном итоге этот опыт послужил его спасением.

Наличие подобных воспоминаний подтверждает увеличение количества суеверий и проявления глубокой веры среди военнослужащих.

Характерной приметой фронтового быта в любых военных конфликтах является употребление алкоголя. Этому вопросу были посвящены некоторые исследования русской дореволюционной военной психологии. Так, «в одном из первых военно-социологических опросников, составленных сразу после Русско-японской войны, фигурировал вопрос о влиянии алкоголя на душевное состояние в бою, до и после него» [24, с. 145].

Множество документов отображает, что военные нередко прибегали к употреблению алкоголя: для некоторых это был

способ отметить торжество или расслабиться, для других – средство согреться или даже лечебная необходимость. Подобные действия были неорганизованными, поскольку алкогольная поддержка для армии официально не предусматривалась. Единственным официальным исключением являлось поступление спиртного в больницы и другие медицинские учреждения с военной направленностью. Так, «в Первую мировую в России был даже введён сухой закон, только после революции отменённый большевиками» [18, с. 112]. Стоит упомянуть о том, что враг нередко использовал любовь к спиртному против неприятеля. Так, во время отступления немецкие войска злонамеренно оставляли бутылки с отравленным спиртным.

Отличительной особенностью Первой мировой войны стали изменения в гендерном составе действующей армии. В числе бойцов оказались и женщины. Теперь женщин можно было встретить в армии не только в роли сестёр милосердия, но и в пехоте. Самой известной женщиной-солдаткой является Мария Бочкарева, которая поделилась своими воспоминаниями о службе в пехоте и тяготах солдатской жизни в своей книге «Яшка: моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы».

В солдатской среде таких женщин ждали испытания, так как очень часто их воспринимали как распутниц. Некоторым солдатам было сложно определиться с тем, как относиться к своим сослуживицам: «Я вспомнил, что у нас в полку тоже две добровольницы, одна в 3-м батальоне, Маруся Туз, – последнее не фамилия, а прозвище, данное солдатами за её чрезвычайно округленные формы, – а другая, Ольга Ивановна, – в 1-м батальоне. Маруся Туз живёт при роте, старается службу нести исправно, но этому мешают её физиологические особенности. Хотя и в солдатском одеянии, но женщина... Вместо того чтобы с людьми своего взвода идти на разведку, или на работу, или в полевой караул, ей

приходится чаще всего направляться в землянки офицеров, которые приглашают её затем, чтобы позубоскалить, а злые языки говорят, что и ещё кое за чем... Эта Маруся Туз месяц тому назад выбыла из полка будто бы по беременности. Ольга Ивановна – другой тип. Гимназисткой была влюблена в прапорщика, своего жениха, который был убит в первые месяцы войны. Тогда она надела солдатское платье и отправилась на фронт мстить немцам. Исправно ходит в караул, в разведки, имеет уже Георгиевскую медаль, и солдаты про неё ничего дурного не говорят. Находится в полку по сие время» [13, с. 34].

В армейской жизни общение с женщинами часто становилось способом разнообразия и поднятия боевого духа. В одном случае, дом, где проживала молодая женщина вместе со старушкой восьмидесяти лет, стал неофициальным местом сбора для офицеров её мужа, который служил офицером в армии Австрии. Интерес к жене своего товарища, более чем к пребыванию в доме из-за необходимости, привлекал к себе двадцать офицеров, оставшихся в части, создавая атмосферу соревнования за её внимание. Сам факт ухаживания, не стремясь к завоеванию сердца как цели, способствовал укреплению морального духа среди военных, добавляя нечто особенное в обыденность военного быта.

Участие женщин не обходило стороной армии обеих сторон конфликта, включая российскую военную силу и войска оппонента. В заметках, оставленных австрийским офицером, который был захвачен в плен, прослеживается интересная деталь: он упоминает, что их оборонительные позиции были настолько надежно укреплены, что казались абсолютно неприступными благодаря передовым научным достижениям. Это обстоятельство позволяло даже семейным и близким родственникам офицеров, женам и неженатам, осуществлять визиты в эти укрепления [25, с. 8]. Однако в итоге

эти самые офицеры оказывались в плену вместе со своими близкими.

Частью фронтовой жизни стала и забота о «сыновьях полка». Дети на войне вместе со взрослыми не единожды принимали участие в реальных боях, официально числились вольноопределёнными, получали награды: «Дмитрий Зелянский, 14 лет, состоял в 14-м Туркестанском полку. Был ранен. Во время боя подавал солдатам патроны. Иван Цыганков, 16 лет, за выдающуюся храбрость в боях с неприятелем награждён орденом св. Георгия 4-й степени» [26, с. 17]. Эти дети напоминали военнослужащим о родном доме и семье, поэтому их окружали большим вниманием и заботой, старались помочь справиться со сложностями фронтовой жизни.

Иногда солдатским развлечением становилась охота: «Для любителей охоты в окопах открывается самое «широкое поле». Перепуганные канонадой зайцы и куропатки мечутся между окопами и в результате попадают в ротные котлы» [27, с. 10]. Такие случаи не были слишком распространены. В некоторых воспоминаниях содержатся рассказы о животных, которые скрашивали солдатскую жизнь и «служили» вместе с людьми, становясь всеобщими любимцами. Так, например, задача истребления мышей в окопах поручалась котам: «Мышей у нас стало меньше, мы завели дивного кота» [2, с. 8], а собак использовали для охранной и санитарной службы.

Жизнь бойцов скрашивали получение и отправка писем, посылок и подарков. Время от времени им оказывалась разная благотворительная помощь: «Комитетом членов Государственной думы для образования помощи раненым и пострадавшим во время войны были отправлены для раздачи на передовых позициях тёплые вещи, бельё, табак и подарки» [28, с. 2].

Заключение. Таким образом, имеющиеся свидетельства являются подтверждением особой важности вопроса организации армейского быта и досуга.

Резюмируя вышесказанное, отметим выделенные нами стороны армейской жизни: 1) особенности быта (условия жизни и транспортировки военнослужащих; организация временного жилья и отхожих мест на передовой, время для сна); 2) организация досуга (театральные постановки, просмотры кино, чтение, пение, игры в карты, походы в «гости», распитие алкоголя, охота и др.); 3) духовность (священники на войне); 4) изменения в гендерном и возрастном составе военнослужащих (женщины и дети на войне). Все эти составляющие военной жизни сопровождались особым армейским юмором, свойственным русскому человеку и скрашивающим тяготы несения службы.

В нашей работе были выделены два вида отдыха военнослужащих: 1) офици-

альный (организованный командованием) и 2) неофициальный (осуществляемый военнослужащими самостоятельно).

Среди развлечений на фоне военного времени можно выделить два основных направления: первое включает в себя виды деятельности, которые не требуют специфических ресурсов или подготовки. Это могут быть такие занятия, как коллективное пение, обсуждение последних новостей с помощью прессы, составление писем, участие в карточных играх, посещения друзей и обмен мнениями на различные темы. Второе направление охватывает активности, для которых необходима особая подготовка и соответствующее оборудование, например, организация театральных спектаклей, просмотр фильмов, а также прослушивание музыкальных композиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочкарёва М. Яшка: моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы. М., 2001.
2. Кузнецов В.И. Армия и страна на переломе // Из писем Поливанова А.В. родным с фронта (октябрь 1916 – май 1917 гг.). Ульяновск, 1998.
3. Степун Ф.А. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000.
4. Военно-санитарный сборник Юго-Западного фронта. 1915. № 1.
5. Клочков Д. Ложки нижних чинов императорской армии в конце XIX – начале XX вв. // Цейхгауз. 2010. № 2.
6. Герасимов М.Н. Пробуждение. М., Воениздат, 1965.
7. Синий журнал. 1916. № 48.
8. Синий журнал. 1915. № 8.
9. Летопись войны 1914–1915 гг. 1915. № 26.
10. Русский инвалид. 1916. № 25.
11. Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА), Ф. 2067, Оп. 1, Д. 2934, Л. 53; Ф. 2134, Оп. 1, Д. 969, Л. 8; Ф. 2139, Оп. 1 Д. 1673, Л. 683.
12. РГВИА, Ф. 2031. Оп. 1, Д. 1183, Л. 170, Ф. 2067, Оп. 1, Д. 2934, Л. 163.
13. Оськин Д.П. Записки прапорщика. Сборник. Откровенные рассказы. М., Воениздат, 1998.
14. Синий журнал. 1916. № 49.
15. Черепанов А.И. Боевое крещение. М., 1960.
16. Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959.
17. Синий журнал. 1915. № 15.
18. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.
19. Синий журнал. 1915. № 11.
20. Синий журнал. 1916. № 42.
21. Новичков А.В. Фронтной быт боевых частей и подразделений русской армии во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. (по материалам личного происхождения): дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

22. Синий журнал. 1915. № 12.
23. Синий журнал. 1915. № 39.
24. Царская Россия в мировой войне. Л., 1985.
25. Синий журнал. 1916. № 5.
26. Синий журнал. 1915. № 3.
27. Синий журнал. 1915. № 9.
28. Русский инвалид. 1915. № 4.

REFERENCES

1. Bochkareva M. Yashka: my life as a peasant woman, an officer and an exile. M., 2001.
2. Kuznetsov V.I. The army and the country are at a turning point // From the letters of A.V. Polivanov from the front to his relatives (October 1916 – May 1917). Ulyanovsk, 1998.
3. Stepun F.A. From the letters of a warrant officer-artilleryman. Tomsk, 2000.
4. Military-sanitary collection of the South-Western Front. 1915. No. 1.
5. Klochkov D. Spoons of the lower ranks of the imperial army in the late 19th – early 20th centuries // Zeichgauz. 2010. No. 2.
6. Gerasimov M.N. Awakening. M., Voenizdat, 1965.
7. Siniy Journal. 1916. No. 48.
8. Siniy Journal. 1915. No. 8.
9. Chronicles of the war of 1914–1915. 1915. No. 26.
10. Russian disabled person. 1916. No. 25.
11. Russian State Military Historical Archive (hereinafter RSMHA), F. 2067, Op. 1, D. 2934, L. 53; F. 2134, Op. 1, D. 969, L. 8; F. 2139, Op. 1 D. 1673, L. 683.
12. RSMHA, F. 2031. Op. 1, D. 1183, L. 170, F. 2067, Op. 1, D. 2934, L. 163.
13. Oskin D.P. Notes of a warrant officer. Collection. Candid stories. M., Voenizdat, 1998.
14. Siniy Journal. 1916. No. 49.
15. Cherepanov A.I. Baptism of fire. M., 1960.
16. Verkhovsky A.I. On a difficult pass. M., 1959.
17. Siniy Journal. 1915. No. 15.
18. Senyavskaya E.S. Psychology of war in the 20th century: the historical experience of Russia. M., 1999.
19. Siniy Journal. 1915. No. 11.
20. Siniy Journal. 1916. No. 42.
21. Novichkov A.V. Front-line life of combat units and units of the Russian army during the Russo-Japanese War of 1904–1905 (based on personal materials): dis. ...PhD (History). M., 2009.
22. Siniy Journal. 1915. No. 12.
23. Siniy Journal. 1915. No. 39.
24. Tsarist Russia in the World War. L., 1985.
25. Siniy Journal. 1916. No. 5.
26. Siniy Journal. 1915. No. 3.
27. Siniy Journal. 1915. No. 9.
28. Russian disabled person. 1915. No. 4.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declares no conflict of interests

Информация об авторах

Валяев Ярослав Владимирович, доцент, кандидат исторических наук, Белгородский государственный аграрный университет имени В.Я. Горина, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: valjaev_jv@bsaa.edu.ru

Крисанов Андрей Александрович, доцент, кандидат философских наук, Белгородский государственный аграрный университет имени В.Я. Горина, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: krisanov_aa@bsaa.edu.ru

Кравченко Дмитрий Павлович, доцент, кандидат экономических наук, Белгородский государственный аграрный университет имени В.Я. Горина, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: kravchenko_dp@bsaa.edu.ru

Information about the authors

Yaroslav V. Valyaev, PhD (History), Associate Professor, Belgorod State Agrarian University named after V.Y. Gorin, Belgorod, the Russian Federation,
e-mail: valjaev_jv@bsaa.edu.ru

Andrey A. Krisanov, Ph.D. (Philosophy), Associate Professor, Belgorod State Agrarian University named after V.Y. Gorin, Belgorod, the Russian Federation,
e-mail: krisanov_aa@bsaa.edu.ru

Dmitry P. Kravchenko, PhD (Econ.), Associate Professor, Belgorod State Agrarian University named after V.Y. Gorin, Belgorod, the Russian Federation,
e-mail: kravchenko_dp@bsaa.edu.ru

**Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
All authors have read and approved the final manuscript.**

Поступила в редакцию 11.07.2024
Поступила после рецензирования 22.07.2024
Принята к публикации 29.07.2024
Received 11.07.2024
Revised 22.07.2024
Accepted 29.07.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-35-43>

УДК [687.16:391]:792.024

© Гатина-Шафикова Д.Ф., 2024

Д.Ф. Гатина-Шафикова

Одежда казанских татар в изображениях М.К. Тильке: к вопросу о презентативности визуального источника

*Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан,
г. Казань, Российская Федерация
golocen@yandex.ru*

Аннотация. Изображение как научная единица в исследовании работ М.К. Тильке – важная источниковая категория при изучении материальных аспектов наследия татар. Цель: изучить, систематизировать и ввести в научный оборот визуальные источники, воспроизводящие костюмный комплекс татар. В ходе исследования решались следующие задачи на основании представленного материала: выявление, описание определённого типа одежд, воспроизведённых в зарисовках; проведение сравнительного анализа графических, письменных источников и сохранившегося материального наследия в музейных коллекциях. В статье был применен метод историко-этнографических исследований. Выводы: каждая рисованная работа у художника этнографически точна, так как главной целью было раскрытие уникальности, значимости и особенностей костюмного комплекса. Участие в научных экспедициях, последовательное изучение и сопоставление графических, письменных источников и сохранившегося материального наследия в музейных коллекциях выявили точное воспроизведение особенностей кроя. Как исследователь, он попытался провести параллели с другими народами, и близкими по культуре, или просто находящимися во взаимодействии с татарами. Обращаясь к ранним историко-этнографическим источникам, М. Тильке старался выявить общее и частное в деталях татарского женского и мужского костюма.

Ключевые слова: художник, музей, экспедиции, костюмный комплекс, татары, рубаха, джилян, калфак

Для цитирования: Гатина-Шафикова Д.Ф. Одежда казанских татар в изображениях М.К. Тильке: к вопросу о презентативности визуального источника. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2024; 16(3): 35-43. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-35-43>

D.F. Gatina-Shafikova

Clothing of the Kazan Tatars in the artworks of M.K. Tilke: revisiting the representation of a visual source

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences,
Kazan, the Russian Federation
golocen@yandex.ru*

Abstract. An artwork as a scientific unit in the study of the works of M.K. Tilke is an important source category when studying the material aspects of the Tatar heritage. The goal of the research is to study, systematize and introduce visual sources that reproduce the costume complex of the Tatars into scientific circulation. During the research the following tasks were solved: certain types of clothing reproduced in sketches were identified and described; graphic, written sources and surviving material heritage in museum collections were analyzed. The method of historical and ethnographic research was used. The conclusions: each of the artist's artworks is ethnographically accurate, since the main goal was to reveal the uniqueness, significance and features of the costume complex. Participation in scientific expeditions, consistent study and comparison of graphic, written sources and preserved material heritage in museum collections revealed an accurate reproduction of the cut features. As a researcher, he tried to draw parallels with other peoples, those close in culture, or simply those in interaction with the Tatars. Turning to early historical and ethnographic sources, M. Tilke tried to identify the general and specific in the details of the Tatar women's and men's costume complex.

Key words: artist, costume complex, the Tatars, shirt, dzhilyan, kalfak

For citation: Gatina-Shafikova D.F. Clothing of the Kazan Tatars in the artworks of M.K. Tilke: revisiting the representation of a visual source. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2024; 16(3): 35-43. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-35-43>

Введение. Художники не одно столетие работали на благо изучения и сохранения традиционной культуры. Ещё до изобретения фотоаппаратов, отдельно сами и совместно с научными экспедициями они ездили, зарисовывали и сохраняли для потомков особенности кроя, способы ношения и сочетания цветов. Благодаря их труду мы можем в письменных источниках прочитать и увидеть изображения, на которых показано всё то, что сохранено в музеях, но только на живых людях, для которых это было понятным и привычным. Однако зачастую исследователи воспринимают изображение исключительно как визуализированное дополнение, не осознавая его потенциал.

По татарскому костюму написано много специальных научных трудов и глав в монографиях – К.Ф. Фуксом, К. Насыри, Ш. Марджани, Н.И. Воробьёвым, Н.И. Гаген-Торн, Р.Г. Мухамедовой, Ю.Г. Мухаметшиным, Ф.Л. Шарифуллиной, М.К. Завьяловой, С.В. Суловой, А.В. Черных и др. Во многих из них активно использовались изобразительные материалы, но привлекались они как иллюстративный материал для текста.

Одним из художников, который посвятил своё творчество по воссозданию в изображениях форм и прочих деталей костюма как современного для его времени, так и в исторической ретроспективе, стал М. Тильке. Он располагал художественным талантом и обладал даром иссле-

дователя, повторяя на бумаге увиденное, выстраивая общую картину развития человечества через одежду и украшения. В его трудах были охвачены костюмы разных народов и сословий, с учётом временных и модных изменений.

Изображение как научная единица в данном исследовании является важной источниковой категорией при изучении материальных аспектов наследия татар, в том числе одежды. Цель: изучить, систематизировать и ввести в научный оборот визуальные источники, воспроизводящие костюмный комплекс татар в рисованных работах М. Тильке. В ходе исследования решались следующие задачи:

- на основании представленного материала – выявление, описание определённого типа одежд, воспроизведённых в зарисовках;

- проведение сравнительного анализа графических, письменных источников и сохранившегося материального наследия в музейных коллекциях.

Специфика решаемых задач обозначила привлечение определенной методологии и методов исследования. В статье был применен метод историко-этнографических исследований, а именно сравнительно-исторический, для изучения костюма в изображениях, а типологический анализ был использован для определения типов и видов одежды.

Основная часть. Родился Макс Карл Тильке в Силезии, г. Бреслау (Вроцлав), 6 февраля 1869 года. В 17 лет поступил в Академию художеств. Ещё студентом он путешествовал по Италии и Тунису. Получив профессиональное художественное образование, стал работать в Берлине художником-декоратором, а затем в Мадриде в Национальном музее Прадо копиистом. Благодаря музею и его коллекциям, М. Тильке улучшил профессиональные навыки, зарисовывая музейные экспонаты, и стал изучать историю костюма. В 1900 году он переехал в г. Париж, где устроился

работать иллюстратором. По возвращении в г. Берлин М. Тильке уже стал опытным экспертом и был признан в обществе как художник и исследователь.

В 1911 году в Библиотеке костюмов Липперхайде при Музее народных промыслов (г. Берлин) состоялась первая выставка работ М. Тильке, по результатам которой государство выделило бюджетные средства на приобретение рисунков для библиотеки.

О творчестве М. Тильке стало известно Российскому императорскому двору, и по рекомендации императора Николая I его пригласили к сотрудничеству с музеем в г. Тифлис (Тбилиси). Учитывая современные на тот момент возможности, и музейные фонды, находившиеся в полном распоряжении художника, было принято решение сфотографировать модели в костюмах, характерных для разных регионов, и зарисовать.

Первая мировая война не позволила закончить работу. Художник, возвратившись в Берлин, не все выполненные им изображения он смог перевезти с собой. В 1930-х годах в СССР было издано 36 почтовых карточек (открыток) с детальными акварельными изображениями «Народы Кавказа в национальных костюмах». Обширная коллекция в настоящее время находится в частном владении у коллекционера Низами Ибраимова, а также в фондах ГБУ Республики Крым, Бахчисарайском историко-культурном и археологическом музее-заповеднике, в КГУК «Красноярский краевой краеведческий музей», МБУК «Нижневартовский краеведческий музей имени Тимофея Дмитриевича Шуваева».

Во время войны М. Тильке создавал композиции на военную тему для Союза издателей в Штудгарте (Deutsche Verlag Union), параллельно продолжая заниматься исследованиями костюма. Опыт изучения народной одежды позволил М. Тильке опубликовать ряд книг, посвящённых разным народам и временным периодам. В

1922 году была издана книга «Восточные костюмы...» [9], где были представлены отдельные элементы костюмов грузин, осетин, дагестанских народов (кубачинцы, аварцы, лезгины), армян (из Ахалкалаки, Артвина, Нахичеваня, Еревана), удин, азербайджанцев, шемахинцев, нухинцев, жителей Каспийских степей (калмыки, ногайцы, туркмены) и др.

В 1956 г. на английском языке М. Тильке публикует свой труд «Выкройки и эскизы костюмов...» [1] с изображениями по татарам и небольшим описанием. В 1996 году на русском языке была выпущена книга В. Бруна и М. Тильке «История костюма от древности до нового времени» [8], где по татарам представлена рисованная копия с работы М. Букаря, фотографа из Оренбурга, создателя серии «Фотографические снимки типов Оренбургского края» 1872 г. Изображение хранится в Государственном историческом музее (далее ГИМ) под № ГИМ 90884/13. Всего показаны две женские фигуры, в идентичных по крою рубашках с длинными рукавами, отложными воротниками и широкими воланами, чуть выше талии, по типу «өске итэкле күлмэк». У женщины, расположенной слева, виден или верхний нагрудник изу, или нашитые по краям грудного разреза разноцветные ленты, что было характерно для более ранних вариантов. На голове шапка с высокой тульей и плоским верхом, косы украшены вплетёнными монетами/жетонами по всему периметру. Вторая женская фигура изображена со спины, без головного убора, с небольшими украшениями на концах кос, по типу подвесок – чулпы.

Самое интересное осталось в непере-ведённом издании 1925 года. Художник и исследователь опубликовал книгу по народному костюму восточно-европейских народов [10], где представил изображения мужского джиляна – вид спереди и вид сзади [10, р. 77] (Рис. 1), женской рубахи и калфака [10, р. 78] (Рис. 2).

К каждому рисунку из книг есть непосредственное описание, дающее нам информацию о крое и материале, о схожих чертах, которые объединяют и доказывают общее прошлое и пути развития разных народов. По казанским татарам М. Тильке обозначил, что зарисована «праздничная одежда казанского татарина. Халат шит из жесткой парчи, прошитой золотыми и серебряными нитями, и обшит туркестанским шелком; воротник и грудь украшены золотой тесьмой. Рукава короче, чем у азиатского халата или чапана, но покрой халата, за исключением таких деталей, как втачивание рукавов, соответствует туркестанскому одеянию» (перевод Гатина-Шафикова Д.Ф.) [10, р. 29].

Соответственно, зарисованное художником изображение визуализирует написанное, давая возможность сопоставить текст и рисунок, на котором показаны особенности кроя. Халат показан с двух сторон: вид спереди и сзади. Основная ткань с крупным стилизованно-растительным узором, а подклад из многоцветной абровой ткани с геометрическим орнаментом. Подобный халат, или джилян сохранился в фондах Национального музея Республики Татарстан (далее НМ РТ), под № НМРТ КП- 10225/34. ВТЭ Тат 723. В настоящее время экспонируется в «Золотой кладовой». В полном облачении и подобной же распашной одежде сохранилась раскрашенная фотография М. Букаря в собрании ГРМ под № ГИМ 90884/16. Советский этнограф Н.И. Воробьев в исследовании по материальной культуре казанских татар также обозначал, что «чикмэн или джилян это, так сказать, татарский вариант бухарского халата (чапан), от которого они по покрою почти не отличаются и лишь шьются из тонированных ярких тканей... В большинстве случаев носят духовенство и редко богатые татары для хождения в мечеть и на торжественные обеды» [3, с. 323-324].

М. Тильке не ограничился внешними описанием и воспроизведением

Рис. 1. Tilke M. Osteuropäische Volkstrachten in Schnitt und Farbe. Berlin: Verlag Wasmuth 1925. S.77.

Рис. 2. Tilke M. Osteuropäische Volkstrachten in Schnitt und Farbe. Berlin: Verlag Wasmuth 1925. S.78.

кроя. Художник в тексте обозначил, что, начиная с «XVI столетия, у русского населения подобная крупноузорчатая, зачастую многоцветная одежда получила широкое распространение, заменив более древние русские костюмы, основанные на византийском стиле. К XVII веку у кафтана, ферязя и охабенья становится распространённым воротник-стойка, появляются горизонтальные плетённые элементы с пуговицами в местах стыка на передней части груди или по всей длине, что встречалось на венгерских халатах и даже на индийских» (перевод Гатина-Шафикова Д.Ф.). Возможно, автор исходил из текста Сигизмунда Герберштейна, в «Записки о Московии» писавшего, что «одежда их [и телесное убранство] у всех одинаковы; кафтаны они носят длинные, без складок, с очень узкими рукавами, почти на венгерский лад; при этом христиане носят узелки, которыми застегивается грудь на правой стороне, а татары, одежда которых очень похожа, – на левой [2, с. 251].

На втором изображении, судя по подписи, художник воспроизвел праздничный вариант татарской женской рубахи и головного убора «калфак». В описании художник отметил, что «платье выполнено из золотой парчи, на подкладе из бязи в верхней части. Сшито в восточном стиле, с очень длинными и широкими рукавами. К нижнему краю в виде рюши прикреплена золотая кайма. Воротник украшен золотой бахромой» (перевод Гатина-Шафикова Д.Ф.) [10, р. 30]. Под «восточным стилем» автор подразумевал туникообразную рубаху, крой которой был описан в научном труде «Народный костюм татар...» – «раскроенная по вертикальным линиям, без горизонтальных швов. Плечевая часть рубахи, обычно до талии или середины груди, имела подкладку из простой ткани, нередко самодельного холста» [7, с. 90]. Художник педантично воспроизвёл и особенности вшивания ластовицы под прямым рукавом

и боковым клином, что было характерной чертой ранних мужских и женских рубах. «Золотая кайма», нашитая в нижней части подола, представляет собой полосу золотного позумента, в большом количестве использовавшегося в декоре женских нагрудников из у и камзолов. Образец позумента со схожим узором хранится в Государственном музее изобразительных искусств РТ, под № ГМИИРТ КП-5184. Подобные женские рубахи туникообразного кроя, с отложным, а не стоячим, более поздним воротником, сохранились в музеях страны. Среди них, из собрания НМ РТ, за № НМРТ КП-10197/12. ВТЭ Тат-725, НМРТ КП-10225/38. ВТЭ Тат-719 и в Российском этнографическом музее с декором из бахромы по воротнику под № РЭМ 8762-24636, РЭМ 8762-24645. Ещё татарский мусульманский богослов, просветитель, этнограф, археограф, востоковед и педагог – Ш. Марджани – в «Мустафад аль-ахбар фи ахваль Казан ва Булгар», описывая рубахи татарок, отмечал, что «раньше на подоле женского платья не было оборок. В наше время их платья шьют из чистого шелка или ситца. Рукава этих платьев очень длинные и широкие» [5, с. 46]. По этому поводу и позднее исследователи отмечали, что в первой половине и в середине XIX века «у богатых платьев рукава делались очень длинными, спускающимися до колен, и в них на уровне кисти устраивались прорезы» [3, с. 333]. В 1863 г. К.Ф. Гун в г. Елабуге выполнил акварель, где на одной из изображённых девушек воспроизвёл рубаху с гипертрофированно длинными рукавами во всю длину рубахи. В настоящее время изображение хранится в Государственном русском музее (далее ГИМ), под № Р-19209. Причём женская рубаха показана со спины, так как чаще всего данный ракурс оказывается неучтённым.

Зарисованный женский головной убор калфак без отворота с пришитым декорированным околышем М. Тильке практически не был описан. Художник

лишь обозначил, что он «изготовлен из фиолетового бархата, на подкладке из бязи с золотой окантовкой по низу» (перевод Гатина-Шафикова Д.Ф.). Исходя из изображения, невозможно понять точный его размер, так как к концу XIX столетия длина и ширина данного типа женских головных уборов были очень вариативны. Более ранние образцы, датируемые 1870–1880 гг., в среднем достигали в длину до 50 см, однако уже к началу XX столетия в обиходе появляются в длину не более 10–12 см, претерпев трансформацию из большого калпака/колпака в элемент головного декора.

С постепенным уменьшением калфака появилась и вариативность его ношения. Изначально головной убор полностью натягивался на верхнюю часть головы, а длинная лопасть откидывалась назад или вбок. При уменьшении самих размеров и внутреннего диаметра утрачивается и возможность его надевания.

Оформление бархатных калфаков у татар было разным, по типу используемых материалов и техник: монетами, жемчугом и бисером, золотными (канитель, трунцал и пр.), шелковыми, шерстяными и хлопчатобумажными нитями, пайетками (блестками); обычная вышивка и с подложкой. Орнаментальная композиция, как правило, имела общую основу. Н.И. Воробьев писал, что калфак декорируется не сплошь, а на основании вышивается или букет, или перо, далеко не покрывающие его поверхность с цветочно-растительным бордюром по околышу [3, с. 377], как в образце, воспроизведённом М. Тильке. Схожий по декору и форме экспонат представлен в собрании Краеведческого музея Кукморского муниципального района, под № ККМ ОФ-110/1.

Кроме описания и выполненных изображений, важно, что художник и исследователь отметил источник. Зарисованные им детали татарского мужского и женского костюмного комплекса являлись экспонатами из фондов Гам-

бургского этнографического музея [10, р. 29, 30]. Соответственно, они не были усреднённой или выдуманной вариацией татарских одежд. Однако подобный претендент не являлся новым как в работах художников, так и в этнографической науке. В конце 1850-х гг. К.Ф. Гун для альбома Г.-Т. Паули «Этнографическое описание народов России» [6] подготовил ряд изображений одежды разных народов, проживавших в Российской империи. Непосредственно по татарам были воспроизведены костюмные комплексы, исходя из предметов, хранящихся в собрании Русского географического общества [4, с.184]. В настоящее время зарисованные экспонаты находятся в музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Заключение. Таким образом, в рамках данного исследования при проведении сравнительного анализа графических, письменных источников и сохранившегося материального наследия в музейных коллекциях, было выявлено, что М. Тильке воспроизвёл особенности кроя разных элементов мужского и женского комплекса и попытался сам провести параллели с другими народами как близкими по культуре, так и находящимися во взаимодействии с татарами. Обращаясь к более ранним историко-этнографическим источникам, художник старался выявить общее и частное в деталях костюма. Каждая его работа этнографически точна, так как главной целью для него было раскрытие уникальности и значимости каждого народа. Воспроизводя яркие и характерные черты, М. Тильке показал общность тюркского, восточного костюмных комплексов и региональные особенности. Участие в научных экспедициях, точное копирование музейных экспонатов дало возможность ему прочувствовать культурные особенности, среду бытования, изучить путь развития, правила ношения, нормы, принятые в обществе и

характерные для разного исторического периода.

Следовательно, акварели, выполненные М. Тильке, представляют для современных исследователей и реконструкторов

важный источник, совместно с сохранившимися музейными экспонатами и научными исследованиями, раскрывающий особенности костюмного комплекса татар раннего периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брун В., Тильке М. История костюма от древности до нового времени / пер. с нем. Г.А. Светличной. М.: ЭКСМО, 1996. 489 с.
2. Герберштейн С. Записки о Московии: в 2-х т. Т. I: Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А.И. Малеина и А.В. Назаренко, с ранненововерхненемецкого А.В. Назаренко / под ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с.
3. Воробьев Н.И. Материальная культура Казанских Татар: (опыт этнографического исследования). Казань: Татаполиграф, 1930. 480 с.
4. Карл Гун. Художник и этнограф / гл. редактор Г.Р. Руденко. сост. А.Г. Куклин. Елабуга: Елабужский государственный музей-заповедник, 2023. 528 с.
5. Марджани Ш. Полезные вести о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Ч. 1. Казань: Магариф-Вақыт, 2022. 271 с.
6. Паули Г.-Ф.Х. Этнографическое описание народов России. СПб.: Imprimerie de F. Bellizard, 1862. 154 с.
7. Сулова С.В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Фэн, 2000. 312 с.
8. Tilke M. Costume patterns and designs: a survey of costume patterns and designs of all periods and nations from antiquity to modern times. Publisher: A. Zwemmer Ltd., London, 1956. 459 p.
9. Tilke M. Oriental costumes: their designs and colors. Berlin: Ernst Wasmuth. 1922. 32 p. text and 128 color illustrations.
10. Tilke M. Osteuropäische Volkstrachten in Schnitt und Farbe. Berlin: Verlag Wasmuth, 1925. 96 p.

REFERENCES

1. Brun V., Tilke M. History of costume from antiquity to modern times / trans. from German by G.A. Svetlichnaya. M.: EKSMO, 1996. 489 p.
2. Herberstein S. Notes on Muscovy: in 2 volumes. Vol. I: Latin and German texts, Russian translations from Latin by A.I. Malein and A.V. Nazarenko, from the Early New High German by A.V. Nazarenko / ed. by A.L. Khoroshkevich. M.: Monuments of historical thought, 2008. 776 p.
3. Vorobyov N.I. Material culture of the Kazan Tatars: (experience of ethnographic research). Kazan: Tatapolygraph, 1930. 480 p.
4. Karl Hun. Artist and ethnographer / ch. editor G.R. Rudenko. comp. by A.G. Kuklin. Elabuga: Elabuga State Museum-Reserve, 2023. 528 p.
5. Marjani Sh. Useful news about the state of Kazan and Bulgar (Mustafad al-akhbar fi ahvali Kazan va Bulgar). Part 1. Kazan: Magarif-Vakyt, 2022. 271 p.
6. Pauli G.-F.H. Ethnographic description of the peoples of Russia. St. Petersburg: Imprimerie de F. Bellizard, 1862. 154 p.
7. Suslova S.V., Mukhamedova R.G. Folk costume of the Tatars of the Volga region and the Urals (mid-19th – early 20th centuries). Historical and ethnographic atlas of the Tatar people. Kazan: Fan, 2000. 312 p.

8. Tilke M. Costume patterns and designs: a survey of costume patterns and designs of all periods and nations from antiquity to modern times. Publisher: A. Zwemmer Ltd., London, 1956. 459 rub.

9. Tilke M. Oriental costumes: their designs and colors. Berlin: Ernst Wasmuth. 1922. 32 p. text and 128 color illustrations.

10. Tilke M. Osteuropäische Volkstrachten in Schnitt und Farbe. Berlin: Verlag Wasmuth, 1925. 96 p.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflict of interests

Информация об авторе

Гатина-Шафикова Дина Фасыховна, научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация, e-mail: golocen@yandex.ru

Information about the author

Dina F. Gatina-Shafikova, Research Fellow, the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, the Russian Federation, e-mail: golocen@yandex.ru

**Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.**

Поступила в редакцию 30.05.2024

Поступила после рецензирования 22.06.2024

Принята к публикации 29.06.2024

Received 30.05.2024

Revised 22.06.2024

Accepted 29.06.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-44-51>

УДК 681.81/82(470.6 + 574)

© Соколова А.Н., Смакова З.Н., 2024

А.Н. Соколова¹✉, З.Н. Смакова²

Формы наследования музыкальных инструментов в культуре народов Северного Кавказа и Казахстана

¹*Институт искусств Адыгейского государственного университета,
г. Майкоп, Российская Федерация
✉professor_sokolova@mail.ru*

²*Казахская национальная консерватория им. Курмангазы,
Алматы, Республика Казахстан
zukan64@mail.ru*

Аннотация. Актуальность исследования определяется необходимостью выявления общего и особенного в культурах народов, проживающих на разных континентах и не имеющих общих границ. Цель исследования – выявить этнографические общности в вопросах сакрализация и формы наследования музыкальных инструментов в культуре народов Северного Кавказа и Казахстана. В работе использованы системно-типологический метод и метод этнографического описания материальных и духовных ценностей, отчасти сохранившихся до наших дней и отчасти трансформированных в силу изменившихся социокультурных реалий. На основе современных полевых исследований в аулах Адыгеи и Казахстана, архивных источников и научной литературы авторам удалось установить, что передача музыкальных инструментов от старшего поколения младшему осуществлялась с определенными условиями. Одним из важнейших условий становилось требование сохранять инструмент в рабочем состоянии, т. е. не давать инструменту «молчать». Другое немаловажное условие – передать инструмент в руки избранного (достойного музыканта), который берет на себя «аманат» – обязуется беречь музыку (сохранять музыкальные традиции). Конкретное выполнение этнографических условий соблюдения традиции наследования музыкальных инструментов показывает их сходство и различия в синхронии прошлого и диахронии последних полутора столетий. Изменение номенклатуры музыкального инструментария в современности привели и к изменению их форм наследования. Инструменты стали сохраняться родственниками как память об известном предке или передаваться в музей с той же целью. Большой ценностью становятся не музыкальные орудия, а нотные или звуковые документы, фиксирующие культурное наследие прошлого.

Новизна исследования связана с представлением ранее не обнародованных этнографических фактов, собранных в полевых условиях, и их оригинальной интерпретации.

Ключевые слова: аманат, наследование традиции, музыкальные орудия, гармоника, традиционные ценности

Для цитирования: Соколова А.Н., Смакова З.Н. Формы наследования музыкальных инструментов в культуре народов Северного Кавказа и Казахстана. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2024;16(3):44–51. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-44-51>

A.N. Sokolova ¹✉, **Z.N. Smakova**²

Forms of inheritance of musical instruments in the culture of the peoples of the North Caucasus and Kazakhstan

¹ *Institute of Arts of Adyghe State University, Maikop, the Russian Federation,*
✉ professor_sokolova@mail.ru

² *Kazakh National Conservatory named after Kurmangazy,*
Almaty, the Republic of Kazakhstan
zukan64@mail.ru

Abstract. The relevance of the research is determined by the need to identify the common and special in the cultures of peoples living on different continents and not having common borders. The goal is to identify ethnographic communities in matters of sacralization and forms of inheritance of musical instruments in the culture of the peoples of the North Caucasus and Kazakhstan. The work uses a systematic typological method and a method of ethnographic description of material and spiritual values, partly preserved to this day and partly transformed due to changed sociocultural realities. Based on modern field research in the villages of Adyghea and Kazakhstan, archival sources and scientific literature, the authors were able to establish that the transfer of musical instruments from the older generation to the younger was carried out under certain conditions. One of the most important conditions was the requirement to keep the tool in working condition, i.e. do not let the instrument be silent. Another important condition is to transfer the instrument into the hands of a chosen one (a worthy musician), who takes upon himself «amanat» – undertakes to cherish the music (preserve musical traditions). The specific fulfillment of ethnographic conditions for observing the tradition of inheritance of musical instruments shows their similarities and differences in the synchrony of the past and diachrony the last one and a half centuries. Changes in the nomenclature of musical instruments in modern times have also led to changes in their forms of inheritance. Instruments began to be preserved by relatives as a memory of a famous ancestor or transferred to a museum for the same purpose. It is not the musical instruments that become more valuable, but the musical or sound documents that record the cultural heritage of the past.

The novelty of the research is associated with the presentation of previously unpublished ethnographic facts collected in the field and their original interpretation

Key words: amanat, inheritance of tradition, musical instruments, harmonica, traditional values

For citation: Sokolova A.N., Smakova Z.N. Forms of inheritance of musical instruments in the culture of the peoples of the North Caucasus and Kazakhstan. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2024;16(3):44–51. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-44-51>

Введение. При всем многообразии музыкальных орудий на земном шаре у любого народа выделяются только 4 группы инструментов – идиофоны (самозвучащие, различные виды трещоток), хордофоны (струнно-щипковые и струнно-смычковые), мембранофоны (различного рода барабаны) и аэрофоны (духовые инструменты). Практически все народы мира имеют колыбельные и любовные песни, танцы и схожие семейно-бытовые и родовые обряды. Понятно, что народы-соседи наверняка будут иметь схожие традиции и даже схожий костюм, что обеспечено единими природно-климатическими условиями и межкультурным взаимодействием [7]. Народы, не имеющие общих границ, проживающие на большом расстоянии друг от друга, тем не менее также обладают схожими традициями и ритуалами. Герменевтический подход и когнитивный интерес к такого рода явлениям позволяет понять и в деталях осмыслить обнаруженные сходства и различия, что безусловно обогащает этнографическую науку и становится примером для последующих компаративных исследований.

Древнейшие музыкальные инструменты во всех традиционных культурах мира считаются священными. Они создавались, как правило, не людьми, а богами или полубогами. Их делали из «умершего» природного, животного или человеческого материала (волос, костей, рогов) [4]. Именно поэтому музыкальные орудия «реинкарнировали» природное или человеческое начало, в них «возрождались» дух умерших, их чувственная стихия перерождалась в музыкальные звуки [5]. Играть на музыкальных инструментах – это почти священнодействовать, влиять на эмоции людей, владеть их чувствами. Исполнители на музыкальных инструментах в традиционных культурах Северного Кавказа и Казахстана «отсвечивали» музыкальными инструментами. Другими словами, они так же, как и музыкальные инструменты, наделялись священными функциями:

отношение к ним было особенное как со стороны традиционного сообщества, так и внутри музыкального цеха.

Сакрализация казахских музыкальных инструментов. С домброй и кобызом у казахов связано немало поверий и легенд. Это не просто названия музыкальных инструментов, скорее это сакральные понятия. Понятия «*қара домбыра*» – «древняя (священная) дombra», «*қара қобыз*» – «древний (священный) кобыз [2, с. 36-37] – выражают в представлениях степняков почет, любовь, уважение к этим древним инструментам, потому что «они существовали до тебя, до твоих предков». В народе говорят: «*Нағыз қазақ – қазақ емес, нағыз қазақ – домбыра!*», что в переводе означает «настоящий казах это не сам казах, настоящий казах – это дombra!». Для казаха кюй, исполняемый на домбре или кобызе – это не только определенное настроение, образная музыкальная картина, но это еще и ожившая страница истории своего народа, его обычаев, культуры, духовности и философии. Категорически нельзя было допускать, чтобы дombra или кобыз валялись под ногами, их нужно вешать высоко и на самое почетное место в доме – *төр* [3, с. 96]. Если дома есть дombra или кобыз, но на них никто не играет, это тоже предосудительное вредительство – *обал*. В таком случае нужно либо играть на домбре или кобызе, давать им звучать, либо подарить тому, с кем они не будут молчать. Музыкальные инструменты знаменитых исполнителей передавали ученикам, достойным продолжателям. Считалось, что в них живет дух инструмента. К кобызу, оставшемуся по наследству, потомки, не владевшие игрой на инструменте, боялись даже притрагиваться, считая, что «*қобыздың киесі ұрады*», т. е. дух кобыза может рассердиться и навредить. Существует множество мистических историй, связанных именно с кобызом. Как рассказывал праправнук известного баксы (шамана) Жетыбая [1], после смерти которого никто не прикасался к его кобызу,

иногда инструмент сам издавал какие-то стонущие звуки. Поначалу, услышав кобыз, жители дома раздавали садақа (милостыню), делали жертвоприношение. Когда уже не осталось домашних животных, дух кобыза стал забирать людьми, т. е. наступала смерть одного из домочадцев. Во время очередных стенаний магического кобыза бабушка семейства сняла струны, убрала колки, завернула кобыз в белую ткань, подстелив снизу чапан (нарядный халат), положила в сундук. Через несколько лет кобыз начал опять издавать звуки, поэтому его повесили на стену, в тот год умерли еще три человека из этой семьи. Один из племянников взял древний кобыз с собой, пытаясь научиться на нем играть, но у него ничего не получилось. Всю ночь его «*эруақ қысты*» (душил дух), он промучался, заболел и к середине ночи уехал на могилу шамана. Дух кобыза продолжал его преследовать, из-за чего он сбросил инструмент в расщелину. Дед нашел кобыз по пронзительным звукам, вытащил его и забрал домой. Если случалось что-то плохое, кобыз начинал издавать звуки. Тогда читали *дұға* (молитвы-заклинания). По поверью, как будто сам шаман сказал, что его потомок в 5 или 7 колена будет также врачевать и лечить людей этим священным кобызом. Поэтому семья, несмотря на сложные жизненные перепетии, никому не отдает и держит кобыз у себя, чтобы передать его в руки достойного продолжателя из своего рода.

Сакрализация музыкальных инструментов у народов Кавказа. Для народов Кавказа одними из важнейших инструментов в древности являлись традиционные смычковые хордофоны – адыгский (черкесский) шычепщын, абхазская апхерца, осетинский киссын-фандыр. Они обладали терапевтическими свойствами, лечили душевные болезни людей; с их помощью находили тела утопленников и погибших под снежными или грязевыми завалами; инструмент мог рассказывать о чувствах исполнителя к предмету

обожания; в самом инструменте «прятались» тексты песнопений. Считалось, что инструмент, «переживший» поломку, будучи отремонтированным, будет играть трепетнее и выразительнее. Если хордофоны могли проникать в душу человека, разговаривать «божественным голосом», то трещотки (адыгский пхачич, осетинский карцганак, балкарский харс и др.) отпугивали злых духов, не позволяли им проникнуть в праздничное танцевальное пространство, одновременно несли маркирующую функцию, оповещая людей о начале и продолжении праздника. Адыгский шычепщын не прятали от глаз, его вывешивали на стене рядом с оружием и плеткой – атрибутами мужчины-воина. В таком окружении инструмент был защищен металлом, находился под «покровительством» оружия. При этом любой мужчина мог снять со стены инструмент, чтобы сыграть на нем хотя бы один наигрыш. Владение инструментом приравнивалось владению оружием. В этом смысле черкесы наследовали античные традиции, согласно которым греческим мальчикам полагалось владеть двумя музыкальными инструментами – аэрофоном и хордофоном – наравне с умением справляться с копьем и луком.

Традиция и культура «аманата» (завета предков). Для любого признанного традиционного музыканта было небезразлично, кто будет наследовать его инструмент. На склоне лет каждый из них мечтал встретить такого ученика или последователя, который бы продолжил дело Учителя. Известно, к примеру, что знаменитый казахский гармонист Нартай передал свой инструмент ученику и творческому наследнику – известному *сырнайшы-термеши* (певцу и гармонисту) Арзулле Молжигитову. Тот, в свою очередь, передал гармонику устаза (учителя) своему воспитаннику и последователю традиционной школы Нартая, Курманбеку Бекпеисову. Курманбек еще при жизни в виде «аманата» (отданное на надежное

временное хранение ответственному человеку, чтобы тот, когда подойдет время, с честью передал другому достойному продолжателю) передал 12-клавишный сырнай Нартая известной традиционной певичке, заслуженному деятелю РК Кларе Тулембаевой [6], как преемнице песенной школы Нартая, со следующими словами:

*Сырнайды қарындасқа тастап кеттім,
Шықсын деп бір сырнайшы ырым қылып.
Қарама ескі екен деп формасына,
Талайдың барып келген ордасына.
Сырнайымды тілеймін шын жүректен,
Қарындастың айналсын деп жолдасына!*

Оставляю сырнай сестренке,
С верой и пожеланием стать сырнайшы.
Не смотри на его старей вид,
Он побывал во многих достойных местах.
Дарю от чистого сердца
И желаю, чтобы мой сырнай стал твоим
другом по жизни.

(Перевод З.С.)

Точно также один из нескольких гармоник-сырнаев Нартая акын Копбай Омаров передал своему ученику акыну Каныбеку Сарыбаеву с определенным наказом-обращением, где выразил надежду на верность продолжению и развитию данной традиционной школы, на надежность сохранности сырнай и поручил передавать этот сырнай, а вместе с ним данную традицию пения с гармоникой следующему последователю. Такое обращение воспринималось преемником и хранителем сырнай как огромная честь, высокое доверие и большая ответственность. Назначение аманата – сохранить, сберечь и передать будущим поколениям. Казахи говорят: «*Аманатқа қиянат жасалмайды*», что означает «нельзя предавать доверенный наказ». Каныбек Сарыбаев передал сырнай Нартая своему ученику Жакену Омарову. Таким образом происходила связь поколений, сохранение традиции и бережное отношение к сырнай, к которому прикасался великий *акын-жырыши* Нартай

Бекежанов. В данном случае сырнай Нартая имеет сакральное значение и несет глубокий смысловой посыл преемственности поколений в сохранении наследия народа.

Гармоника, как в прошлом и кобыз, стала представлять традицию «аманата» (завета предков), «запрещающей» музыкальному инструменту «молчать» или переходить в руки недостойного человека. Музыкальный аманат – это передача музыкального инструмента от Мастера (шамана) в руки посвященного, избранного. Другими словами, аманат в традиционной музыкальной культуре – это форма устной традиции «из уст в уста», от поколения к поколению, от одного Мастера к другому.

В горских традициях кавказских народов нам известны несколько случаев передачи инструмента в руки избранного – чаще не прямого ученика, а исполнителя, которого выбрал знаменитый гармонист в качестве своего преемника. Потомки знаменитого гармониста Магомета Хагауджа (1870–1918) из аула Кошехабль рассказывали, что умирающий музыкант завещал отдать инструмент тому, кто будет исполнять его наигрыши. После смерти гармониста к его жене с просьбой продать инструмент обращалось немало соплеменников, однако Амида (жена Хагауджа) всем отвечала отказом, так как никто из просителей не мог играть так, как играл ее муж. И только когда за инструментом пришел Паго Бельмехов, Амида отдала ему заветную гармонику, взяв обещание, что первым наигрышем на любой свадьбе Паго будет исполнять «Зафак» Хагауджа. Это был один из мощных каналов сохранения устной традиции. Неизвестно, дошли бы до нас мелодии Хагауджа в таком «идеальном» варианте, если бы не его последователи, пытавшиеся «копировать» манеру и стиль великого адыгского гармониста.

Однако в конце XX – начале XXI веков традиционная диатоническая гармоника «уступила» место хроматическому инструменту (так называемому «кавказскому

аккордеону»). На свадьбы стали приглашать чаще всего профессиональных музыкантов, получивших академическое образование и играющих на хроматических гармониках. Число традиционных музыкантов постепенно уменьшалось, и их инструменты оказались «невостребованными» для нового поколения гармонистов. Родственники покинувших этот мир музыкантов стали сохранять диатонические гармоника в своих домах (в сервантах, стенках, горках, на шкафах) как память о знаменитом предке. Наследники самых известных гармонистов отдавали инструменты в музеи. В том и другом случае музыкальный инструмент переставал быть тем материальным предметом, который обеспечивал трансляцию традиции. Эту функцию стали на себя брать пластинки или их цифровые аналоги, размещаемые в свободном доступе в сети Интернет.

Заключение. Анализируя этнографические универсалии и специфику трансляции передачи музыкальных инструментов и музыкальных знаний представителям новой этнической генерации, мы убеждаемся в том, что у любого народа каждое старшее поколение в той или иной степени было озадачено выбором формы передачи музыкальных орудий и музыкальных знаний новому поколению. И это само по себе является культурной универсалией. Этническая отличительность в выборе формы трансляции традиции обеспечивалась религиозными особенностями и конкретными историческими и социокультурными условиями, в которых жили и творили музыканты. У казахов закрепились выражение «аманат», доставшееся им из религиозной культуры и преобразованное в культурную норму передачи инструмента в руки избранного музыканта. В условиях устной формы существования традиции музыкальный инструмент становился «вместилищем» музыкальных знаний, тембро-акустическим эталоном и звуковым идеалом, репрезентирующим этнос. Гармоника в XIX – первой полови-

не XX веков была дорогим и диковинным изделием, она вбирала в себя практически всю музыку этноса, на ней можно было сыграть и песню, и танцевальные наигрыши, и то, что раньше воспроизводилось на хордофонах, и то, что исполнялось на аэрофонах. В каждой культуре гармоника олицетворяла этнический звукоидеал. Смена музыкального орудия с диатонического на хроматический образец и цифровизация звукового пространства этнической культуры привели к новым формам сохранения инструментов в музеях как памятников прошлого. Кроме того, гармоника сохраняла имя умершего знаменитого владельца. «Пщынэ (гармоника) Хагауджа», «пщынэ Улягая», «пщынэ Тлецерука» – это не просто фигуры речи, а способ через инструмент сохранить имя известного когда-то исполнителя. Так благодарный народ оставляет в памяти потомков имена своих лучших представителей, духовных лидеров. При этом наследуется древнейшая культура превращения собственного имени (онима) в апеллатив (нарицательное имя)¹.

Как видим, в традиционных культурах казахов и черкесов немало общего. Предложенный ракурс рассмотрения культурных универсалий казахов и народов Северного Кавказа не исчерпывает все существующие параллели. Однако и приведенных этнографических сведений достаточно, чтобы понять, как близки народы, проживающие на больших расстояниях друг от друга. В случае близких контактов, имеющих периодический, временный или перманентный характер, число таких параллелей многократно увеличивается, что порой приводит к конфликтному выяснению – кому изначально принадлежит та или иная песня,

¹ Достаточно вспомнить, что припевные слоги в русских свадебных песнях «люли, люли, люшеньки-люли» происходят от имени древнего бога любви Леля, а знаменитые черкесские распевы «орида, о-райда, ераша» – от упоминания имени косожского князя Редеда.

тот или иной инструментальный наигрыш. В научном мире понять и принять такие тождества как естественные культурные

процессы стало нормой, однако для представителей этнических культур это всегда остается поводом для горячих дискуссий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Құлабаев Нұрқанат. Көне қобыздың құпиясы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://egemen.kz/article/341500-kone-qobyzdynh-qurıyasy> (дата обращения 14.06.2024).
2. Смакова З.Н. Баянное искусство в музыкальной культуре Казахстана: дис. ... канд. искусствоведения. Бишкек, 2023. 351 с.
3. Смакова З., Камалиденов Е., Дуйсенгалиев Г., Мергалиев М. Қазақстанда баян аспабының таралуы және орындаушылық өнер тарихы. Алматы: Елтаным баспасы, 2018. 204 с.
4. Соколова А.Н. Адыгская гармоника в контексте этнической музыкальной культуры. Майкоп: Качество, 2004. 272 с.
5. Соколова А.Н. Сакральные представления в культуре современных западных адыгов // Археология и этнология Северного Кавказа. № 5. Нальчик, 2015. С. 88-97.
6. Толенбаева К. Сырнаимен ән айту мектебін [Электронный ресурс]. URL: <https://abai.kz/post/13918> (дата обращения 14.06.2024).
7. Царева Л.С. Мундир (черкеска). К вопросу этнографического исследования одежды Северокавказского казачества // Вестник Майкопского государственного технологического университета, 2020. № 2(45). С. 37-49.

REFERENCES

1. Kulabaev Nurkanat. Kone girl's cup [Electronic resource]. Access mode: <https://egemen.kz/article/341500-kone-qobyzdynh-qurıyasy> (access date 14/06/2024).
2. Smakova Z.N. Accordion art in the musical culture of Kazakhstan: dis. ...PhD (Hist.). Bishkek, 2023. 351 p.
3. Smakova Z., Kamalidenov E., Duisengaliev G., Mergaliev M. History of Kazakh women's musical instruments. Almaty: Eltanym Baspasy, 2018. 204 p.
4. Sokolova A.N. Adyghe harmonica in the context of ethnic musical culture. Maikop: Quality, 2004. 272 p.
5. Sokolova A.N. Sacred ideas in the culture of modern Western Circassians // Archeology and ethnology of the North Caucasus. Issue 5. Nalchik, 2015. P. 88-97.
6. Tolenbaeva K. Synamimen әn ayту mektebin [Electronic resource]. URL: <https://abai.kz/post/13918> (access date 06/14/2024).
7. Tsareva L.S. Uniform (Circassian). On the issue of ethnographic research of the clothing of the North Caucasian Cossacks // Bulletin of the Maikop State Technological University, 2020. Issue 2(45). P. 37-49.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declares no conflict of interests

Информация об авторах

*Соколова Алла Николаевна, доктор искусствоведения, профессор, профессор Института искусств Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, Российская Федерация,
e-mail: professor_sokolova@mail.ru*

Information about the authors

*Alla Ni. Sokolova, Dr. Sci. (Art History), Professor, the Institute of Arts of Adyghe State University, Maikop, the Russian Federation,
e-mail: professor_sokolova@mail.ru*

*Смакова Зауре Нигметкызы, кандидат
искусствоведения, профессор Казахской на-
циональной консерватории им. Курмангазы,
г. Алматы Республика Казахстан,
e-mail: zukan64@mail.ru*

*Zaure N. Smakova, PhD (Art History),
Professor, the Kazakh National Conservatory
named after Kurmangazy, Almaty, the Republic
of Kazakhstan,
e-mail: zukan64@mail.ru*

**Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
All authors have read and approved the final manuscript.**

Поступила в редакцию 18.05.2024

Поступила после рецензирования 19.06.2024

Принята к публикации 22.06.2024

Received 18.05.2024

Revised 19.06.2024

Accepted 22.06.2024

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICAL SCIENCES

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-52-62>

УДК 378.016:811.111'373

© Базалина Е.Н., 2024

Е.Н. Базалина

Формирование профессионально-ориентированной лексической компетенции у обучающихся неязыковых вузов по направлению подготовки «Техносферная безопасность»: на материале английского языка

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет»,
г. Майкоп, Российская Федерация
e-mail: bazalina@list.ru*

Аннотация. Современная методика преподавания иностранных языков в неязыковых вузах определяется необходимостью эффективного объединения языковой и профессиональной подготовки, соответствующей требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования (ФГОС ВО). Ключевая цель данной системы заключается в развитии у студентов навыков понимания профессионально-ориентированной информации и формировании компетенции общения на иностранном языке в профессиональных ситуациях.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием профессионально-ориентированной лексической компетенции у обучающихся ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет» по направлению подготовки «Техносферная безопасность». В ходе исследования подчеркивается **актуальность данной темы**, поскольку при изучении профессионального иностранного языка невозможно формировать лексическую компетентность без умения работать с профессионально-ориентированной иноязычной лексикой, без навыка составления индивидуального тезауруса в своей профессиональной сфере.

Цель исследования: уточнить методы формирования профессионально-ориентированной лексической компетенции у обучающихся неязыковых вузов направления подготовки 20.03.01 «Техносферная безопасность» в процессе чтения текстов по специальности на английском языке. Оценивается степень необходимости отбора лексического материала и составления индивидуального тезауруса профессиональной направленности, что позволяет обучающимся

лучше понимать профессиональные тексты, расширить свой словарный запас и точно использовать профессиональную терминологию.

Материалом исследования послужили тексты по специальности на английском языке, на основе которых мы проводили лингвистический анализ лексических единиц и отрабатывали навык формирования лексической компетенции у студентов.

В основе работы лежат комплексные **методы исследования**, состоящие из теоретических методов (дедуктивный анализ, метод статистической работы с лексическим материалом, сопоставительный анализ) и эмпирические методы (метод наблюдения и анализ данных).

В результате исследования была предложена стратегия работы над лексикой при чтении профессионально-ориентированных текстов, выявлены наиболее эффективные упражнения для формирования лексической компетенции у обучающихся по направлению подготовки «Техносферная безопасность».

Ключевые выводы: формирование у обучающихся неязыковых вузов профессионально-ориентированной лексической компетенции при работе с иноязычными текстами по теме «Техносферная безопасность» помогает анализировать полученную информацию; сформировать у студентов неязыкового вуза лексическую компетенцию и навык использования индивидуального терминологического тезауруса в профессиональной области, расширяя лексический запас по специальности.

Ключевые слова: коммуникативная методика, грамматико-переводной метод, учебный перевод, профессионально-ориентированные тексты, лексическая компетенция, терминологический тезаурус, профессиональная лексика

Для цитирования: Базалина Е.Н. Формирование профессионально-ориентированной лексической компетенции у обучающихся неязыковых вузов по направлению подготовки «Техносферная безопасность»: на материале английского языка. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2024;16(3):52–62. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-52-62>

E.N. Bazalina

Formation of professionally oriented lexical competence among students of non-linguistic universities in the training program «Technosphere Safety»: a case study of the English language course

*Maikop State Technological University, Maikop, the Russian Federation
e-mail: bazalina@list.ru*

Abstract. Modern methods of teaching foreign languages in non-linguistic universities are determined by the need to effectively combine language and professional training that meets the requirements of the Federal State Educational Standard of Higher Education (FSES HE). The key goal of this system is to develop students' skills in understanding professionally-oriented information and developing the competence to communicate in a foreign language in professional situations.

The article discusses issues related to the formation of professionally oriented lexical competence among students of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Maikop State Technological University» in the training program «Technosphere Safety». The study emphasizes the relevance of the topic, since when studying a professional foreign language it is impossible to develop lexical competence without the ability to work with

professionally oriented foreign language vocabulary, without the skill of compiling an individual thesaurus in one's professional field.

The goal of the research is to clarify the methods of developing professionally-oriented lexical competence among students of non-linguistic universities in the training program 20.03.01 «Technosphere Safety» in the process of reading texts in the specialty in English. The extent to which it is necessary to select lexical material and compile an individual thesaurus with a professional focus is assessed, which allows students to better understand professional texts, expand their vocabulary and accurately use professional terminology.

Professionally oriented texts were the research material; linguistic and lexical units were analyzed, the skill of developing lexical competence among students was practiced.

The research is based on complex research methods, consisting of theoretical methods (deductive analysis, method of statistical work with lexical material, comparative analysis) and empirical methods (observation method and data analysis).

As a result of the research, a strategy for working on vocabulary when reading professionally oriented texts has been proposed, and the most effective exercises for developing lexical competence among students in the training program «Technosphere Safety» have been identified.

Key conclusions: the formation of professionally oriented lexical competence among students of non-linguistic universities when working with foreign language texts on the topic «Technosphere Security» helps to analyze the information received and to form lexical competence and the skill of using an individual terminological thesaurus in the professional field, expanding the vocabulary in the specialty.

Key words: communicative methodology, grammar-translation method, educational translation, professionally oriented texts, lexical competence, terminological thesaurus, professional vocabulary

For citation: Bazalina E.N. Formation of professionally oriented lexical competence among students of non-linguistic universities in the training program «Technosphere Safety»: a case study of the English language course. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2024;16(3):52–62. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-52-62>

Введение. Проблема формирования навыков работы с профессионально-ориентированной иноязычной лексикой на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе становится особенно актуальным в свете возросших требований к улучшению языковых и профессиональных компетенций выпускников, что способствует повышению их конкурентоспособности на рынке труда.

Важным аспектом обучения работе с профессионально-ориентированными текстами для будущих специалистов в области техносферной безопасности является изучение глобальных проблем природных изменений и техногенных катастроф в мировом контексте. Специалисты часто сталкиваются с научно-популярными текстами, научными исследованиями и

сообщениями в области техносферной безопасности на иностранном (в частности, английском) языке и возникает необходимость критически анализировать полученную информацию, владеть новейшими технологиями исследования и быть готовыми к профессиональному иноязычному общению.

Ссылаясь на мнение Павловой Л.П., мы также считаем, что «профессионально-ориентированное обучение иностранному языку должно основываться не только на чтении и переводе специализированных текстов, но и на активном развитии навыков устной профессиональной коммуникации. Помимо этого, преподаватель должен способствовать развитию и поддержке у студентов стремления к творческой деятельности в различных контекстах

делового сотрудничества и к самообразованию, а также обязан сформировать у студентов неязыковых вузов компетенцию в накоплении терминологического тезауруса-гlossария в своей профессиональной области, чтобы научить их использовать метаязык техносферной безопасности» [8, с. 48].

В процессе обучения студентов неязыкового вуза иностранному языку в предметной области «Техносферная безопасность» мы, соглашаясь с Вепревой Т.Б., ориентируемся на «формирование профессиональной терминологии у обучающихся, используя лексико-грамматические конструкции и речевые модели для восприятия аутентичной литературы на английском языке по специальности» [4, с. 9]. Важно формировать у обучающихся не только навыки перевода профессиональных текстов, но и умения уточнять и идентифицировать термины в области техносферной безопасности, управлять терминологией и приводить ее к общепринятому толкованию. Студенты должны быть способны формировать индивидуальный тезаурус, который обеспечит систематизацию, запоминание и употребление профессиональных терминов в области техносферной безопасности.

Основная часть. Формирование универсальных языковых компетенций у студентов осуществляется посредством обучения, включающего введение новых терминов профессиональной направленности и закрепление лексического материала. Этот процесс начинается с первого курса бакалавриата направления подготовки 20.03.01 «Техносферная безопасность» и сопровождается систематической работой с профессионально-ориентированными текстами. Курс обучения по предмету «Иностранный язык» в ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет» состоит из 3 семестров, общая трудоемкость дисциплины составляет 360 часов (10 зачетных единиц), из них – 154 контактных часов в аудитории и

135 часов самостоятельной подготовки за время изучения предмета.

Прежде всего, мы обращаем особое внимание на принцип межпредметной интеграции и профессиональной направленности обучения, что способствует лучшему усвоению профессионально-ориентированной лексики. Поэтому в своей работе используем тематику лекций и практических занятий по введению в специальность предметной области «Техносферная безопасность». Как справедливо отмечают Кузнецова С.В., Шепелева Е.В. в своей работе, «межпредметные знания, умения и навыки способствуют становлению профессионального мышления студентов и обеспечивают их готовность к практическому применению английского языка. Реализация профессиональных возможностей предмета достигается тогда, когда студенты видят связь этого предмета со своей будущей профессией» [5, с. 103].

Надо отметить, что обучающиеся экологического факультета ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет» повышают свое развитие в предметной области «Техносферная безопасность», участвуя в таких мероприятиях, как цикл пилотных проектов «Воплоти свою мечту», в программах «World Skills» (*перевод с англ.яз. Мировые навыки*) – это международное движение, целью которого является повышение престижа рабочих профессий и развитие профессионального образования; организует соревнования для молодых специалистов по различным профессиональным направлениям, способствуя совершенствованию навыков, обмену опытом и установлению высоких стандартов качества в различных областях профессиональной деятельности.

Так, под руководством преподавателей факультета обучающиеся 2 курса направления подготовки «Техносферная безопасность» были заняты в проекте «Исследование состояния системы обеспечения техносферной безопасности в Республике Адыгея для совершенствования

её функционирования». На занятиях по английскому языку нами была рассмотрена данная тема в контексте сравнительного анализа состояния системы обеспечения техносферной безопасности в Канаде и Республики Адыгея. Обучающимся были предложены подобные аутентичные тексты на английском языке по заданной теме. В виде самостоятельного задания выполнен ряд упражнений, направленных на формирование лексической компетенции у студентов. Известно, что интерес к изучению иностранного языка возникает в том случае, когда обучающиеся осознают перспективы применения полученных знаний и ясно понимают их практическую значимость. Итоговым заданием по данной теме была сделана презентация о состоянии обеспечения техносферной безопасности в Канаде и в Республике Адыгея, с использованием профессиональной лексики на английском языке, составлением тезауруса терминов техносферной безопасности. Обучающиеся смогли продемонстрировать полученные профессиональные навыки и умения, осознать значимость изучения иностранного языка в своей профессиональной подготовке. Формирование лексической компетенции способствует более глубокому пониманию терминологии и концепций в области техносферной безопасности, что повышает мотивацию к изучению иностранного языка.

В процессе преподавания английского языка каждое занятие сосредоточено на конкретной теме в области техносферной безопасности, раскрываемой через профессионально-ориентированные тексты и самостоятельные работы, способствующие углублению и развитию данной темы. Мы придерживаемся мнения Баско Н.В., что «методика по отбору лексического материала осуществляется на основе соответствия текстов и коммуникативных ситуаций профессиональным интересам будущих специалистов. Содержание и структура обучения иностранному языку варьируются в зависимости от изучаемой

специальности, поскольку знание иностранного языка необходимо специалисту для эффективного выполнения информационных задач в профессионально значимых ситуациях» [2, с. 114].

Для формирования профессионально-ориентированной лексической компетенции у обучающихся специальности «Техносферная безопасность» мы выделили следующую стратегию работы над лексикой при чтении профессионально-ориентированных текстов: 1) введение новой профессиональной лексики посредством изучения аутентичных текстов; 2) закрепление лексического материала при помощи комплекса упражнений, отработки в контексте лексических единиц; 3) развитие умений и навыков использования лексики в различных ситуациях устного и письменного общения, обучение пониманию лексических единиц на слух и при чтении; 4) формирование лексической компетенции у студентов и обучение навыкам работы с профессиональными терминами при составлении профессионально-ориентированного индивидуального тезауруса.

В практической работе с профессионально-ориентированной лексикой в процессе чтения текстов по специальности мы используем разнообразный комплекс упражнений, направленный на повышение уровня овладения специальной лексикой в предметной области с целью повышения эффективности запоминания лексического материала студентами.

Для отработки семантики лексических единиц целесообразно использовать такие упражнения, как упражнения на распределение слов по тематическим группам, таких как: *Техносферная безопасность – Technosphere Safety; Охрана труда – Occupational Safety; Промышленная безопасность – Industrial Safety; Экологическая безопасность – Environmental Safety; Чрезвычайная ситуация – Emergency Situation; Защита окружающей среды – Environmental Protection; Техника безопасности – Safety Engineering.*

В следующем упражнении предлагается список терминов для распределения по тематическим группам, и каждый термин нужно написать в соответствующую графу, каждая из которых имеет свое название.

Exercise: Categorizing Vocabulary into Thematic Groups (Задание: Распределить слова по тематическим группам)

Instructions: Below is a list of terms related to different aspects of safety and emergency management. Your task is to cat-

egorize each term under the appropriate thematic group. Write the term under the correct heading! **Перевод (Инструкция):** Список указанных терминов относится к различным аспектам управления безопасностью. Внести термины в правильную группу!

Thematic Groups (Тематические группы): Technosphere Safety, Occupational Safety, Industrial Safety, Environmental Safety, Emergency Situation, Environmental Protection, Safety Engineering

Terms to Categorize (Термины для распределения по группам):

<ul style="list-style-type: none"> • Personal Protective Equipment (PPE) • Hazardous Materials • Evacuation Plan • Air Pollution Control • Risk Assessment • Fire Extinguisher • Noise Control 	<ul style="list-style-type: none"> • Oil Spill Response • Workplace Ergonomics • Incident Command System • Chemical Spillage • Biodiversity Conservation • Machinery Guarding • Earthquake Preparedness • Safety Audit
---	--

Example (Например):

Occupational Safety	Environmental Safety:
<ul style="list-style-type: none"> • Personal Protective Equipment (PPE) • Workplace Ergonomics 	<ul style="list-style-type: none"> • Air Pollution Control

Answer Key (ключи к ответу):

Technosphere Safety:	<ul style="list-style-type: none"> • Risk Assessment
Occupational Safety:	<ul style="list-style-type: none"> • Personal Protective Equipment (PPE) • Workplace Ergonomics • Safety Audit
Industrial Safety:	<ul style="list-style-type: none"> • Hazardous Materials • Machinery Guarding • Fire Extinguisher
Environmental Safety:	<ul style="list-style-type: none"> • Air Pollution Control • Noise Control
Emergency Situation:	<ul style="list-style-type: none"> • Evacuation Plan • Incident Command System • Earthquake Preparedness
Environmental Protection:	<ul style="list-style-type: none"> • Biodiversity Conservation • Oil Spill Response
Safety Engineering:	<ul style="list-style-type: none"> • Chemical Spillage

Эти упражнения можно назвать как предречевыми, так и речевыми, поскольку их цель — отработка лексического материала. Студенты многократно используют определенные слова или фразы, что способствует их прочному усвоению.

На следующем этапе, для формирования лексической компетенции, студентам предлагается заполнить пропуски в предложениях профессионально-ориентированных текстов подходящими лексическими единицами по темам предметной области «Техносферная безопасность».

Например, **Упражнение: заполнить пропуски по теме «Техносферная безопасность».** *Exercise: Fill in the Blanks on the Topic of Technosphere Safety.*

Инструкция: заполнить пропуски правильной лексикой по теме «Техносферная безопасность». *Instructions: Fill in the blanks with the correct terms related to technosphere safety.*

1. Risk Assessment is a crucial part of technosphere safety, where potential _____ are identified and evaluated to minimize hazards.

2. The implementation of effective _____ is essential to control and prevent accidents in the workplace.

3. In technosphere safety, _____ play a vital role in ensuring that all safety protocols are followed and maintained.

4. Proper _____ and training programs are necessary to educate employees about the risks and safety measures in the technosphere.

5. Advanced _____ systems are used to detect and respond to emergencies, ensuring the safety of personnel and equipment.

Terms to Use:(термины для употребления): Safety Audits, Safety Equipment, Monitoring, Hazards, Education.

Следуя стратегии формирования лексической компетенции при работе с профессионально-ориентированными текстами, мы начинаем обучать студентов составлять свой индивидуальный тезаурус по техносферной безопасности, которые выполняют эту работу самостоятельно.

Лексические единицы вводим не изолированно, а в тех словосочетаниях либо лексических конструкциях, в которых они встречаются в изучаемом тексте или в речи. На занятиях мы выбираем конкретные лексические единицы, закрепляем их в контексте, устанавливаем соответствующие ситуации и используем в различного вида упражнениях, таких как подбор синонимов или антонимов, описание предлагаемого понятия словами из своего индивидуального тезауруса [1; 6].

Например, в упражнении нужно найти синонимы для ключевых фраз по теме «Управление чрезвычайными ситуациями», используя подсказки с синонимической интерпретацией словосочетания:

Exercise: Finding Synonyms for Key Phrases in Emergency Management.

Перевод: (Упражнение: подобрать синонимы для ключевых фраз по теме «Управление чрезвычайными ситуациями»).

Instructions: For each term or phrase below, find and write down a synonym that conveys a similar meaning. Use the provided hints if needed. *Перевод: (Инструкция: для каждого термина или словосочетания, данных внизу, подберите и напишите синоним, который отражает подобное значение. При необходимости можно пользоваться подсказкой).*

Emergency Situation – Чрезвычайная ситуация

Hint: A sudden event requiring immediate action.

Disaster – Катастрофа

Hint: A severe event causing significant damage.

Crisis Management – Управление кризисными ситуациями

Hint: The process of handling unexpected and disruptive events.

Emergency Response – Реагирование на чрезвычайные ситуации

Hint: Actions taken immediately after an incident to address its impacts.

Emergency Preparedness – Аварийная готовность

Hint: The state of being ready to deal with sudden events.

Hazard – Опасность

Hint: A potential source of harm or adverse effect.

Risk Assessment – Оценка риска

Hint: The process of evaluating potential risks.

Synonyms:

Emergency Situation: _____

Disaster: _____

Crisis Management: _____

Emergency Response: _____

Emergency Preparedness: _____

Hazard: _____

Risk Assessment: _____

Ключ к ответу. Answer Key:

Emergency Situation: Crisis

Disaster: Catastrophe

Crisis Management: Emergency Management

Emergency Response: Incident Response
Emergency

Preparedness: Disaster Readiness

Hazard: Danger

Risk Assessment: Risk Evaluation

Еще одна группа лексических единиц, вызывающая затруднение у обучающихся, это наличие аббревиатур профессионального характера в текстах по специальности. В современной науке аббревиатуры играют важную роль в упрощении и ускорении процесса передачи информации. Это особенно актуально для таких специализированных областей, как техносферная безопасность, где используется множество сложных терминов и понятий. Введение стандартных аббревиатур способствует унификации терминологии, что важно для междисциплинарного взаимодействия и международного сотрудничества. Единые аббревиатуры, такие как «EHS» (Environment, Health and Safety: окружающая среда, здоровье и безопасность), обеспечивают однозначное понимание независимо от языка. В условиях ограниченного времени, особенно в ситуациях

чрезвычайного характера, использование аббревиатур позволяет быстрее обрабатывать информацию и принимать решения. Например, «PPE» (Personal Protective Equipment) мгновенно ассоциируется со средствами индивидуальной защиты [10].

Обучающимся предлагается внести в свой индивидуальный тезаурус список распространенных аббревиатур с расшифровкой, которые используются в английском языке в области техносферной безопасности:

EAP (Emergency Action Plan) – План действий в чрезвычайных ситуациях

EMS (Emergency Medical Services) – Службы экстренной медицинской помощи

EOC (Emergency Operations Center) – Центр управления в чрезвычайных ситуациях

EPA (Environmental Protection Agency) – Агентство по охране окружающей среды
HAZMAT (Hazardous Material) – Опасные материалы

ISO (International Organization for Standardization) – Международная организация по стандартизации

PPE (Personal Protective Equipment) – Средства индивидуальной защиты

SAR (Search and Rescue) – Поиск и спасение

Учитывая мнение Мятлевой М.И., мы также полагаем, что «при работе над лексическим тезаурусом, так же как и при введении единиц активного минимума, обязателен этап закрепления звуковой и графической форм, проговаривание новых слов, чтение их вслух. Нужна целенаправленная работа обучающего характера и для накопления потенциального словарного запаса. При введении лексики следует следить, чтобы лексические единицы объединялись в группу по тому или иному признаку, преимущественно необходимо их изучать в связном контексте» [7, с. 135]. В целом следует признать, что «данный метод позволяет организовать работу по подбору, систематизации, запоминанию

и использованию терминов в профессиональном общении. Умение работать с тезаурусами позволяет студентам лучше понимать профессиональные тексты, избегать двусмысленностей, обогащать свой словарный запас и точно использовать профессиональную терминологию» [7, с. 136].

Как отмечают многие исследователи, «практика преподавания английского языка студентам технических специальностей показывает, что в плане метаязыковых умений имеется недостаточная сформированность навыка безошибочного включения терминов в профессиональную речь, присутствует путаница при подборе соответствий русских и иноязычных единиц, что обосновывает актуальность проблемы и, в свою очередь, диктует необходимость совершенствования методической организации педагогического процесса» [3; 6; 9; 11; 12].

Заключение. Таким образом, выбранная стратегия методики преподавания иностранного языка в неязыковом вузе и применяемые задания, ориентированные на работу с аутентичными текстами по специальности, способствуют формированию профессионально-ориентированной англоязычной лексической компетенции у обучающихся в области техносферной безопасности. Комбинирование аудитор-

ных занятий и самостоятельной работы, обеспечивающее междисциплинарную интеграцию с профильными дисциплинами, формирующими профессиональные знания, умения и навыки, способствует развитию у студентов высокой мотивации к изучению профессиональной лексики. Это позволяет им более точно понимать и интерпретировать специализированные тексты по своей специальности.

Развитие навыков работы с лексическими единицами и формирование индивидуального тезауруса профессионально-ориентированной иноязычной лексики в области техносферной безопасности представляет собой ключевой этап учебного процесса. Это должно стать неотъемлемой частью образовательной программы обучения иностранному языку для технических и инженерных специальностей, что будет способствовать подготовке высококвалифицированных специалистов в данной области. Данный подход позволяет обучающимся направления подготовки «Техносферная безопасность» развить лексическую компетенцию, необходимую для накопления англоязычного терминологического тезауруса по специальности, что расширяет активный словарный запас в профессиональной сфере и совершенствует речевые навыки с точным употреблением профессиональной терминологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аилчиева Т.А. Словарь-минимум по теоретической механике. Для студентов технических специальностей. Бишкек, 2015. 189 с.
2. Баско Н.В. Принципы составления двуязычного профессионально-ориентированного словаря // Современная лексикография: достижения, проблемы, перспективы: сборник научных трудов. Краснодар, 2001. С. 111-147.
3. Бибикова Э.В. Роль иноязычной профессиональной коммуникации в подготовке современного специалиста в неязыковом вузе // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. Т. 13, № 2. С. 41-47.
4. Вепрева Т.Б. Обучение профессионально-ориентированной иноязычной лексике студентов неязыковых специальностей на основе интегрированного курса: автореф. дис. ... канд. педагог. наук. СПб., 2012. 24 с.
5. Кузнецова С.В., Шепелева Е.В. Особенности работы с профессиональными текстами в обучении студентов неязыковых специальностей вуза английскому языку. На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2018. № 2 (11). С. 101-106

6. Кучерявая Т.Л. Работа с лексическим материалом при изучении профессионально-ориентированного английского языка // Актуальные задачи педагогики: материалы VII Международной научной конференции. Чита: Молодой ученый, 2016. С. 168-171.

7. Мятлева М.И. Обучение профессионально-ориентированной лексике при работе с аутентичными текстами по специальности. *Lingua mobilis*. 2011. № 4 (30). С. 134-137.

8. Павлова Л.П. Формирование иноязычной лексической компетенции у студентов экономического вуза. *Инновационные образовательные технологии*. 2011. № 2 (26). С. 44-50.

9. Формирование лексических навыков: учебное пособие / под ред. Е.И. Пассова, Е.С. Кузнецовой. Воронеж: Интерлингва, 2002. 40 с.

10. Dudley-Evans T., St John M.J. *Developments in English for Specific Purposes: A multidisciplinary approach*. Cambridge University Press, 1998.

11. Korthagen F. *Linking practice and theory. The pedagogy of realistic teacher education*. Mahwah, New Jersey, London: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2001.

12. Littlewood W.T. *Foreign language teaching methods: From past prescriptions to present principles*. *Foreign language teaching in schools*. 2008. Vol. 11, No. 4. P. 1-13.

REFERENCES

1. Ailchieva T.A. *Minimum dictionary of theoretical mechanics. For technical students*. Bishkek, 2015. 189 p.

2. Basko N.V. *Principles of compiling a bilingual professionally oriented dictionary // Modern lexicography: achievements, problems, prospects: collection of scientific works*. Krasnodar, 2001. P. 111-147.

3. Bibikova E.V. *The role of foreign language professional communication in the training of a modern specialist in a non-linguistic university // Bulletin of the Maikop State Technological University*. 2021. Vol. 13, Issue 2. P. 41-47.

4. Vepreva T.B. *Teaching professionally oriented foreign language vocabulary to students of non-linguistic specialties based on an integrated course: abstract of dis. ...PhD (Pegag.)*. St. Petersburg, 2012. 24 p.

5. Kuznetsova S.V., Shepeleva E.V. *Features of working with professional texts in teaching English to students of non-linguistic university specialties. At the intersection of languages and cultures. Current issues in the humanities*. 2018. Issue 2 (11). P. 101-106

6. Kucheryavaya T.L. *Working with lexical material in the study of professionally oriented English // Current problems of Pedagogy: materials of the VII International Scientific Conference*. Chita: Young scientist, 2016. P. 168-171.

7. Myatleva M.I. *Teaching professionally oriented vocabulary when working with authentic texts in the specialty*. *Lingua mobilis*. 2011. Issue 4 (30). P. 134-137.

8. Pavlova L.P. *Formation of foreign language lexical competence among students of an economic university. Innovative educational technologies*. 2011. Issue 2 (26). P. 44-50.

9. *Formation of lexical skills: a textbook / ed. by E.I. Passov, E.S. Kuznetsova*. Voronezh: Interlingua, 2002. 40 p.

10. Dudley-Evans T., St John M.J. *Developments in English for Specific Purposes: A multidisciplinary approach*. Cambridge University Press, 1998.

11. Korthagen F. *Linking practice and theory. The pedagogy of realistic teacher education*. Mahwah, New Jersey, London: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2001.

12. Littlewood W.T. *Foreign language teaching methods: From past prescriptions to present principles*. *Foreign language teaching in schools*. 2008. Vol. 11, Issue 4. P. 1-13.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflict of interests

Информация об авторе

Базалина Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет», г. Майкоп, Российская Федерация, e-mail: bazalina@gmail.com

Information about the author

*Elena N. Bazalina, PhD (Philology), An associate professor, An assistant professor of the Department of Foreign Languages of Maikop State Technological University, Maikop, the Russian Federation
e-mail: bazalina@gmail.com*

**Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.**

Поступила в редакцию 01.07.2024

Поступила после рецензирования 29.07.2024

Принята к публикации 30.07.2024

Received 01.07.2024

Revised 29.07.2024

Accepted 30.07.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-63-73>

УДК 378.016:811.111'373

© Николаева Е.А., Котляренко Ю.Ю., 2024

Е.А. Николаева¹✉, Ю.Ю. Котляренко²

Стратегии мотивации студентов неязыковых специальностей к изучению иностранного языка в процессе профессиональной подготовки с использованием технологий искусственного интеллекта

*¹Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
✉yfcntyf12032009@yandex.ru*

²Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский государственный университет путей сообщения», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Цифровые технологии сняли все ограничения в доступности информации на иностранном языке и деформировали мотивацию студентов неязыковых специальностей к изучению иностранного языка. Авторы полагают, что технологии искусственного интеллекта обладают потенциалом, позволяющим системно и целенаправленно влиять на стратегии мотивации студентов. Цель исследования: выявить основные направления внедрения технологий искусственного интеллекта в процесс языковой подготовки в контексте различных стратегий мотивации. Методы исследования: анализ вторичных данных, систематизация, синтез, обобщение. Результаты исследования: 1) дифференцированы подходы к разработке мотивационных стратегий и описаны перспективы процесса внедрения технологий искусственного интеллекта в систему мотивации студентов; 2) обоснована необходимость интернализации мотивов к изучению иностранного языка; 3) описаны приоритетные направления использования технологий искусственного интеллекта в процессе формирования мотивационного опыта студентов. Ключевые выводы: 1) основным условием эффективности системы обучения иностранному языку является формирование условий для интернализации учебных мотивов; 2) мотивационный опыт студента формируется благодаря применению различных мотивационных стратегий и в соответствии с мотивационным дизайном обучающего курса; 3) преподаватель может использовать различные подходы к формированию авторского портфеля мотивационных стратегий; 4) технологии искусственного интеллекта позволяют оптимизировать и повысить эффективность процесса развития иноязычных компетенций, но используются дискретно, чаще как дополнительные сервисы; 5) последовательное влияние на тип мотивации студентов возможно

только в условиях системной интеграции технологий ИИ в дизайн обучающего курса, обеспечивающий персонализированный опыт изучения иностранного языка

Ключевые слова: модель ARCS, методика CRAFT/Ed, Self-determination theory, Self-regulated learning, Student Journey Map, искусственный интеллект, иноязычный профессиональный контент, стратегия мотивации, интернализация мотивации, технологии искусственного интеллекта

Для цитирования: Николаева Е.А., Котляренко Ю.Ю. Стратегии мотивации студентов неязыковых специальностей к изучению иностранного языка в процессе профессиональной подготовки с использованием технологий искусственного интеллекта. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2024;16(3):63–73. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-63-73>

E.A. Nikolaeva¹✉, I.Yu. Kotliarenko²

Motivation strategies for non-linguistic students to learn a foreign language in the process of professional training using artificial intelligence technologies

¹*Don State Technical University, Rostov-on-Don, the Russian Federation,*
✉yfcentyf12032009@yandex.ru

²*Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, the Russian Federation*

Abstract. Digital technologies have removed all restrictions in the availability of information in a foreign language and deformed the motivation of students of non-language specialties to learn a foreign language. The authors believe that artificial intelligence technologies have the potential to systematically and purposefully influence students' motivation strategies. The goal of the research is to identify main directions of implementing artificial intelligence technologies in the language training process in the context of different motivation strategies. The research methods used are analysis of secondary data, systematization, synthesis, generalization. The research results are the following: 1) approaches to the development of motivational strategies have been differentiated and the prospects of introducing artificial intelligence technologies into the system of student motivation have been described; 2) the necessity of internalizing motives for learning a foreign language have been substantiated; 3) the priority directions of using artificial intelligence technologies in the process of forming students' motivational experience have been described. Key conclusions: 1) the main condition for the effectiveness of the foreign language teaching system is the formation of conditions for the internalization of learning motives; 2) the student's motivational experience is formed through the application of different motivational strategies and in accordance with the motivational design of the training course; 3) a teacher can use different approaches to the formation of the author's portfolio of motivational strategies; 4) artificial intelligence technologies allow to optimize and increase the effectiveness of the process of developing foreign language competences, but they are used in the following ways.

Key words: ARCS model, CRAFT/Ed methodology, Self-determination theory, Self-regulated learning, Student Journey Map, artificial intelligence, foreign language professional content, motivation strategy, internalization of motivation, artificial intelligence technologies

For citation: Nikolaeva E.A., Kotliarenko I.Yu. Motivation strategies for non-linguistic students to learn a foreign language in the process of professional training using artificial intelligence technologies. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2024;16(3):63–73. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-63-73>

Введение. Цифровизация современного общества открывает новые возможности для развития коммуникаций, изменяя уровень ценности процесса развития иноязычной коммуникативной компетенции в процессе профессиональной подготовки студентов. Специализированные платформы и сервисы, обеспечивающие доступность информационных ресурсов на любом иностранном языке, формируют у студентов ложное представление о необходимости языковой подготовки, позволяющей осуществлять коммуникации в профессиональной среде. А тот факт, что дистанционные форматы организации труда в современных компаниях стали не только привычными, но и считаются прогрессивными, окончательно убедили студентов неязыковых специальностей в отсутствии необходимости развития навыков общения на иностранном языке в реальном времени. А доминанта опосредованных видов коммуникаций в современном деловом мире окончательно убедила в отсутствии значимости процесса формирования иноязычной компетентности и развитию соответствующих компетенций. В этом контексте цель исследования заключается в том, чтобы рассмотреть и оценить перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в систему развития мотивации к изучению иностранного языка у студентов неязыковых специальностей в контексте формирования стратегий мотивации к изучению иностранного языка.

Основная часть. В российской практике самым распространенным является подход, разработанный Л.М. Фридманом (1997), который классифицирует мотивы к обучению как внешние и внутренние. Предполагается, что внутренние мотивы непосредственно связаны с процессом

изучению языка, а внешние – побуждают индивида к этой деятельности, но не связаны с ней. В контексте учебно-профессионального вида деятельности данная классификация детализируется. В ней выделяются множество познавательных, социальных и побуждающих мотивов. На основе такой систематизации авторам курса иностранного языка даются рекомендации для создания образовательной программы, учитывающей комплекс мотивов, имеющих ключевое значение для учебно-профессиональной деятельности студентов. Однако остается открытым вопрос об основаниях для выбора данного комплекса мотивов к изучению иностранного языка и их корреляции с компетенциями специальности по конкретным направлениям подготовки.

Прикладную ценность представляет методика Т.Д. Дубовицкой (2002), которая также ссылается на исходные отличия внешних и внутренних мотивов. В исследовании О.Б. Симоновой и Ю.Ю. Котляренко [5] данная методика позволила выявить не только направленность, уровень развития внутренней мотивации у студентов, но и описать проблемное поле в процессах корреляции мотивационных процессов студента с целями обучения. Также диагностика видов мотивации успешно реализуется на основе методики А.А. Реана и В.А. Яунина. К примеру, в исследованиях Е.А. Безродной и М.Ю. Кропотовой [1] проведена диагностика доминирующего вида учебно-профессиональной мотивации студентов, а также комплексная диагностика факторов, влияющих на выбор направления подготовки. Данные исследования подтверждают тот факт, что внутренне мотивированные студенты обладают высоким уровнем вовлеченности в образовательный процесс,

проявляют активность и демонстрируют лучшие результаты обучения.

Систематизация подходов к описанию феномена мотивации к обучению демонстрирует тот факт, что в иностранных исследованиях осуществляется более глубокая дифференциация эмоциональных аспектов процесса мотивации, а также элементов в системе взаимоотношений обучающегося с педагогами, родителями и сверстниками. В контексте современных зарубежных исследований наибольшую популярность приобрела теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана (Self-determination theory, SDT) [13], разработанная в конце XX в. Авторы отказываются от статичной дихотомии «внешняя/внутренняя» в понимании сущности и различии видов мотиваций, рассматривая их на трех уровнях общности. То есть авторы рассматривают конструкты «внешняя/внутренняя мотивация» в виде континуума, который включает в себя с одной стороны абсолютно внешнюю мотивацию, с другой – внутреннюю, между ними авторы выделяют промежуточные типы мотивации: экстернальную, которая предполагает стремление получить вознаграждение/избежать наказания («учусь, чтобы не отчислили»); усвоенную, обеспечивающую сохранность позитивного представления о своем «Я» («учусь, чтобы гордиться собой»); соотнесенную с целью («учусь, чтобы стать профессионалом»); интегрированную, связанную с поведенческими установками и ценностями личности («учусь, чтобы быть интеллектуалом, эрудитом...»); внутренняя, основанная на признании самооценности деятельности («учусь, так как это интересно»). Предполагается, что самой конструктивной является внутренняя мотивация, которая обычно свойственна детям. Она ослабевает в процессе взросления и связана с особенностями системы образования, построенной на жестком внешнем контроле. Однако авторы утверждают, что процесс интернализации мотивации возможен. К

примеру, начав обучение иностранному языку под давлением внешних факторов, в какой-то момент студент может по-новому осознать смысл учёбы и её ценность, а в таких условиях начинают формироваться внутренние, автономные формы мотивации, и учебная деятельность приносит удовольствие. Также авторы описывают основные характеристики образовательной среды, которая благоприятно влияет на развитие внутренней мотивации учащихся. Такая среда должна обеспечивать автономность – возможность принимать решения и управлять своими действиями; компетентность – вселять в учащегося уверенность в своих способностях; сопричастность – формировать чувство принадлежности к сообществу. Таким образом, становится очевидным тот факт, что развитие у студентов внутренней мотивации к изучению иностранного языка обеспечивает более высокие показатели результативности и эффективности образовательного процесса.

Еще один важный момент в процессе формирования мотивационного опыта студента – это дифференциация диспозиционной и ситуативной мотивации. Диспозиционную мотивацию можно определить как конструкцию, которая влияет на общие или привычные реакции индивида на конкретные события. Этот тип мотивации можно рассматривать как черту характера или предрасположенность и «источник энергии и направление действий в отношении общего класса ситуаций или в ряде аналогичных контекстов». Наоборот, ситуационная мотивация – это непрерывный процесс, который является результатом текущего взаимодействия человека и ситуации. Предполагается, что ситуационная мотивация лежит в основе диспозиционной мотивации, подразумевая, например, что повторяющийся опыт ситуационной мотивации способствует диспозиционной мотивации. И в контексте подхода SRL (Self-regulated learning) убедительно доказано, что повторяющийся опыт

ситуационной мотивации способствует диспозиционной мотивации [15]. Также было доказано, что внутренняя мотивация и самоэффективность как два основных мотивационных фактора в обучении студентов оказывают большое влияние на использование студентами стратегии SRL, то есть подходят к процессу обучения осознанно, контролируют и регулируют процесс обучения, стремятся к достижению учебных целей [14]. Таким образом, результаты исследований демонстрируют тот факт, что дизайн курса иностранного языка, предполагающий развитие процесса интернализации мотивации к изучению иностранного языка, позволяет преодолеть искаженное понимание важности развития иноязычных компетенций у студентов, обеспечит формирование условий, в которых студент органично приходит к осознанию ценности языковой подготовки, а внутренняя мотивация становится доминирующей в практике обучения.

Идея целенаправленного влияния на процесс мотивации к обучению представлена в модели ARS-V Дж. М. Келлера (2016), которая является основой для проектирования учебной программы, способной оказывать системное влияние на процесс мотивации обучающегося. Данная модель представляет собой синтез пяти мотивационных категорий («внимание» (Attention), «релевантность» (Relevance), «уверенность» (Confidence) как эффект ожидания успеха (Success), «удовлетворенность» (Satisfaction), «волевые качества» (Volition)), для каждой из которых были разработаны «наборы стратегических предписаний», которые создают «мотивационный дизайн» обучающегося курса, реализуемого в любой образовательной среде. Еще в 2008 году Дж.М. Келлер формулирует пять основных принципов мотивации к обучению. Первый принцип предполагает, что мотивация у ученика возникает как любопытство в процессе осознания пробела в текущих знаниях. Второй принцип

утверждает, что мотивация к обучению повышается, если знания, которые необходимо усвоить, воспринимаются как значимые, связанные с целями учащегося. Третий гласит о том, что мотивация к обучению повышается, когда учащийся верит, что он может добиться успеха в освоении учебной задачи. Четвертый принцип основан на том, что мотивация к обучению повышается, если учащийся получает удовольствие от выполнения задания и удовлетворение от результата. Пятый принцип ориентирован на поддержку и сохранность мотивации к обучению и предполагает поведение, ориентированное на достижение цели.

Прикладная ценность модели ARS-V заключается в том, что ее 10 этапов позволяют создать учебный курс, обладающий мотивационным дизайном, обеспечивающим возможность влиять на систему мотивации обучающегося. Также данная модель ставит перед автором учебного курса задачи по формированию собственного портфеля мотивационных стратегий формирующих мотивационный опыт обучающегося. В качестве эталонных мотивационных стратегий, предлагаемых Дж.М. Келлером, наиболее известными являются «создание ощущаемого разрыва», «переверните классную комнату» и «среда проблемно-ориентированного обучения». Причем в качестве источников для создания авторского портфеля стратегий Дж.М. Келлер рекомендует создание собственной библиотеки идей, состоящей из кейсов, обобщенного опыта проведения занятий другими авторами, представленными в сети Интернет.

Мы полагаем, что портфель таких стратегий может формироваться на основе разных подходов в зависимости от того, какое содержание мы вкладываем в понятие «стратегия мотивации». К примеру, можно говорить о когнитивно-поведенческом подходе, в рамках которого стратегии мотивации должны быть ориентированы на изменения в мышлении и поведения

студентов. Здесь могут быть использованы такие методы, как целеполагание, самоконтроль, положительное подкрепление и другие. Основная задача преподавателя в рамках данного подхода заключается в том, что он помогает студентам в формулировке конкретных задач обучения и помогает им отслеживать свой прогресс, вознаграждая за успехи.

В контексте гуманистического подхода стратегии мотивации основываются на идее необходимости самоактуализации и личностного роста учащегося в процессе языковой подготовки. Задачи преподавателя ориентированы на создание комфортной и поддерживающей обстановки, способствующей развитию творческого мышления и самовыражения студентов. Стратегии мотивации к изучению иностранного языка в рамках данного подхода нацелены на развитие интереса к языку и культуре, а также на осознание ценности развития иноязычных компетенций.

Социокультурный подход основан на понимании того факта, что мотивация студентов формируется под влиянием социального и культурного контекста. Преподаватель может создавать образовательный контент, используя материалы и задания, основанные на реальных ситуациях и культурных особенностях страны изучаемого языка. Цель стратегии мотивации в рамках данного подхода направлена на развитие межкультурной коммуникативной компетенции и формирование у студентов уважения к культурному разнообразию.

Коммуникативно-ориентированный подход предполагает формирование мотивационной стратегии, в рамках которой мотивация студентов будет развиваться в зависимости от возможности использовать изучаемый язык для реального общения. Стратегии мотивации в данном подходе должны быть нацелены на формирование у студентов уверенности в своих коммуникативных способностях и развитие интереса к практическому применению языка. В условиях данного подхода за-

дачи преподавателя концентрируются на создании условий для качественной коммуникативной практики на основе использования аутентичных материалов и заданий, направленных на развитие устной и письменной речи.

Как мы видим, вопрос о формировании и реализации мотивационных стратегий изучения иностранных языков включает в себя не только задачи мотивационного дизайна обучающей программы, но и формирования иноязычного профессионального контента, позволяющего реализовывать данные стратегии. И здесь мы сталкиваемся с проблемой создания образовательного контента, который обладает потенциалом для реализации мотивационных стратегий. Решение данной задачи представлено в методологии CRAFT/Ed, которая была адаптирована В. Лебедевым и Д. Илишкиной [3] к разработкам образовательных программ. Авторы методики предлагают четыре этапа разработки учебного продукта, причем с первого этапа разработки наибольшее значение придается механизмам, способным ликвидировать барьеры, мешающие учащимся эффективно осваивать курс, и способствующим развитию учебной мотивации. Для каждого этапа разработки программы предлагаются отдельные методики, которые позволяют креативно решать образовательные задачи. К примеру, «Карта учебных историй» (трансформированная Student Journey Map) позволяет проектировать образовательный опыт учащегося, планируя события, которые приведут учащегося к получению необходимого опыта, а методика «Компас фреймов» позволяет эффективно осуществлять генерацию идей для разработки содержания учебных заданий.

Не менее перспективный подход к созданию образовательного контента в соответствии с мотивационными стратегиями обучения – использование технологий искусственного интеллекта.

Как правило, возможности искусственного интеллекта в практике обучения

иностранным языку рассматриваются в контексте использования цифровых платформ и приложений для решения следующего круга задач: оптимизация временных затрат на процесс контроля знаний студентов и повышение уровня оперативности в организации процесса обучения (М.А. Фомин, Н.Е. Садовиков [7]; Э.Ш. Шефиева, Т.В. Исаева [8]); снижение уровня языковой тревожности и создание условий для роста уровня вовлеченности в образовательный процесс (О.В. Мещерякова [4]; П.В. Сысоев, Е.М. Филатов [6]); формирование навыков использования технологий ИИ для решения профессиональных задач в иноязычной среде (Е.В. Воевода, А.И. Шпынова [2]); генерация иноязычного профессионального контента и контрольно-измерительных материалов для развития и оценки уровня освоения иноязычно-коммуникативной компетенции студентов (Э.Г. Щебельская, В.В. Маер [9]). Также в исследованиях отмечаются универсальные возможности ИИ в обеспечении более высокого уровня доступности, адаптивности, интерактивности процесса обучения и его геймификации.

Однако, в большей части исследований не описывается методика и мотивационный дизайн обучающего курса, в рамках которого применялись технологии ИИ, а также применяются количественные методы исследований. Данные факты снижают уровень объективности оценки уровня эффективности применения технологий ИИ в практике обучения иностранному языку. Исследование, проведенное Л. Лоу, позволяет сделать выводы о том, что существует очевидная необходимость в проведении большего количества эмпирических исследований для обеспечения всестороннего понимания краткосрочной и долгосрочной эффективности и влияния инструментов ИИ на процесс языковой подготовки. Речь идет о необходимости изучения как текстовых, так и мультимедальных инструментов и их конкретного применения в рамках языкового курса.

Также открытым остается вопрос о том, как технологии ИИ конкретно влияют на развитие различных видов языковых навыков [16].

В рамках задач нашего исследования особо важен тот факт, что технологии искусственного интеллекта используются дискретно, чаще всего как дополнительные сервисы, то есть как репетиторы и помощники, и в настоящее время отсутствует практика последовательной и системной интеграции технологий ИИ в дизайн обучающего курса, обеспечивающей реальный персонализированный опыт изучения иностранного языка [12].

Резюмируя, следует отметить, что использование технологий ИИ в преподавании языков является многообещающей областью исследований, способной трансформировать языковое образование. Очевиден тот факт, что использование платформ и цифровых сервисов на основе технологий ИИ для изучения иностранного языка открывает дополнительные возможности не только для внедрения новых технологий обучения, но и для мотивации студентов к развитию иноязычных компетенций.

Заключение. Результаты исследования системы мотивации студентов к изучению иностранных языков показали, что наиболее эффективными являются типы внутренней мотивации. Однако, несмотря на доминанту внешних типов мотивации у современных студентов, возможность интернализация мотивов – вполне реальная задача.

Данный процесс возможен только в образовательной среде, которая удовлетворяет потребности студентов в развитии компетентности, автономии и коллективной идентичности. Кроме того, интернализация мотивов к изучению иностранного языка должна быть целенаправленным процессом, который основан на мотивационном дизайне учебного курса. В свою очередь, мотивационный дизайн может быть реализован на основе портфеля мотивационных

стратегий. В рамках данного исследования мы предлагаем пять подходов к формулировке мотивационных стратегий: когнитивно-поведенческий, в рамках которого стратегии мотивации основаны на изменении мышления и поведения студентов; гуманистический, основанный на идее самоактуализации и личностного роста студента, а стратегии мотивации в этом подходе нацелены на развитие интереса к языку и культуре, а также на формирование положительного отношения к изучению иностранного языка; социокультурный, с рамках которого стратегии мотивации направлены на развитие межкультурной коммуникативной компетенции и формирование у студентов уважения к культурному разнообразию; коммуникативно-ориентированный подход, основанный на представлении о том, что мотивация студентов зависит от их возможности использовать изучаемый язык для реального общения, а стратегии мотивации в этом подходе нацелены на формирование у студентов уверенности в своих коммуникативных способностях и развитие интереса к практическому применению языка. Каждый подход предусматривает не только установление приоритетов в целях мотивации студентов к изучению иностранного языка, но и использование соответствующего образовательного контента и ИИ технологий.

Решение вопросов об обеспечении обучающего курса оригинальным образо-

вательным контентом в настоящее время успешно реализуется с помощью технологий ИИ. Однако, исследование показало, что данные технологии используются в языковой подготовке чаще всего как дополнительные ресурсы для генерации учебного контента под локальные цели (контроль знаний, организация самостоятельной работы студента и др.) И основные перспективы внедрения технологий ИИ в практику языковой подготовки студентов неязыковых специальностей связаны с задачами по интернализации мотивов к изучению иностранного языка. Речь идет о том, что создание по-настоящему персонализированного курса языковой подготовки возможен при системном использовании ИИ в следующих направлениях: анализ данных о готовности студентов к обучению; формирование индивидуальной, персонализированной программы обучения; создание интерактивной обучающей среды; разработка образовательного иноязычного контента в соответствии с выбранной стратегией мотивации. Автоматизация каждого из вышеперечисленных направлений дает возможность педагогу формировать авторский дизайн курса с учетом индивидуальных запросов и особенностей студентов учебной группы, обеспечивая максимальный уровень качества образовательной среды, формируя благоприятные условия для интернализации мотивов к изучению иностранного языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безродная Е.А., Кропотова М.Ю. Мотивы учебной деятельности современного студента [Электронный ресурс] // Технологическое обучение школьников и профессиональное образование в России и за рубежом: материалы XVII Международной научно-практической конференции. М., 2023. URL: <https://infed.ru/articles/1339/>
2. Воевода Е.В., Шпынова А.И. Применение технологий искусственного интеллекта при изучении делового английского (на примере письменных заданий) // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 5(102). С. 237-240.
3. Лебедев В., Илишкина Д. CRAFT/ed: Креативные методики для образования. М.: Бослен, 2022. 176 с.
4. Мещерякова О.В. Возможности использования искусственного интеллекта для повышения мотивации студентов к изучению иностранных языков в вузе // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 6. С. 152-160.

5. Симонова О.Б., Котляренко Ю.Ю. Проблемы формирования положительной мотивации к изучению иностранного языка студентов неязыковых специальностей в условиях цифровизации процесса обучения [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. № 1(9). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/11PDMN121.pdf> (дата обращения 20.06.2024).
6. Сысоев П.В., Филатов Е.М. Чат-боты в обучении иностранному языку: преимущества и спорные вопросы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 1(28). С. 66-72.
7. Фомин М.А., Садовиков Н.Е. Возможности применения технологий искусственного интеллекта при изучении иностранного языка в вузе // Молодежная наука: тенденции развития 2022. № 3 (24). С. 6-12. [Электронный ресурс]. URL: <https://molnaukaelsu.ru/data/uploads/issues/2022/2022-03-06.pdf> (дата обращения 20.06.2024).
8. Шефиева Э.Ш., Исаева Т.В. Использование искусственного интеллекта в образовательном процессе высших учебных заведений (на примере обучения иностранным языкам) // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 10(78). С. 84-89. DOI: 10.24158/spp.2020.10.15.
9. Щебельская Э.Г., Маер В.В. Применение искусственного интеллекта в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 5(102). С.76-81.
10. Ayedoun E., Hayashi Y., Seta K. Toward personalized scaffolding and fading of motivational support in L2 learner–dialogue agent interactions: an exploratory Study // IEEE Transactions on learning technologies. 2020. № 3(13). P. 604-616. DOI:10.1109/TLT.2020.2989776.
11. Ali J. K. M., Shamsan M.A.A., Hezam T.A., Mohammed A.A. Impact of ChatGPT on learning motivation: teachers and students' voices // Journal of English Studies in Arabia Felix. 2023. № 1(2). P. 41-49. DOI: 10.56540/jesaf.v2i1.51.
12. AlTwijri L., Alghizzi T.M. Investigating the integration of artificial intelligence in English as foreign language classes for enhancing learners' affective factors: A systematic review // Heliyon. 2024. № 10. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e31053. [Electronic resource] URL: [https://www.cell.com/heliyon/fulltext/S2405-8440\(24\)07084-1?_returnURL=https%3A%2F%2Flinkinghub.elsevier.com%2Fretrieve%2Fpii%2FS2405844024070841%3Fshowall%3Dtrue](https://www.cell.com/heliyon/fulltext/S2405-8440(24)07084-1?_returnURL=https%3A%2F%2Flinkinghub.elsevier.com%2Fretrieve%2Fpii%2FS2405844024070841%3Fshowall%3Dtrue) (date of reference 20.06.2024).
13. Deci E.L., Ryan R.M. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being // American Psychologist. 2000. № 1(55). P. 68-78. DOI:10.1037/0003-066X.55.1.68.
14. Guo W., Bai B., Zang F., Wang T., Song H. Influences of motivation and grit on students' self-regulated learning and English learning achievement: A comparison between male and female students // System. 2023. № 114. DOI:10.1016/j.system.2023.103018. [Electronic resource] URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0346251X23000404> (date of reference 20.06.2024).
15. Held T., Meje M. Students' motivational trajectories in vocational education: Effects of a self-regulated learning environment [Electronic resource] // Helion. 2024. № 8(10). DOI:10.1016/j.heliyon.2024.e29526. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2405844024055579> (date of reference 20.06.2024).
16. Law L. Application of generative artificial intelligence (GenAI) in language teaching and learning: A scoping literature review [Electronic resource] // Computers and Education Open. 2024. № 6. DOI:10.13140/RG.2.2.15263.33445. URL: https://www.researchgate.net/publication/377064863_Application_of_Generative_Artificial_Intelligence_GenAI_in_Language_Teaching_and_Learning_A_Scoping_Literature_Review (date of reference 20.06.2024).

REFERENCES

1. Bezrodnaya E.A., Kropotova M.Yu. Motives of the educational activity of a modern student [Electronic resource] // Technological training of schoolchildren and vocational education in Russia and abroad: materials of the XVII International scientific-practical conference. M., 2023. URL: <https://infed.ru/articles/1339/>

2. Voevoda E.V., Shpynova A.I. Application of artificial intelligence technologies in the study of business English (using the example of written tasks) // *World of science, culture, education*. 2023. Issue 5(102). P. 237-240.
3. Lebedev V., Ilishkina D. *CRAFT/ed: Creative techniques for education*. M.: Boslen, 2022. 176 p.
4. Meshcheryakova O.V. Possibilities of using artificial intelligence to increase students' motivation to study foreign languages at a university // *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. 2023. Issue 6. P. 152-160.
5. Simonova O.B., Kotlyarenko Yu.Yu. Problems of forming positive motivation for studying a foreign language among students of non-linguistic specialties in the conditions of digitalization of the learning process [Electronic resource] // *World of Science. Pedagogy and psychology*. 2021. Issue 1(9). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/11PDMN121.pdf> (accessed 20/06/2024).
6. Sysoev P.V., Filatov E.M. Chatbots in teaching a foreign language: advantages and controversial issues // *Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*. 2023. Issue 1(28). P. 66-72.
7. Fomin M.A., Sadovikov N.E. Possibilities of using artificial intelligence technologies in studying a foreign language at a university // *Youth science: development trends 2022*. Issue 3 (24). P. 6-12. [Electronic resource]. URL: <https://molnaukaelsu.ru/data/uploads/issues/2022/2022-03-06.pdf> (access date 20/06/2024).
8. Shefieva E.Sh., Isaeva T.V. The use of artificial intelligence in the educational process of higher educational institutions (on the example of teaching foreign languages) // *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. 2020. Issue 10(78). P. 84-89. DOI: 10.24158/spp.2020.10.15.
9. Shchebelskaya E.G., Mayer V.V. Application of artificial intelligence in teaching a foreign language at a non-linguistic university // *World of science, culture, education*. 2023. Issue 5(102). P.76-81.
10. Ayedoun E., Hayashi Y., Seta K. Toward personalized scaffolding and fading of motivational support in L2 learner–dialogue agent interactions: an exploratory Study // *IEEE Transactions on learning technologies*. 2020. Issue 3(13). P. 604-616. DOI:10.1109/TLT.2020.2989776.
11. Ali J. K. M., Shamsan M. A. A., Hezam T. A., Mohammed A. A. Impact of ChatGPT on learning motivation: teachers and students' voices // *Journal of English Studies in Arabia Felix*. 2023. Issue 1(2). P. 41-49. DOI: 10.56540/jesaf.v2i1.51.
12. AlTwijri L., Alghizzi T.M. Investigating the integration of artificial intelligence in English as foreign language classes for enhancing learners' affective factors: A systematic review // *Heliyon*. 2024. Issue 10. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e31053. [Electronic resource] URL: [https://www.cell.com/heliyon/fulltext/S2405-8440\(24\)07084-1?_returnURL=https%3A%2F%2Flinkinghub.elsevier.com%2Fretrieve%2Fpii%2FS2405844024070841%3Fshowall%3Dtrue](https://www.cell.com/heliyon/fulltext/S2405-8440(24)07084-1?_returnURL=https%3A%2F%2Flinkinghub.elsevier.com%2Fretrieve%2Fpii%2FS2405844024070841%3Fshowall%3Dtrue) (date of access 20/06/2024).
13. Deci E.L., Ryan R.M. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being // *American Psychologist*. 2000. Issue 1(55). P. 68-78. DOI:10.1037/0003-066X.55.1.68.
14. Guo W., Bai B., Zang F., Wang T., Song H. Influences of motivation and grit on students' self-regulated learning and English learning achievement: A comparison between male and female students // *System*. 2023. Issue 114. DOI:10.1016/j.system.2023.103018. [Electronic resource] URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0346251X23000404> (date of access 20/06/2024).
15. Held T., Meje M. Students' motivational trajectories in vocational education: Effects of a self-regulated learning environment [Electronic resource] // *Helion*. 2024. Issue 8(10). DOI:10.1016/j.heliyon.2024.e29526. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2405844024055579> (date of access 20/06/2024).
16. Law L. Application of generative artificial intelligence (GenAI) in language teaching and learning: A scoping literature review [Electronic resource] // *Computers and Education Open*. 2024. Issue 6. DOI:10.13140/RG.2.2.15263.33445. URL: https://www.researchgate.net/publication/377064863_Application_of_Generative_Artificial_Intelligence_GenAI_in_Language_Teaching_and_Learning_A_Scoping_Literature_Review (date of access 20/06/2024).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declares no conflict of interests

Информация об авторах

Николаева Елена Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Иностранный язык в сфере социогуманитарных наук», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственной технической университет», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
e-mail: yfentyf12032009@yandex.ru

Котляренко Юлия Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Иностранные языки», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский государственный университет путей сообщения», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
e-mail: vasilenko-e@mail.ru

Information about the authors

Elena A. Nikolaeva, PhD (Pedag.), Associate Professor, the Department of Foreign languages in Socio-Humanistic sciences, Don State Technical University, Rostov-on-Don, the Russian Federation,
e-mail: yfentyf12032009@yandex.ru

Iuliia Yu. Kotliarenko, PhD (Pedag.), Associate Professor, the Department of Foreign, Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, the Russian Federation,
e-mail: vasilenko-e@mail.ru

**Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
All authors have read and approved the final manuscript.**

Поступила в редакцию 03.07.2024
Поступила после рецензирования 25.07.2024
Принята к публикации 29.07.2024
Received 03.07.2024
Revised 25.07.2024
Accepted 29.07.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-74-82>

УДК 001.8:331.108.4

© Пивненко П.П., Поддубная Т.Н., Витенко Н.П., 2024

П.П. Пивненко¹, Т.Н. Поддубная²✉, Н.П. Витенко³

Научно-исследовательская работа обучающихся вузов как важнейший компонент профессиональной подготовки кадров (на примере специальности 32.05.01 Медико-профилактическое дело и направления подготовки 43.03.02 Туризм)

¹Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский государственный медицинский университет Минздрава России», Российская Федерация

²Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма», Краснодар, Российская Федерация
✉tpodd@mail.ru

³Центр развития и коррекции речи «Надежда», г. Батайск, Российская Федерация

Аннотация. Научные исследования и инновации играют в современном мире ключевую роль как детерминанты развития общества, экономики и государства. Вполне очевидно, что осознание значимости формирования научно-исследовательских компетенций в процессе профессиональной подготовки в вузе позволит стимулировать вовлеченность студентов в научную деятельность, что в перспективе внесет значимый вклад в развитие всего общества в целом. **Проблема** данного исследования заключается в выявлении представлений студентов о состоянии научно-исследовательской работы в вузе.

Цель исследования: раскрыть состояние научно-исследовательской работы студентов в вузах на основе мнения обучающихся. **Методы исследования:** общенаучные (анализ, сравнение, обобщение, синтез), опрос, объяснительно-иллюстративные методы.

Результаты исследования: обоснована важность научно-исследовательской деятельности студентов; проведен анализ мнения обучающихся ряда вузов РФ о современных тенденциях научно-исследовательской работы студентов; выявлены факторы, препятствующие эффективному развитию научно-исследовательской работы студентов.

Ключевые выводы: научно-исследовательская работа студентов является неотъемлемой базовой составляющей профессиональной подготовки кадров; на основании мнения студентов

выявлены проблемы в организации этого вида деятельности (непонимание студентами места НИРС в процессе профессиональной подготовки, слабая вовлеченность обучающихся, не сформированные у обучающихся на достаточном уровне научно-исследовательские компетенции и др.); факторами, тормозящими активное привлечение студентов к НИР, являются занятость обучающихся, проблемы финансирования, отсутствие эффективного механизма мотивации и стимулирования молодых ученых и др.

Ключевые слова: научно-исследовательская работа, студенты, вуз, образование, подготовка кадров, научно-исследовательские компетенции, онлайн-опрос, эмпирическое исследование, 32.05.01 Медико-профилактическое дело, 43.03.02 Туризм

Для цитирования: Пивненко П.П., Поддубная Т.Н., Витенко Н.П. Научно-исследовательская работа обучающихся вузов как важнейший компонент профессиональной подготовки кадров (на примере специальности 32.05.01 Медико-профилактическое дело и направления подготовки 43.03.02 Туризм). *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2024;16(3):74–82. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-74-82>

P.P Pivnenko¹, T.N. Poddubnaya²✉, N.P. Vitenko³
University students' research work as the most important component of professional training (the case of specialty 32.05.01 Medical and preventive care and training program 43.03.02 Tourism)

¹*Rostov State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Rostov-on-Don, the Russian Federation*

²*Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism, Krasnodar, the Russian Federation*
✉tpodd@mail.ru

³*Center for Speech Development and Correction «Nadezhda», Bataysk, the Russian Federation*

Abstract. Scientific research and innovation play a key role in the modern world as determinants of the development of society, the economy and the state. It is quite obvious that awareness of the importance of developing research competencies in the process of professional training at a university will stimulate the involvement of students in scientific activities, which in the future will make a significant contribution to the development of society as a whole. The problem of the research is to identify students' ideas about the state of research work at a university.

The goal of the research is to reveal the state of students' research work in universities based on students' opinions. The research methods used are general scientific ones (analysis, comparison, generalization, synthesis), survey, explanatory and illustrative methods.

The research results are the following: the importance of students' research activities has been substantiated; the opinions of students at a number of universities in the Russian Federation on modern trends in student research work was carried out; Factors that hinder the effective development of students' research work have been identified.

Key conclusions: research work of students is an integral basic component of professional training; problems in organizing this type of activity have been identified (lack of understanding of the place of research work in the process of professional training, weak involvement of students, students' research competencies are not sufficiently developed, etc.); factors inhibiting the active involvement of students in research efforts are employment of students, funding problems, the lack of an effective mechanism for motivating and stimulating young scientists, etc.

Key words: research work, students, university, education, personnel training, research competencies, online survey, empirical research, 32.05.01 Medical and preventive care, 43.03.02 Tourism

For citation: Pivnenko P.P, Poddubnaya T.N., Vitenko N.P. University students' research work as the most important component of professional training (the case of specialty 32.05.01 Medical and preventive care and training program 43.03.02 Tourism). *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2024;16(3):74–82. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-74-82>

Введение. Для современного периода развития человеческого общества характерны постоянные динамичные изменения всех сфер жизнедеятельности человека. Стремительный темп социально-экономических преобразований социума, большой объём информации, которую должен усваивать современный специалист, конкуренция на рынке труда выступают базовыми ориентирами, на которые должна ориентироваться система высшего профессионального образования в вопросах подготовки будущих кадров. Сегодня для специалиста актуальными являются умения, связанные с правильной оценкой сложных ситуаций, быстрой адаптацией к новым трудовым условиям, целенаправленной переработкой информации и дополнением ее недостающей, прогнозирования результатов деятельности, используя собственный интеллектуальный и творческий потенциал [7]. Современная система образования характеризуется определенной гибкостью, что связано с необходимостью адаптироваться под уровень научно-технического прогресса и вызовы современного социума. Реализуемые в вузах программы бакалавриата и специалитета предусматривают необходимость формирования у обучающихся творческого мышления, исследовательских умений, что детерминировано действующими федеральными

государственными образовательными стандартами высшего образования. В частности, универсальная компетенция УК-1 содержит требование к формированию у обучающихся способности осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач [8]. Следовательно, современный специалист для успешной деятельности должен владеть не только фундаментальными и специальными знаниями, но и навыками творческого решения профессиональных задач. Вполне очевидно, что данные навыки формируются посредством активного вовлечения студентов в научно-исследовательскую работу, которая сегодня выполняет роль важнейшего компонента профессиональной подготовки будущего специалиста.

Многолетний опыт работы авторов статьи в высшей школе позволяет констатировать ряд пробелов в организации научно-исследовательской работы студентов. Причинами такого положения дел выступают активно развивающиеся формы участия студентов в других видах деятельности, которые представляют явно выраженную альтернативу научной, – волонтерской, спортивной, трудовой. С другой стороны, имеются и проблемы с финансированием студенческой науки многими вузами, слабым материально-техническим

оснащением, отсутствием эффективного механизма мотивации и стимулирования молодых ученых, что значительно влияет на состояние студенческой науки [9]. Данные обстоятельства актуализируют исследование вопросов, связанных с поиском путей совершенствования организации научно-исследовательской деятельности студентов вуза, что выступило основанием для выбора темы статьи.

Основная часть. Проблема формирования научно-исследовательских компетенций у студентов вузов является предметом многочисленных исследований. Так, возможные формы и технологии научно-исследовательской работы студентов раскрыты Болотиной Ю.П., Дешеулиной Л.Н., Костаревой Н.Л., Муртазаевой М.М., Филипповой С.Г., Фоминым А.П. (2016) [5], ее структура и содержание – Воробьевой И.А., Карловой М.Ю., Фоминой Т.П. (2022) [1], векторы развития молодежной науки в классическом вузе

на современном этапе – Моисеевым П.С., Сыроевым П.В., Сорокиным Д.О. (2022) [5]. Некоторые исследования представляют собой попытку обоснования сущности самой категории «научно-исследовательская работа студентов» (И.А. Голубева, 2022) [2] и ее мотивов (Л.Н. Занфир, 2020; Г.Е. Накипова, С.Б. Глазунова, Г.С. Тапенова, Л.С. Смирнов, 2023) [3, 11]. Проблемы формирования научно-исследовательских компетенций у студентов вуза касались Мишурина О.А., Чупрова Л.В., Муллина Э.Р. (2016) [4], Друцко Н.А. (2020) [10] и др. В целом, в обозначенных работах научно-исследовательская деятельность студентов вуза рассматривается как необходимый компонент профессионального становления.

И.А. Голубева, исследуя различные подходы к обоснованию категории «научно-исследовательская деятельность студентов» (НИДС), обозначила следующие ее основания (рисунок 1):

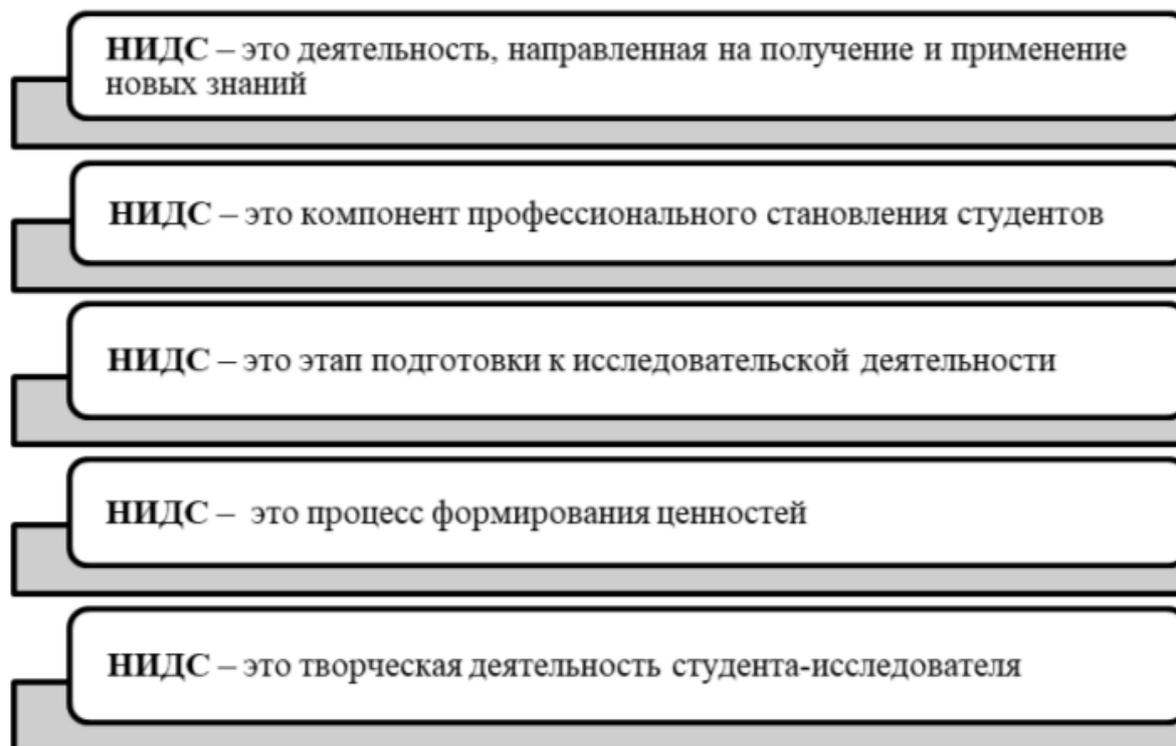

Рис. 1. Основы определений понятия «научно-исследовательская деятельность студентов» по И.А. Голубевой [8, с. 75]

Данное понимание сущности НИДС выступило основанием для проведения эмпирического исследования.

С целью выявления роли научно-исследовательской деятельности студентов и факторов, оказывающих влияние на ее результативность, в период с февраля по март 2024 года было проведено эмпирическое исследование. Основной формой данного исследования выступил онлайн-опрос студентов вузов. В исследовании приняли участие 201 респондент. Выборка случайная, без повторений. Был разработан специальный опросник, который включал 18 вопросов, направленных на выявление вовлеченности обучающихся в научно-исследовательскую работу, сформированности у них научно-исследовательских компетенций, факторов, влияющих на уровень научной работы студентов в вузе и другие показатели. С помощью ссылки респондентам предлагалось ответить на вопросы анкеты. Использовались Яндекс-формы. Эмпирической базой ис-

следования выступили 2 вуза Российской Федерации (Ростовский государственный медицинский университет Минздрава России (специальность 32.05.01 Медико-профилактическое дело) и Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма (направление подготовки 43.03.02 Туризм). Выборочную совокупность составили студенты всех курсов. Преобладали студенты 1, 3 и 4 курсов, что составило 40,0%, 21,7%, 19,6% соответственно, в т. ч. 76,2% женщин и 23,8% мужчин. В целом были получены следующие сведения.

Всего лишь пятая часть опрошенных ответили, что принимают участие в научно-исследовательской работе кафедры и вуза, остальные указали, что участвуют в ней иногда или не участвуют вообще (рисунок 2). Такой ответ респонденты объяснили, что студенты вуза не должны заниматься научно-исследовательской работой – этот вид деятельности свойствен преподавателям и аспирантам.

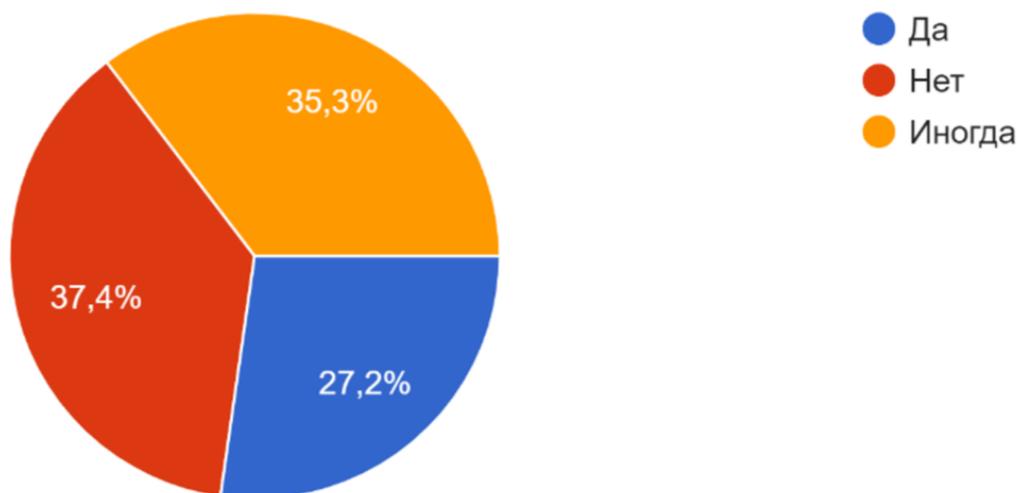

Рис. 2. Вовлеченность студентов в научно-исследовательскую деятельность, % (составлено авторами)

Больше всего студенты отметили, что владеют навыками подбора и анализа теоретического материала (58,7%), практическими научно-исследовательскими навыками (31,5%), менее владеют навы-

ками подготовки научных публикаций (22,6%) и навыками проведения расчетов (21,7%). 22,1% указали на отсутствие у них каких-либо научно-исследовательских компетенций. Причем лучше сфор-

мированы теоретические навыки научно-исследовательской работы (79,9%), в то время когда практическими навыками проведения исследований владеют менее пятой части респондентов (20,1%). По мнению респондентов, у них на

среднем уровне развиты навыки поиска информации, разработки программы исследования, организации и проведения исследования, а также навыки, связанные с оформлением результатов исследования (рисунок 3).

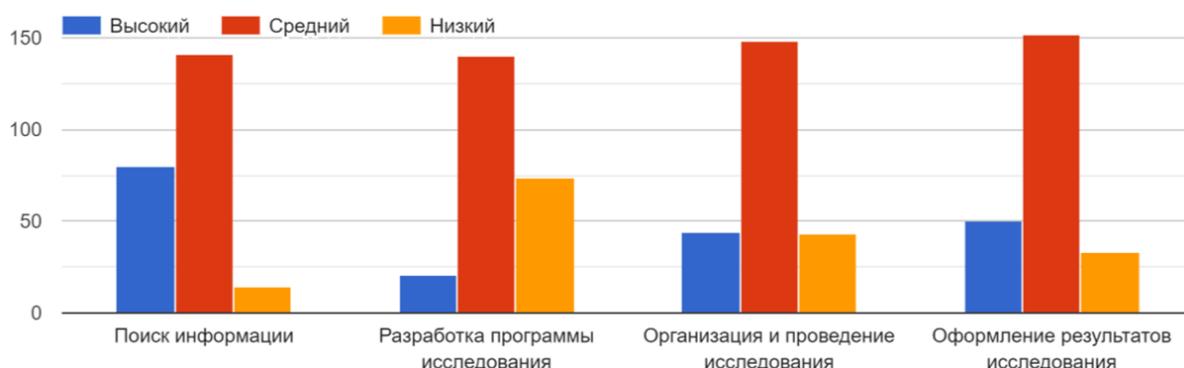

Рис. 3. Уровни научно-исследовательских компетенций, которыми владеют студенты вузов, % (составлено авторами)

Преобладают следующие виды научной работы, в которых участвуют студенты: подготовка рефератов (50,2%); выполнение курсовых работ (41,7%); участие в конференциях разного уровня (29,4%); участие в олимпиадах (25,1%); написание научных статей (22,6%). Менее всего студенты участвуют в научных конкурсах, научных кружках и в исследовательских коллективах с грантовой поддержкой (13,2%, 5,5% и 4,7% соответственно), что позволяет эти виды научно-исследовательской деятельности

отнести к «западающим показателям».

Большинство респондентов испытывают значительные трудности в проведении научно-исследовательской работы (70,2%), остальные (29,8%) констатировали отсутствие в вузе необходимых условий для научно-исследовательской работы студентов, что является ключевым фактором мотивации к такому виду деятельности. В числе проблем научно-исследовательской работы студентов были указаны следующие (рисунок 4):

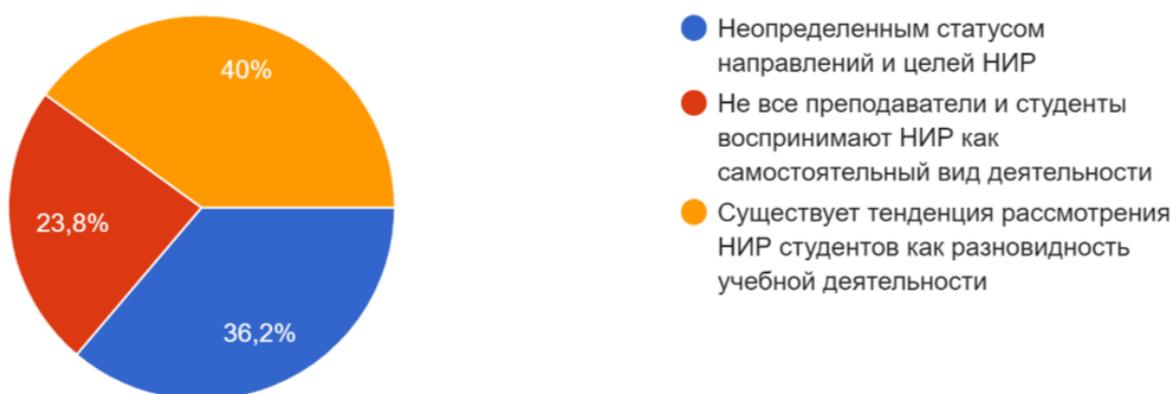

Рис. 4. Проблемы научно-исследовательской работы студентов, % (составлено авторами)

Также респонденты указали на возможные причины их низкой вовлеченности в НИРС. В их числе отсутствие интереса к такой деятельности – 69,8%, сильная загруженность учебной и рабочей деятельностью – 68,1%, отсутствие поощрительных мероприятий, которые выступали бы мощным стимулом – 34,9%, непригодность в дальнейшей жизни – 26,0%.

Наиболее важными мероприятиями, направленными на активизацию научно-исследовательской работы студентов в вузе, респондентами были указаны: организация открытых площадок для встреч, обсуждений, обмена информацией и опытом (44,7%), популяризация НИР в студенческом сообществе (28,1%), доступность информации по научно-исследовательской работе на кафедрах (27,1%).

Таким образом, проведенный опрос позволил получить данные о состоянии научно-исследовательской работы студентов в вузах и выявить причины, препятствующие ее развитию.

Заключение. В целом научная рефлексия проблемы исследования позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Привлечение обучающихся к научно-исследовательской деятельности является базовой компонентой современной профессиональной подготовки выпускников в вузе.

2. Научно-исследовательская работа студентов понимается как значимая составляющая реализации программ профессиональной подготовки в вузе и ориентирована на формирование разносторонне подготовленных кадров, способных решать ряд профессиональных и научно-технических задач в современных социально-экономических условиях.

3. Согласно ФГОС ВО научно-исследовательская работа является квинтэссенцией формирования универсальных и общепрофессиональных профессиональных компетенций.

4. Эмпирическое исследование позволило выявить недостаточную интеграцию научно-исследовательской работы студентов в образовательную деятельность вузов, что подтверждается фактами слабой вовлеченности обучающихся в этот вид деятельности, наличием ряда проблем, связанных с материально-технической базой вузов, мероприятиями по стимулированию привлечения студентов к НИР, загруженностью обучающихся другими видами деятельности и иными причинами.

В целом полученные сведения могут быть использованы для выработки путей повышения эффективности НИРС в вузе, что внесет значимый вклад в профессиональную подготовку кадров и будущее нашего общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воробьева И.А., Карлова М.Ю., Фомина Т.П. Структура и содержание научно-исследовательской деятельности студентов [Электронный ресурс] // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 4(118). URL: <https://research-journal.org/archive/4-118-2022-april/struktura-i-soderzhanie-nauchno-issledovateljskoj-deyatelnosti-studentov> (дата обращения: 22.05.2024).

2. Голубева И.А. Научно-исследовательская деятельность студентов: попытка определения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2022. Т. 8(74), № 2. С. 73-86.

3. Занфир Л.Н. Мотивация студентов к научно-исследовательской деятельности // Перспективы науки. 2020. № 8(131). С. 146-148.

4. Мишурина О.А., Чупрова Л.В., Муллина Э.Р. Научно-исследовательская работа студентов как средство формирования профессиональных компетенций [Электронный ресурс] // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 4-3. С. 412-415. URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=9812> (дата обращения: 23.05.2024).

5. Моисеев П.С., Сысоев П.В., Сорокин Д.О. Векторы развития молодежной науки в классическом вузе на современном этапе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27, № 6. С. 1467-1482.

6. Научно-исследовательская работа студента педагогического вуза: методическое пособие / авт.-сост. Болотина Ю.П., Дешеулина Л.Н., Костарева Н.Л., Муртазаева М.М., Филиппова С.Г., Фомин А.П. СПб.: ЛЕМА, 2016. 73 с.

7. Панина Е.А. Популяризация науки в условиях современной социокультурной ситуации // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. Вып. 4(43). С. 172-181.

8. Шпырня О.В. К вопросу о переходе на новые образовательные стандарты в рамках укрупненной группы специальностей и направлений «гостеприимство, сервис и оказание услуг» // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Т. 15, № 2. С. 115-121.

9. Bashirov A., Khanov T. The Reasons for the Low Efficiency of Students' Research Work at the University // Труды университета. 2021. No. 3(84). P. 18-24.

10. Drutsko N.A. Formation of scientific research competence in students of nonlinguistic universities // Herald of the Ural State University of Railway Transport. 2020. No. 1(45). P. 104-110.

11. Накипова Г.Е., Глазунова С.Б., Тапенова Г.С. Motives for students' research activities: Kazakhstan context [Электронный ресурс] // Вестник Казахского университета экономики, финансов и международной торговли. 2023. No. 3(52). URL <http://vestnik.kuef.kz/web/uploads/file-vestnik/1a7dbc4f427d81e171d0f4cd5a5afc21.pdf> (дата обращения 23.05.2024).

REFERENCES

1. Vorobyova I.A., Karlova M.Yu., Fomina T.P. Structure and content of students' research activities [Electronic resource] // International scientific research journal. 2022. Issue 4(118). URL: <https://research-journal.org/archive/4-118-2022-april/struktura-i-soderzhanie-nauchno-issledovatel'skoj-deyatelnosti-studentov> (date of access: 22/05/2024).

2. Golubeva I.A. Research activities of students: an attempt to define // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology. 2022. Vol. 8(74), Issue 2. P. 73-86.

3. Zafir L.N. Motivation of students for research activities // Perspectives of science. 2020. Issue 8(131). P. 146-148.

4. Mishurina O.A., Chuprova L.V., Mullina E.R. Research work of students as a means of developing professional competencies [Electronic resource] // International Journal of Experimental Education. 2016. Issue 4-3. P. 412-415. URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=9812> (date of access: 23/05/2024).

5. Moiseev P.S., Sysoev P.V., Sorokin D.O. Vectors of development of youth science in a classical university at the present stage // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2022. Vol. 27, Issue 6. P. 1467-1482.

6. Research work of a student at a pedagogical university: methodological manual / Bolotina Yu.P., Desheulina L.N., Kostareva N.L., Murtazaeva M.M., Filippova S.G., Fomin A.P. SPb.: LEMA, 2016. 73 p.

7. Panina E.A. Popularization of science in the conditions of the modern sociocultural situation // Bulletin of the Maikop State Technological University. 2019. Vol. 4(43). P. 172-181.

8. Shpyrnya O.V. On the issue of the transition to new educational standards within the framework of an enlarged group of specialties and areas of “hospitality, service and provision of services” // Bulletin of the Maikop State Technological University. 2023. Vol. 15, Issue 2. P. 115-121.

9. Bashirov A., Khanov T. The Reasons for the Low Efficiency of Students' Research Work at a University // Proceedings of the University. 2021. Issue 3(84). P. 18-24.

10. Drutsko N.A. Formation of scientific research competence in students of nonlinguistic universities // Herald of the Ural State University of Railway Transport. 2020. Issue 1(45). P. 104-110.

11. Nakipova G.E., Glazunova S.B., Tapenova G.S. Motives for students' research activities: Kazakhstan context [Electronic resource] // Bulletin of the Kazakh University of Economics, Finance and International Trade. 2023. Issue 3(52). URL <http://vestnik.kuef.kz/web/uploads/file-vestnik/1a7d bc4f427d81e171d0f4cd5a5afc21.pdf> (access date 23/05/2024).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declares no conflict of interests

Информация об авторах

Пивненко Петр Петрович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский государственный медицинский университет Минздрава России», Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
e-mail: pivnenko_petr@rambler.ru

Поддубная Татьяна Николаевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры социально-культурного сервиса и туризма, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма», г. Краснодар, Российская Федерация,
e-mail: tpodd@mail.ru

Витенко Надежда Петровна, кандидат педагогических наук, директор Центра развития и коррекции речи «Надежда», г. Батайск, Российская Федерация,
e-mail: n.vitenko@mail.ru

Information about the authors

Petr P. Pivnenko, Dr Sci. (Ped.), Professor, the Department of Pedagogy, Rostov State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Rostov-on-Don, the Russian Federation,
e-mail: pivnenko_petr@rambler.ru

Tatyana N. Poddubnaya, Dr Sci. (Pedagog.), Associate professor, Professor of the Department of Social and cultural service and tourism, Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism, Krasnodar, the Russian Federation,
e-mail: tpodd@mail.ru

Nadezhda P. Vitenko, PhD (Ped.), Director of the Center for Speech Development and Correction «Nadezhda», Bataysk, the Russian Federation,
e-mail: n.vitenko@mail.ru

**Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
All authors have read and approved the final manuscript.**

Поступила в редакцию 18.06.2024

Поступила после рецензирования 19.07.2024

Принята к публикации 22.07.2024

Received 18.06.2024

Revised 19.07.2024

Accepted 22.07.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-83-92>

УДК 001.8:331.108.4

© Якута А.А., 2024

А.А. Якута

Начальный этап становления преподавания опытной физики в Императорском Московском университете (1755–1791 гг.)

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация
aa.yakuta@physics.msu.ru*

Аннотация. Среди отечественных историков педагогики и образования традиционно сохраняется высокий интерес к разнообразным аспектам истории развития преподавания различных дисциплин в Московском университете, который фактически является первым классическим университетом нашей страны. Среди учебных предметов, которые начали преподавать в указанном университете практически сразу после его открытия, была экспериментальная (опытная) физика.

Актуальность темы исследования определяется тем, что Московский университет в течение более чем 250 лет является одним из крупнейших центров отечественного высшего физического образования, и состояние преподавания физики в данном университете оказывало значительное влияние на постановку физического образования в нашей стране на протяжении всего этого периода. Начало становления в Московском университете форм и методов преподавания физики, а также формирования содержания этого учебного курса относятся к первым десятилетиям существования университета, однако именно данный период истории физического образования в Московском университете является в настоящее время наименее изученным. Это затрудняет построение целостной картины развития преподавания физики в данном высшем учебном заведении.

Постановка проблемы исследования: изучить процесс становления преподавания опытной физики в Императорском Московском университете во второй половине XVIII в.

Целью исследования является выявление особенностей начального этапа становления форм и методов преподавания курса опытной физики в Императорском Московском университете в 1755–1791 гг., изучение структуры и основных элементов содержания данного курса в рассматриваемый период.

Метод исследования – анализ литературных источников (научных, справочных, мемуарно-биографических) и учебной литературы (университетских учебников физики второй половины XVIII в.).

Результаты и ключевые выводы. Начальный этап становления преподавания опытной физики в Императорском Московском университете занял первые 35 лет его существования. В данный период произошло организационное оформление кафедры физики университета, которая

была замещена штатным профессором (из числа иностранцев), а также закрепление лекционной формы преподавания и соответствующих ей словесного и наглядного методов обучения. Чтение лекций сопровождалось использованием демонстрационного эксперимента. Преподавание физики велось на латыни по современным на тот момент учебникам, написанным на иностранных языках. К концу рассматриваемого периода в рамках курса опытной физики в Московском университете студенты изучали исключительно механику и ее некоторые практические приложения.

Ключевые слова: Императорский Московский университет, ИМУ, Франкози Доминик, Керштене Иоганн, Савич Даниил Васильевич, Рост Иоганн, Рост Иван Акимович, Винклер, Дезагюлье, опытная физика, общая физика, преподавание физики, история образования

Для цитирования: Якута А.А. Начальный этап становления преподавания опытной физики в Императорском Московском университете (1755–1791 гг.). *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2024;16(3):83–92. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-83-92>

A.A. Yakuta

The Initial Stage of the Formation of Teaching Experimental Physics at the Imperial Moscow University (1755–1791)

*M.V. Lomonosov's Moscow State University, Moscow, the Russian Federation
aa.yakuta@physics.msu.ru*

Abstract. Among domestic historians of Pedagogy and education, there has traditionally been a high interest in various aspects of the history of the development of teaching of various disciplines at Moscow University, which is in fact the first classical university in our country. Among the academic subjects that began to be taught at this university almost immediately after its opening was experimental (experimental) Physics.

The relevance of the research topic is determined by the fact that Moscow University has been one of the largest centers of domestic higher physics education for more than 250 years, and the state of teaching Physics at this university had a significant impact on the organization of Physics education in our country throughout this period. The beginning of the formation of forms and methods of teaching Physics at Moscow University, as well as the formation of the content of this educational course, dates back to the first decades of the university's existence, however, this particular period in the history of Physics education at Moscow University is currently the least studied. This makes it difficult to build a holistic picture of the development of Physics teaching in a given higher education institution.

Statement of the research problem: to study the process of development of teaching experimental Physics at the Imperial Moscow University in the second half of the 18th century.

The goal of the research is to identify the features of the initial stage of the formation of forms and methods of teaching the course of experimental Physics at the Imperial Moscow University in 1755–1791, to study the structure and main elements of the content of this course in the period under review.

The research method used is the analysis of literary sources (scientific, reference, memoir-biographical) and educational literature (university Physics textbooks of the second half of the 18th century).

The results and key conclusions. The initial stage of development of teaching experimental Physics at the Imperial Moscow University took the first 35 years of its existence. During this period,

the Department of Physics was organized, which was replaced by a full-time professor (from among foreigners), as well as the consolidation of the lecture form of teaching and the corresponding verbal and visual teaching methods. The lectures were accompanied by the use of a demonstration experiment. Physics was taught in Latin using modern textbooks at that time, written in foreign languages. By the end of the period under review, as part of the experimental Physics course at Moscow University, students studied exclusively Mechanics and some of its practical applications

Key words: Imperial Moscow University, IMU, Dominique Francosi, Johann Kerstens, Daniil Vasilievich Savich, Johann Rost, Ivan Akimovich Rost, Winkler, Desagulier, experimental Physics, general Physics, teaching Physics, history of education

For citation: Yakuta A.A. The initial stage of the formation of teaching experimental Physics at the Imperial Moscow University (1755–1791). *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2024;16(3):83–92. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-83-92>

Введение. Императорский Московский университет (ИМУ) был учрежден 24 января 1755 г. именным указом Императрицы Елизаветы Петровны [10, с. 27–28]. К данному указу был приложен Высочайше утвержденный 12 января 1755 г. проект об учреждении Московского университета. Этот проект был подготовлен И.И. Шуваловым (которого иногда ошибочно титулуют «графом», хотя он таковым не являлся). В основу проекта легли предложения М.В. Ломоносова, который считал важным, «чтобы план Университета служил во все будущие роды» [11, с. 271–277]. Согласно данному проекту, в ИМУ были созданы юридический, медицинский и философский факультеты, причем на последнем была предусмотрена должность профессора физики, который «обучать должен Физике Экспериментальной и Теоретической» [15, с. 290].

Изучение истории становления преподавания в ИМУ в XVIII в. различных дисциплин традиционно вызывает интерес у отечественных историков образования (см., напр., [18, 6, 17]). Важным источником информации по данной проблематике является биографическое справочное издание [1, 2]. Существуют и работы, специально посвященные истории кафедры физики ИМУ в указанный период (напр., [9]), среди которых следует особо выделить монографию А.Ф. Кононкова

[8] и обзор Н.А. Пенчко [14]. Однако в рамках этих и других исследований не акцентировалось внимание на процессе становления форм и методов преподавания курса опытной физики в ИМУ, а также не изучались структура и содержание этого курса. Изучение данных вопросов является актуальной историко-педагогической задачей, решение которой необходимо для воссоздания истории развития физического образования в Московском университете, охватывающей весь период его существования.

Основная часть. ИМУ был открыт 26 апреля 1755 г., но на тот момент профессора физики в нем не было. Поэтому первому куратору ИМУ И.И. Шувалову было необходимо, в соответствии с утвержденным проектом, пригласить специалиста, который мог бы занять в новом университете должность профессора физики и организовать преподавание этого предмета.

Найти профессора физики не удавалось более года, и поэтому И.И. Шувалов был вынужден предложить чтение в ИМУ лекций по физике бургундскому аббату Доминику Исидору де Франкози (*Dominique-Isidore Francozi*). Он прибыл в ИМУ 22 марта 1757 г. и стал первым преподавателем физики в ИМУ [13, с. 43; 2, с. 536].

16 мая 1757 г. было объявлено о том, что 21 мая Аббат Франкози начнет читать

в ИМУ курс «экспериментальной физики» с демонстрацией физических опытов [12]. На следующий день после первой лекции директор ИМУ И.И. Мелиссино сообщил И.И. Шувалову, что «Вчерашнего дня при открытии класса экспериментальной физики говорена была от учащего оной аббата Франкози речь о пользах физики и о экспериментах, на французском языке» [13, с. 51]. В дальнейшем Д.И. Франкози читал лекции два раза в неделю по четыре часа.

Квалификация Д.И. Франкози не позволяла ему преподавать физику на необходимом для университета уровне – он имел лишь «общие познания в физике, чтобы быть в состоянии давать уроки начинающим по руководству, которое ему предпишут, при условии, что он даст себе труд предварительно изучать самому и более глубоко предметы, о которых будет идти речь, обращая в особенности внимание на то, что открыли современные физики, как в своих опытах, так и в теории физики» [14, с. 164]. Поэтому летом 1758 г. Д.И. Франкози уволили из ИМУ, а для чтения лекций по физике пригласили двух более подготовленных специалистов [13, с. 317–318].

В 1758/1759 учебном году на медицинском факультете физику начал преподавать прибывший в Москву из Лейпцига профессор Иоганн Кристиан Керштенс (*Johann Christian Kerstens*) [3, с. 115], а на философском факультете – магистр Даниил Васильевич Савич [7, с. 636] (через год он стал читать лекции по физике и на медицинском факультете). Курс физики последний преподавал в ИМУ до октября 1761 г., руководствуясь учебником И.Г. Винклера (*Johann Heinrich Winckler*).

Исследователь истории ИМУ Н.А. Пенчко считала [14, с. 170], что это был написанный на латыни учебник «Основы общей философии, изложенные для учебных целей Иоганном Генрихом Винклером, экстраординарным профессором философии из Лейпцига» [21]. Изучение этой

книги показывает, что если Д.В. Савич и использовал ее, то он мог рекомендовать студентам только третью часть данного учебника, называющуюся «Физика», поскольку остальные его части посвящены метафизике, логике, морали, праву, этике, политике.

Более вероятно, что Д. В. Савич преподавал физику по напечатанному на немецком языке учебнику «Начальные основы физики» [23]. Этот учебник содержал пять разделов («учений»). Первый раздел «О движении» включал в себя основные сведения о механическом движении, в том числе о падении тел. Во втором разделе речь шла о силах, с которыми тела взаимодействуют друг с другом. Третий раздел был посвящен жидким веществам, к которым также относились воздух, огонь, свет, «электрическая материя» и «магнитная материя». В четвертом разделе были представлены сведения о Земле (давалось описание различных явлений в атмосфере и гидросфере, некоторых физических явлений в «живых телах»), предпринималась попытка объяснить появление жизни на Земле), о Солнце и о прочих небесных телах (звездах, планетах, кометах). В последнем пятом разделе давалась трактовка «мирового устройства» – описывалось движение Земли, планет и комет вокруг Солнца, а также объяснялось воздействие Солнца и планет друг на друга и влияние Солнца и Луны на воду и атмосферу Земли.

После переезда Д.В. Савича в Казань преподавание физики в ИМУ было поручено Иоганну Иоахиму Юлиусу Росту (*Johann Joachim Julius Rost*, 1726–1791), который в 1757 г. был приглашен в Москву из Геттингена [2, с. 362–369; 14, с. 177–180; 7, с. 625; 3, с. 202]. Он принял на русской службе имя «Иван Акимович» и в 1761 г. был утвержден в должности ординарного профессора прикладной математики, механики и физики, официально став, таким образом, первым профессором физики ИМУ.

И.А. Рост по образованию был языковедом и, как отмечали его современники, в совершенстве владел восьмью языками. Несмотря на отсутствие специального естественно-научного образования, И.А. Рост в течение своей службы в ИМУ брался читать лекции по более чем десяти дисциплинам, среди которых были такие разнородные предметы, как английский язык, география, прикладная математика и экспериментальная физика. Преподаванию физики он уделял четыре академических часа в неделю [2, с. 366], то есть вдвое меньше, чем Д.И. Франкози. Обучение всем предметам, в том числе и физике, И.А. Рост вел на латыни. Поскольку мало кто из слушателей понимал этот язык, профессор при чтении лекций привлекал в качестве переводчика на русский язык кого-либо из студентов.

И.А. Рост не считал себя специалистом в области физики и поэтому преподавал ее неохотно. Но тем не менее, согласно опубликованным воспоминаниям современников, его лекции по физике пользовались большим успехом. Так, поэт и драматург И.М. Долгорукий писал в своих мемуарах: «Я ходил всякую среду и субботу на лекции его, когда был студентом, и с любопытством смотрел его опыты. Рост изъяснял физику очень хорошо» [5, с. 297]. Юрист И.Ф. Тимковский отмечал, что во время лекций И.А. Роста по физике «зала его тесно наполнялась из всех факультетов» [16, с. 17].

Несмотря на лекторский талант И.А. Роста, он сам не занимался научно-исследовательской работой в области физики и не мог руководить дальнейшим специальным образованием студентов в этой области. Следует отметить, что ни один из его студентов не только не стал впоследствии ученым-физиком, но и не посвятил себя преподаванию этого предмета [14, с. 201].

В качестве учебника И.А. Рост сначала использовал вышеупомянутую книгу И.Г. Винклера [23]. Затем он начал

преподавать по написанному на латыни учебнику немецкого врача и естествоиспытателя И.Г. Крюгера (*Johann Gottlob Krüger*) «Натурфилософия, подтвержденная экспериментами» [22]. Эта книга включала в себя лишь достаточно общие сведения о движении, о тяготении, о жидкостях, о силах «телесного» притяжения, об огне, о воздухе, о звуке, о свете и цвете, о метеоритах, об окружающем мире, о растениях и животных. Поэтому вскоре И.А. Рост перешел к обучению на основе более основательного двухтомного учебника английского натурфилософа и инженера Д.Т. Дезагюлье (*John Theophilus Desaguliers*) «Курс экспериментальной философии» [19, 20].

В этой книге очень подробно, на более чем 1200 страницах, излагались основы классической механики и ее практически важные технические приложения. Следуя принятой в то время методике преподавания курса экспериментальной физики, сначала обсуждались закономерности наиболее часто наблюдаемых типов движения (равномерного и неравномерного – на примере свободного падения тел), далее рассматривалось равновесие тел, и лишь затем, в качестве обобщения, изучались законы динамики. Значительное место в книге занимало объяснение устройства и принципов действия различных машин и механизмов. В учебнике, помимо обширной вводной части, были главы «Простые механизмы», «О трении в механических машинах», «О трех законах движения сэра Исаака Ньютона», «О взаимодействии тел», «Гидростатика», «О двигателях, особенно гидростатических и гидравлических машин».

По сравнению с ранее применявшимися в ИМУ учебниками по физике, научный уровень данной книги был несравненно выше, но следует отметить, что она была целиком посвящена механике. На лекциях И.А. Роста студенты ИМУ не изучали ни тепловые, ни электрические, ни оптические явления, которые, вероятно, являлись

предметом отдельных специальных занятий, которые профессора ИМУ имели право проводить за отдельную плату, которую взимали со студентов.

По учебнику Д.Т. Деагюлье профессор И.А. Рост обучал студентов физике до окончания своей педагогической деятельности в ИМУ, которая была прервана смертью, последовавшей в 1791 г.

Изучение содержания учебников, применявшихся в 1758–1791 гг. Д.В. Савичем и, в особенности, И.А. Ростом, показывает, что читавшиеся ими в ИМУ курсы физики являлись современным для своей эпохи. Содержание этих курсов в целом соответствовало достижениям физической науки по состоянию на вторую половину XVIII в. Этот вывод подтверждается и тем, что данные учебники в указанный период широко применялись для преподавания физики во многих европейских университетах. Поскольку эти книги были написаны на иностранных языках, которые студенты ИМУ второй половины XVIII в. знали плохо, а лекции читались на латыни, большинство обучающихся испытывали серьезные затруднения при изучении физики.

Такое положение дел может быть объяснено не только существовавшими в ту эпоху традициями университетского образования (латынь являлась международным «научным» языком, и считалось, что истинно научное изложение любого предмета может быть достигнуто только при ее использовании). Важную роль играло и то обстоятельство, что учебников по физике, написанных на русском языке, в то время практически не было. Первое русскоязычное учебное пособие по физике – переведенная в 1746 г. М.В. Ломоносовым «Вольфианская экспериментальная физика» – не являлась полноценным учебником, а могла служить лишь кратким пособием для разъяснения результатов различных физических экспериментов. Как отмечал в предисловии к переведенной им книге М.В. Ломоносов, «сия книжица

почти только для того сочинена и ныне переведена на Российский язык, чтобы по ней показывать и толковать физические опыты; и потому она на Латинском языке весьма коротко и тесно писана, чтобы, для удобнейшего употребления учащихся, вместить в ней три книги немецких» (см. Предисловие к [4]).

Как было отмечено выше, Д.И. Франкози уже на своих первых лекциях показывал физические опыты. Таким образом, с первых лет существования ИМУ в нем начали применять наглядный метод обучения физике, который постепенно развивался и совершенствовался вместе с развитием физического кабинета ИМУ. Этот кабинет попытались сформировать еще до момента открытия университета. В марте 1755 г. директор ИМУ А.М. Аргамаков обратился с ходатайством к Конференции Императорской академии наук и художеств о приобретении первоначального оборудования для физического кабинета. Ученый секретарь Конференции Ф.Г. Миллер направил письмо по данному вопросу почетному члену академии – голландскому физику Питеру ван Мушенбруку (*Pieter van Musschenbroek*), который в ответ предложил приобрести для ИМУ его собственную коллекцию приборов. Однако эта сделка не состоялась из-за высокой цены, назначенной владельцем [14, с. 155–158]. Тем не менее, небольшой физический кабинет, включающий 50 позиций оборудования, в ИМУ все же был создан [14, с. 158].

Первым лаборантом, который в течение непродолжительного времени работал в физическом кабинете ИМУ, был инструментальный мастер Иоганн Шульц. После его смерти оставшиеся без присмотра физические приборы были перенесены в университетскую библиотеку, в которой тогда по совместительству работал Д.В. Савич. В 1761 г., когда его перевели на службу в Казанскую гимназию, список оборудования и инструментов, находившихся в физическом кабинете ИМУ и в механической

мастерской при нем, включал в себя уже более 200 позиций [14, с. 170].

На место И. Шульца в 1761 г. был приглашён Пьер Демулен. Ему была поручена починка и изготовление физических приборов. Но механик вместо этого занимался развлечением публики, показывая за деньги физические «фокусы». Поэтому физический кабинет ИМУ при П. Демулене пришел в значительный упадок, за что в начале 1766 г. его уволили. Вместо него был нанят новый механик – часовой мастер Иван Дроссар, которому удалось быстро починить многие, находившиеся в физическом кабинете, приборы [14, с. 174–175, с. 181–189]. С 1782 г. показывать опыты на лекциях И.А. Росту помогал новый механик физического кабинета – итальянец Йозеф Маджи [2, с. 366; 8, с. 73].

Таким образом, можно констатировать, что в течение первых 35 лет существования кафедры физики ИМУ физический кабинет университета эволюционировал достаточно медленно. Развитие данного учебно-вспомогательного учреждения было затруднено в связи с невозможностью найма в Москве высококвалифицированного механика. Несмотря на это, физический кабинет обеспечивал свою основную на тот момент функцию, давая возможность профессору физики сопровождать чтение лекций показом демонстрационных экспериментов.

Заключение. Проведенное рассмотрение начального этапа становления преподавания опытной физики в ИМУ позволяет сделать следующие выводы. Сразу после открытия в 1755 г. ИМУ руководство университета начало организовывать в нем кафедру физики. В 1761 г. удалось привлечь в ИМУ штатного профессора физики из числа иностранцев (который не являлся специалистом в данном предмете) и обеспечить ему условия, необходимые для чтения лекций, что выразилось в организации в ИМУ минимально оснащенного физического кабинета и найме механика.

При этом задача создания в ИМУ оригинальной системы обучения физике не ставилась. В связи с этим постановка преподавания физики в ИМУ была организована в соответствии с практикой, устоявшейся к тому времени в иностранных университетах. Обучение велось по книгам, написанным на иностранных языках. Основной формой обучения была лекционная, главный метод обучения – словесный. При этом лекции читались исключительно на малопонятной студентам латыни. В процессе развития наглядного метода обучения все шире практиковалась экспериментальная поддержка лекций, но из-за сравнительной бедности физического кабинета она была недостаточной. Указанные обстоятельства существенно снижали качество усвоения студентами учебного материала, хотя лекции для них читали на достаточно высоком уровне, а форма и методы обучения вполне соответствовали подходам, практикуемым в европейских университетах. При преподавании применяли современные для той эпохи учебники, но содержание читавшегося курса опытной физики было ограничено механикой. Ее различные разделы излагались весьма подробно, обучение велось в рамках подходов к методике преподавания соответствующей дисциплины, сложившихся к тому моменту.

При всех имевшихся недостатках рассматриваемый период сыграл важную роль в истории развития физического образования в ИМУ – именно в те годы в Московском университете начали зарождаться традиции преподавания физики как важнейшей учебной дисциплины, формирующей естественно-научное мировоззрение студентов.

Работа выполнена в рамках серии историко-педагогических научных исследований, ведущихся в рамках подготовки к 270-летию Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. Ч. 1. М.: Университетская типография, 1855. 487 с.
2. Биографический словарь Императорского Московского университета за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. Ч. 2. М.: Университетская типография, 1855. 674 с.
3. Волков В.А., Куликова М.В. Московские профессора XVIII – начала XX веков. Естественные и технические науки. М.: Янус-К; Московские учебники и картолитография, 2003. 294 с.
4. Вольфианская экспериментальная физика с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная, с которого на российский язык перевел Михайло Ломоносов императорской Академии Наук член и химии профессор. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1746. 174 с.
5. Долгорукий И.М. Капище моего сердца или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. Сочинение князя Ивана Михайловича Долгорукова. М.: Университетская типография, 1890. 403 с.
6. Затравкин С.Н. Неизменное служение науке // Вестник Российской академии наук. 2009. Т. 79, № 4. С. 341-351.
7. Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь / сост. А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 894 с.
8. Кононков А.Ф. История физики в Московском университете с его основания до 60-х годов XIX столетия 1755-1859. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. 300 с.
9. Левшин Л.В., Трухин В.И. Очерк развития физики в Московском университете // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 1 (39). С. 24-34.
10. Летопись Московского университета: в 3-х т. Т. 1: 1755–1952 / автор-сост. Е.В. Ильченко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 624 с.
11. Михаил Васильевич Ломоносов. Переписка. 1737–1765 / сост., подгот. текста и примеч. Г.Г. Мартынова; под ред. Б.А. Градовой. М.: Ломоносовъ, 2010. 512 с.
12. Московские ведомости. 1757. 15 мая (№ 39).
13. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века: [в 3-х т.]. Т. 1: 1756–1764 / подгот. Н.А. Пенчко. М.: МГУ, 1960. 415 с.
14. Пенчко Н.А. Физический кабинет в XVIII веке // Иван Филиппович Усагин. 1855-1919: сборник статей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. С. 151-211.
15. Полное собрание законов Российской империи. I. Т. XIV. № 10346.
16. Тимковский И.Ф. Памятник И.И. Шувалову, основателю и первому куратору Императорского Московского Университета // Москвитянин. 1851. № 9, 10. С. 1-49.
17. Феофанов А.М. Профессура Московского университета второй половины XVIII-первой четверти XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия: 2: История. История Русской Православной Церкви. 2013. № 1 (50). С. 7-28.
18. Якушев А., Гавва В., Гюлушанян Э. Иностранцы профессора в университетах России (1726–1819) // Высшее образование в России. 2004. № 2. С. 159-162.
19. Desaguliers J.T. A course of experimental philosophy. Vol. 1. London: Millar, 1763. 466 p.
20. Desaguliers J.T. A course of experimental philosophy. Vol. 2. London: Millar, 1763. 568 p.
21. Henrico Winklero A Jo. Institutiones philosophiae universae usibus academicis accomodatae. Lipsiae: Fritsch, 1762, 912 p.
22. Krügeri Io. Gottlob. Philosophia naturalis, experimentis confirmata. Halae Magdeburgicae [Halle]: Impensis Carol. Herman. Hemmerde, 1753. 992 p.

23. Winkler Johann Heinrich. Anfangsgründe der Physik. Leipzig, Verlegts Bernhard Christoph Breitkopf, 1754. 854 p.

REFERENCES

1. Biographical dictionary of professors and teachers of the Imperial Moscow University for the past century, from the establishment of January 12, 1755, to the centennial anniversary of January 12, 1855, compiled by the works of professors and teachers who occupied departments in 1854, and located at in alphabetical order. Part 1. M.: University Printing House, 1855. 487 p.
2. Biographical dictionary of the Imperial Moscow University for the past century, from the founding of January 12, 1755, to the centennial anniversary of January 12, 1855, compiled by the works of professors and teachers who occupied departments in 1854, and arranged in alphabetical order. Part 2. M.: University Printing House, 1855. 674 p.
3. Volkov V.A., Kulikova M.V. Moscow professors of the 18th – early 20th centuries. Natural and technical sciences. M.: Janus-K; Moscow textbooks and Cartolithography, 2003. 294 p.
4. Wolffian experimental Physics from the German original in Latin, abbreviated, from which Mikhailo Lomonosov, a member and a professor of Chemistry, translated into Russian. St. Petersburg: At the Imperial Academy of Sciences, 1746. 174 p.
5. Dolgoruky I.M. The Temple of My Heart or the Dictionary of all those persons with whom I have had different relationships during my life. The work of Prince Ivan Mikhailovich Dolgorukov. M.: University Printing House, 1890. 403 p.
6. Zatravkin S.N. Constant service to science // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2009. Vol. 79, Issue 4. P. 341-351.
7. Imperial Moscow University: 1755–1917: encyclopedic dictionary / comp. by A.Yu. Andreev, D.A. Tsygankov. M.: Russian Political Encyclopedia, 2010. 894 p.
8. Kononkov A.F. History of Physics at Moscow University from its foundation to the 1860s, 1755-1859. M.: Publishing house of Moscow Univ., 1955. 300 p.
9. Levshin L.V., Trukhin V.I. Essay on the development of Physics at Moscow University // Bulletin of Orenburg State University. 2005. Issue 1 (39). P. 24-34.
10. Chronicle of Moscow University: in 3 volumes. Vol. 1: 1755–1952 / comp. by E.V. Ilchenko. M.: Publishing house of Moscow Univ., 2004. 624 p.
11. Mikhail Vasilievich Lomonosov. Correspondence. 1737–1765 / comp., text preparation and notes by G.G. Martynov; edited by B.A. Gradovoy. M.: Lomonosov, 2010. 512 p.
12. Moscow Gazette. 1757. May 15 (Issue 39).
13. Documents and materials on the history of Moscow University in the second half of the 18th century: [in 3 volumes]. Vol. 1: 1756–1764 / prepared by N.A. Penchko. M.: MSU, 1960. 415 p.
14. Penchko N.A. Physics office in the 18th century // Ivan Filippovich Usagin. 1855–1919: collection of articles. M.: Publishing house Moscow Univ., 1959. P. 151-211.
15. Complete collection of laws of the Russian Empire. I. Vol. XIV. Issue 10346.
16. Timkovsky I.F. Monument to I.I. Shuvalov, the founder and the first curator of the Imperial Moscow University // Moskvityanin. 1851. Issue 9, 10. P. 1-49.
17. Feofanov A.M. Professorship at Moscow University in the second half of the 18th-first quarter of the 19th century// Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University. Episode: 2: History. History of the Russian Orthodox Church. 2013. Issue 1 (50). P. 7-28.
18. Yakushev A., Gavva V., Gyulushanyan E. Foreign professors at Russian universities (1726–1819) // Higher education in Russia. 2004. Issue 2. P. 159-162.
19. Desaguliers J.T. A course of experimental Philosophy. Vol. 1. London: Millar, 1763. 466 p.
20. Desaguliers J.T. A course of experimental Philosophy. Vol. 2. London: Millar, 1763. 568 p.
21. Henrico Winklero A Jo. Institutiones philosophiae universae usibus academicis accomodatae. Lipsiae: Fritsch, 1762, 912 p.

22. Krügeri Io. Gottlob. Philosophia naturalis, experimentis confirmata. Halae Magdeburgicae [Halle]: Impensis Carol. Herman. Hemmerde, 1753. 992 p.

23. Winkler Johann Heinrich. Anfangsgründe der Physik. Leipzig, Verlegts Bernhard Christoph Breitkopf, 1754. 854 p.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflict of interests

Информация об авторе

Якута Алексей Александрович, кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры общей физики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация,

e-mail: aa.yakuta@physics.msu.ru

Information about the author

Aleksey A. Yakuta, PhD (Physics and Mathematics), Assistant professor, the Department of General Physics, M.V. Lomonosov's Moscow State University, Moscow, the Russian Federation,

e-mail: aa.yakuta@physics.msu.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 02.07.2024

Поступила после рецензирования 29.07.2024

Принята к публикации 30.07.2024

Received 02.07.2024

Revised 29.07.2024

Accepted 30.07.2024

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-93-101>

УДК 332.8:728.1

© Ашинов Б.Ю., Сиюхова А.М., 2024

Б.Ю. Ашинов, А.М. Сиюхова✉

Жилищно-коммунальный комплекс в системе социокультурной институциональности

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет»,
г. Майкоп, Российская Федерация*
✉ amins@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о сфере жилищно-коммунального комплекса как социокультурного института. Отмечается, что чем больше городское поселение, тем сложнее организовать упорядоченные взаимодействия, необходимые для устойчивости городского устройства, удобства для жителей, безопасности, выразительности культурного ландшафта и пр. ЖКХ выполняет важную функцию формирования позитивного имиджа города, делающего его конкурентоспособным по привлекательности в сравнении с другими городами. Исследовательская проблема заключается в том, что жилищно-коммунальный комплекс принято рассматривать по большей части с позиций экономики и управления, при том что деятельность данного комплекса имеет ярко выраженную социокультурную направленность. Это позволяет говорить об актуальности исследования ЖКХ как социокультурного института с целью выявления факторов, способствующих эффективности деятельности организаций коммунальщиков, либо приводящих к институциональным дисфункциям. Основным методом исследования избран структурно-функциональный анализ, позволяющий рассматривать ЖКХ с точки зрения реализации социокультурных функций, поиска причин возможных дисфункций. Последовательно раскрываются институциональные признаки жилищно-коммунального комплекса. В заключении определяются основные причины возможных институциональных дисфункций рассматриваемого объекта: нарушения функциональности возможны, во-первых, в результате общих кризисных состояний в экономике и политике; во-вторых, в результате стихийных бедствий; в-третьих, в результате непонимания государственной и муниципальных властей важности и сложности деятельности ЖКХ; также на отставание в данной сфере могут повлиять недостатки организационной культуры конкретных предприятий в сфере коммунального хозяйства.

Ключевые слова: ЖКХ, социокультурный институт, структурно-функциональный анализ, история ЖКХ, обеспечение комфортной поселенческой среды, нормативно-правовые аспекты, атрибутика, причины дисфункций

Для цитирования: Ашинов Б.Ю., Сиюхова А.М. Жилищно-коммунальный комплекс в системе социокультурной институциональности. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2024;16(3):93–101. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-93-101>

B.Yu. Ashinov, A.M. Siyukhova ✉

Housing and utility complex in the system of sociocultural institutionality

Maikop State Technological University, Maikop, the Russian Federation

✉ amins@mail.ru

Abstract. The article examines the issue of the housing and utility services as a sociocultural institution. It has been noted that the larger the urban settlement, the more difficult it is to organize orderly interactions necessary for the sustainability of the urban structure, convenience for residents, safety, expressiveness of the cultural landscape, etc. Housing and utility services perform an important function of forming a positive image of a city, making it competitive in attractiveness in comparison with others cities. The research problem lies in the fact that the housing and utility services are generally considered from the standpoint of economics and management, despite the fact that the activities of this complex have a pronounced socio-cultural orientation. This allows us to talk about the relevance of the study of housing and utility services as a sociocultural institution in order to identify factors that contribute to the effectiveness of the activities of public utility organizations, or lead to institutional dysfunctions. The main research method chosen is structural and functional analysis, which allows us to consider housing and communal services from the point of view of the implementation of sociocultural functions and the search for the causes of possible dysfunctions. Consistently the institutional features of housing and utility complex are revealed. In conclusion, the main reasons for possible institutional dysfunctions of the object under consideration have been determined: violations of functionality are possible, firstly, as a result of general crisis conditions in the economy and politics; secondly, as a result of natural disasters; thirdly, as a result of a lack of understanding of the importance and complexity of housing and communal services by state and municipal authorities. Also, the gap in this area may be affected by shortcomings in the organizational culture of specific enterprises in the public utilities sector.

Key words: housing and utility services, sociocultural institution, structural and functional analysis, history of housing and utility services, ensuring a comfortable settlement environment, legal aspects, attributes, causes of dysfunction

For citation: Ashinov B. Yu., Siyukhova A.M. Housing and utility complex in the system of sociocultural institutionality. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2024;16(3):93–101. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-93-101>

Введение. Современная урбанизация представляет собой сложный разнонаправленный процесс, вовлекающий городского жителя во множество социальных связей,

организующих его жизнь, ставящий перед ним множество проблем социально-культурного характера. При этом чем больше городское поселение, тем сложнее орга-

низывать упорядоченные взаимодействия, необходимые для устойчивости городского устройства, удобства для жителей, безопасности, выразительности культурного ландшафта и пр. Одним из социальных субъектов, участвующих в формировании полного комплекса городской жизни, является жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ), являющее собой пример социокультурного института. Во многом зависящий от других институций (экономики, политики и пр.) данный институт часто испытывает трудности финансового и организационного плана, вызывает критику населения из-за некачественного выполнения своих функций, высоких тарифов на свои услуги, отсутствия некоторых инфраструктурных элементов, влияющих на снижение комфортности для проживания в городе. При этом ЖКХ выполняет важную функцию формирования позитивного имиджа города, делающего его конкурентоспособным по привлекательности для жизни в сравнении с другими городами. Это позволяет говорить об актуальности исследования ЖКХ как социокультурного института с целью выявления факторов, способствующих эффективности деятельности организаций коммунальщиков, либо приводящих к институциональным дисфункциям.

Научные исследования жилищно-коммунального комплекса не так часты и касаются в первую очередь прикладных аспектов оценивания эффективности отдельных служб ЖКХ с экономических и нормативно-правовых позиций. В статье О.С. Перваловой и Е.А. Самсонова рассматривается вопрос методологии подобных исследований. Авторы для комплексной оценки деятельности ЖКХ предлагают использовать методы социологического исследования, такие как анкетирование, интервью и анализ документов [1, с. 144]. Также они считают оправданным применение сравнительного метода, когда по разным критериям сравнивают качество работы коммунальных предприятий из разных населенных пунктов. Основной

задачей подобных исследований является не только критика недостатков в работе коммунальщиков, но, в большей степени, определение мер по корректировке форм работы для максимального удовлетворения потребностей населения. Также наиболее значимым вопросом подобных исследований авторы считают проблему снижения издержек и расходования природных ресурсов, строгого их учета без ущерба для качества жизни населения.

В число значимых работ о деятельности ЖКХ входит масштабное коллективное издание «Исторические аспекты развития жилищно-коммунального хозяйства в России (XVII–XXI вв.)». В нем подробно описывается история формирования коммунальных служб, рассматривается вопрос реформирования и выстраивания стратегии развития ЖКХ, определяются уровни управления комплексом на федеральном и региональном уровнях. Авторы замечают, что современная реформа ЖКХ во многом схожа с реформой данной отрасли времен НЭПа, а в ЖАКТах того периода обнаруживаются черты сегодняшних ТСЖ [2, с. 64]. В данной работе акцентируется внимание на чрезвычайной важности создания экономико-правовых основ для стимулирования жилищного строительства, т. к. это поможет экономике страны выйти из кризиса [2, с. 5].

В небольшой статье А.В. Моргенштерна главное внимание уделяется нормативно-правовым аспектам организации служб коммунального хозяйства, в особенности в вопросах регулирования тарифов на услуги ЖКХ [3]. Историческим аспектам формирования правовой системы в отношении коммунальной отрасли посвящена статья И.Г. Пирожковой [4], указывающей на то, что официальное градостроительное законодательство в части принципов устройства коммунальной инфраструктуры появилось только в начале XX в., хотя уже в XVIII в. российским правительством было принято несколько градостроительных актов, имеющих статус закона.

Все выше указанные авторы рассматривают жилищно-коммунальное хозяйство России как совокупность отраслей экономики и управления, обеспечивающих функционирование инженерной инфраструктуры населенных пунктов. Однако ЖКХ также является социокультурным институтом, удовлетворяющим насущную потребность общества в обеспечении качества жизни, подтверждающего высокий уровень общей культуры социума. В связи с этим целью нашего исследования является более подробное рассмотрение институциональных признаков ЖКХ, выявление роли данного института для формирования культурного ландшафта населенных пунктов. Для раскрытия темы необходимо кратко определить понятие, сущность и признаки социального института как исследовательской категории. Затем мы предпримем процедуру выявления общих институциональных признаков в системном образовании ЖКХ, определим индивидуальные характеристики данных признаков. В обобщающем разделе исследования постараемся выявить направления в развитии институциональности, требующие наибольшего внимания для устранения реальных и потенциальных дисфункций системы. Основным методом, используемый в данном исследовании – структурно-функциональный анализ, применяемый для изучения конкретных социальных объектов.

Теория институализации на сегодняшний день глубоко всесторонне проработана [5], вследствие чего мы будем опираться на уже устоявшиеся формы осмысления данного явления. Общепринятая формулировка понятия «социальный институт» включает в себе определение, опирающееся на исторически имманентную необходимость возникновения устойчивых социальных структур, в рамках которых происходит обеспечение насущных потребностей для всего социума, что и является первым и главным признаком института. Рассмотрим, как исторически

возникла необходимость в появлении институции, связанной с налаживанием быта в городских поселениях.

История коммунального хозяйства имеет древнюю историю. Достаточно вспомнить общественные бани и водопровод Древнего Рима, чтобы убедиться в этом. Археологические исследования древних русских поселений также указывают на находки руин общественных колодцев, остатков деревянных водопроводов, мощения тротуаров, даже организации ночного освещения [6]. До XVII в. в России коммунальным обустройством населенных пунктов занимались сами жители поселений, собирая средства и нанимая работников для облагораживания их общей территории проживания – строительства дорог, колодцев, установку уличного освещения и пр. Указ Алексея Михайловича Романова 1649 г. «О градском благочинии» принято считать рубежом, от которого началась институциональная история коммунального хозяйства в России [7]. В нем были обозначены вмененные должностным лицам строгие правила по наведению и поддержанию порядка на территориях, вверенных их попечению. Особый акцент в Указе делался на организацию противопожарной безопасности, очевидно, ввиду того, что жилищные постройки большинства горожан были деревянными, а населенные пункты окружались лесами. В последующие эпохи российской истории правители еще не раз издавали новые указы о градостроительстве и коммунальном обустройстве. Исследователи отмечают, что в XIX в. коммунальное хозяйство превратилось в сферу бизнеса, однако характеризовалось низкой доходностью и оборачиваемостью капитала [8]. Поэтому благотворительность местного населения, собирающего деньги на строительство водопроводов, канализационных систем и пр., продолжала оставаться актуальной для поддержания достаточного уровня комфорта проживания в городах. Вопросом соблюдения исполнения указов о под-

держания порядка в градостроительстве и обеспечения инженерной инфраструктуры коммунального хозяйства занимался полицейский хозяйственный департамент МВД Российской империи.

Изменение формы государственного устройства России в начале XX в. в результате Октябрьской революции, последующее образование Союза ССР не привело к ослаблению значимости устойчивого развития коммунального хозяйства. Об этом свидетельствует тот факт, что правопреемником хозяйственного департамента МВД стал Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), в структуре которого было учреждено Главное управление по делам местного хозяйства. Исследователи отмечают, что в тот период начался процесс централизации управления местным хозяйством [8]. В XX в. управление коммунальным хозяйством в стране и регионах реформировалось множество раз в связи с изменениями в политической и экономической ситуациях (Великая Отечественная война, перестройка, развал СССР и пр.). В настоящее время сфера жилищно-коммунального хозяйства регулируется Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 600 «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг» [9].

Важным принципом социального института является формирование устойчивых правовых норм взаимодействия и профессионализация в отношении выполнения своих главных функций. О правовых основах мы указали выше – в историческом разделе развития коммунальных служб. Сегодня предприятия ЖКХ имеют выстроенную структуру, включающую общее руководство, инженерно-технический персонал, сотрудников по учету и контролю за денежными средствами (бухгалтерия, плановый отдел, касса и пр.), рабочих – непосредственных исполнителей услуг (сантехнических, строительных,

электромонтажных, транспортных и т. п.). Например в ЖЭУ-1 г. Майкопа трудятся 54 человека, 22 из которых относятся к административному персоналу, 2 инженера и 30 рабочих [10]. Все служащие отрасли имеют специальное образование, полученное в зависимости от профессии в вузе или ссузе. Так, в Майкопском государственном технологическом университете (МГТУ) готовят энергетиков и транспортников, экономистов и юристов, которые могут работать в сфере коммунального хозяйства. Для подготовки специалистов жилищно-коммунального хозяйства проводятся курсы повышения квалификации в специализированных учебных центрах по всей России. Институт ЖКХ, подчиняясь государственным законам, также выработал ряд норм взаимодействия с населением в части предоставления своих услуг, способов обращения граждан к службам, правил оплаты за предоставленные услуги и пр. В последние годы эффективно внедряются инновационные методы управления в отрасли, связанные с использованием цифровых технологий при обращении граждан для получения услуг и для оптимизации получения платежей за выполненные услуги [11]. Использование QR-кодов и интернет-приложений для взаимодействия ЖКХ и населения значительно упростили процесс оплаты, заявок на услуги, предъявления претензий жителей к организации и наоборот – требования организации к исполнению договорных обязательств со стороны потребителей.

Важным критерием институциональности является использование атрибутики, маркирующей визуально и текстуально основную социальную функцию института. Нам не известно о наличии гимна и единого логотипа коммунальщиков, однако в качестве значимой атрибуции уместно рассматривать наличие общественно-профессионального Союза коммунальных предприятий, деятельность которого отражена на официальном сайте организации. К важному атрибуту института

необходимо отнести издание 20-тысячным тиражом ежемесячного научно-популярного иллюстрированного журнала «Вокруг ЖЭКа», к настоящему моменту имеющее 99 опубликованных томов [12]. С нашей точки зрения, основным признаком атрибуции института коммунального хозяйства является практика присуждения наиболее заслуженным деятелям отраслевых наград. Ныне действующая ведомственная награда «Почетный работник жилищно-коммунального хозяйства России» учреждена приказом Минрегиона России от 22 февраля 2005 г. № 13 [6].

Жилищно-коммунальный комплекс выполняет необходимые функции для формирования благоприятных условий жизни людей в населенных пунктах. Однако, как всякий институт, в силу различных причин в отдельные периоды он испытывает трудности для выполнения своих обязательств перед населением. Т. е. наступает институциональная дисфункция. Ярким примером может послужить ситуация, произошедшая в Подмосковье зимой 2024 г. В начале января в городах Подольск и Климовск около 200 многоквартирных домов и больницы в результате аварии на котельной остались без тепла. По мнению экспертов, причиной аварии явилось присоединении новых домов к старой инфраструктуре. Инженерная и управленческая недоработка сотрудников теплосетей привела к значительной социальной напряженности, жители в разгар новогодних каникул мерзли, жаловались на отсутствие обратной связи от местных властей, испытывали чувство неопределенности и неуверенности в быстром разрешении коммунального кризиса [13].

Помимо халатной некомпетентности, либо корытного умысла хищения средств, направляемых на развитие ЖКХ, часто причиной дисфункции коммунального комплекса становятся стихийные бедствия. Так, на портале «Кубань 24» 27 мая 2024 г. сообщалось, что в результате штормового ветра более 250 деревьев рухнули

на тротуары, дороги и автомобили [14]. Городские службы, в виду масштабов бедствия, смогли ликвидировать его последствия только за трое суток. В результате этого же урагана произошло множество обрывов электрических проводов. Многие районы Краснодара оказались более суток без электричества.

Самыми негативными факторами, приводящими к дисфункции коммунальной системы, являются военные конфликты. Один из многочисленных примеров – ракетный удар по Луганску в начале июня 2024 г. Спальный район города попал под удар крылатых ракет АТАСМС, в результате чего пострадали более 40 человек, получили повреждения 33 многоэтажных дома, две школы и колледж, в 35-градусную жару жители остались без воды [15]. Очевидно, что ликвидировать последствия ракетной атаки городским коммунальным службам быстро не удастся, и мирным жителям придется испытывать многочисленные тяготы бытового неустройства наряду с постоянным страхом, сопутствующим нахождению в границах военного конфликта.

Заключение. Все выше изложенное подтверждает, что жилищно-коммунальный комплекс является полноценным социокультурным институтом со всеми признаками институциональности. Он выполняет насущную потребность общества в налаживании комфортных условий для жизни в населенных пунктах, будь то город или сельское поселение. ЖКХ является исторически сложившимся весьма устойчивым комплексом, включающим социальные группы, материальные ценности и систему профессиональных знаний, которые обладают потенциалом постоянного развития в связи с возрастающими потребностями современных людей. Социокультурный институт ЖКХ выстраивает нормативно-правовые отношения как внутри собственной организации, так и для форм эффективного взаимодействия с социумом. Дисфункции рассматриваемого

социального института возможны, во-первых, в результате общих кризисных состояний экономики и политики; во-вторых, в результате стихийных бедствий; в-третьих, в результате непонимания государственной и муниципальных властей важности и сложности деятельности ЖКХ; также на отставание в данной сфере могут повлиять недостатки организационной культуры

конкретных предприятий в сфере коммунального хозяйства. Во избежание проявления дисфункциональности комплекса необходимо принимать не только экономические и управленческие меры, но также направленно вести научные социологические исследования по удовлетворенности населения уровнем комфортности жизни в городах и селах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Перевалова О.С., Самсонов Е.А. Основы методологии исследований в сфере ЖКХ // Проектное управление в строительстве. 2020. № 4(21). С. 142-148.
2. Макаров Д. В., Зайцева И. А., Андреева О. Р., Целовальникова Н. В., Острякова Ю. Е. Исторические аспекты развития жилищно-коммунального хозяйства в России (XVII–XXI вв.). Иваново: ЛИСТОС, 2015. 72 с.
3. Моргенштерн А.В. История появления и преобразования ЖКХ в России // Вестник магистратуры. 2022. № 11-5(134). С. 87-89.
4. Пирожкова И.Г. Формирование правовой основы системы ЖКХ в России: начальный исторический этап // Право: история и современность. 2020. № 3 (12). С. 34-39.
5. Андреев Ю. П., Коржевская Н. М., Костина Н. Б. Социальные институты: содержание, функции, структура. Свердловск: Урал. ун-т, 1989. С.19-27.
6. Союз коммунальных предприятий. Основные этапы становления и развития жилищно-коммунального хозяйства России [Электронный ресурс]. URL: <https://xn----ltbkcvl7a.xn--p1ai/soyuz-kommunalnyh-predpriyatij/osnovnye-etapy- stanovleniya-i-razvitiya-zhilischno-%E2%80%93-kommunalnogo-hozyajstva-rossii.html> (дата обращения 15.05.2024).
7. Пучков А. Краткая история ЖКХ России [Электронный ресурс]. URL: <https://vokrugjeka.ru/> (дата обращения 15.05.2024)
8. Основные этапы становления и развития жилищно-коммунального хозяйства России [Электронный ресурс]. URL: <https://xn----ltbkcvl7a.xn--p1ai/soyuz-kommunalnyh-predpriyatij/osnovnye-etapy- stanovleniya-i-razvitiya-zhilischno-%E2%80%93-kommunalnogo-hozyajstva-rossii.html> (дата обращения 15.05.2024).
9. О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 600. URL: <https://base.garant.ru/70170944/> (дата обращения 15.05.2024).
10. ООО Управляющая компания ЖЭУ №1. Раздел 1. Общая информация об управляющей компании [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--1-ktbl9ac3d.xn--p1ai/sheets/razdel1-info.html> (дата обращения 15.05.2024).
11. Продиблех Н.Е., Болокова М.А. Инновации в государственном и муниципальном управлении как необходимое условие социально-экономического развития страны // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Т. 15, № 1. С. 141-148.
12. Вокруг ЖэКа [Электронный ресурс]. URL: Март 2024 – Вокруг ЖэКа (vokrugjeka.ru) (дата обращения 15.05.2024)
13. Аварии на теплоцентралях в Подмосковье продолжают: жители сутками сидят без отопления [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bfm.ru/news/541588> (дата обращения 26.06.2024).
14. Более 250 деревьев рухнули на улицы Краснодара после урагана [Электронный ресурс]. URL: <https://kuban24.tv/item/bolee-250-derev-ev-ruhnuli-na-ulitsy-krasnodara-posle-uragana> (дата обращения 26.06.2024).

15. «Божья мать. Спаси нас. Во имя отца и сына» [Электронный ресурс]. URL: Как жители Луганска пережили ракетный удар. <https://rg.ru/2024/06/07/reg-lnr/po-razresheniuu-zapada.html> дата обращения 26.06.2024).

REFERENCES

1. Perevalova O.S., Samsonov E.A. Fundamentals of research methodology in the housing and public utilities sector // Project management in construction. 2020. Issue 4(21). P. 142-148.
2. Makarov D.V., Zaitseva I.A., Andreeva O.R., Tselovalnikova N.V., Ostryakova Yu.E. Historical aspects of the development of housing and utility services in Russia (XVII–XXI centuries). Ivanovo: LISTOS, 2015. 72 p.
3. Morgenstern A.V. History of the emergence and transformation of housing and utility services in Russia // Magistracy Bulletin. 2022. Issue 11-5(134). P. 87-89.
4. Pirozhkova I.G. Formation of the legal basis for the housing and utility services system in Russia: the initial historical stage // Law: history and modernity. 2020. Vol 3 (12). P. 34-39.
5. Andreev Yu. P., Korzhhevskaya N. M., Kostina N. B. Social institutions: content, functions, structure. Sverdlovsk: Ural. Univ., 1989. P.19-27.
6. Union of Public Utilities. The main stages of the formation and development of housing and utility services in Russia [Electronic resource]. URL: <https://xn----lbtbcv17a.xn--p1ai/soyuz-kommunalnyh-predpriyatij/osnovnye-etapy-stanovleniya-i-razvitiya-zhilischno-%E2%80%93-kommunalnogo-hozyajstva-rossii.html> (date of access: 15/05/2024).
7. Puchkov A. Brief history of housing and utility services in Russia [Electronic resource]. URL: <https://vokrugjeka.ru/> (date of access: 15/05/2024)
8. The main stages of the formation and development of housing and utility services in Russia [Electronic resource]. URL: <https://xn----lbtbcv17a.xn--p1ai/soyuz-kommunalnyh-predpriyatij/osnovnye-etapy-stanovleniya-i-razvitiya-zhilischno-%E2%80%93-kommunalnogo-hozyajstva-rossii.html> (date of access: 15/05/2024).
9. On measures to provide citizens of the Russian Federation with affordable and comfortable housing and improve the quality of housing and utility services [Electronic resource]: Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2012 Issue 600. URL: <https://base.garant.ru/70170944/> (date of access 15/05/2024).
10. LLC Management Company Housing Department No. 1. Section 1. General information about the management company [Electronic resource]. URL: <http://xn--1-ktbl9ac3d.xn--p1ai/sheets/razdel1-info.html> (date of access: May 15, 2024).
11. Prodiblokh N.E., Bolokova M.A. Innovations in state and municipal management as a necessary condition for the socio-economic development of the country // Bulletin of the Maikop State Technological University. 2023. Vol. 15, Issue 1. P. 141-148.
12. Around Housing [Electronic resource]. URL: March 2024 – Around ZheK (vokrugjeka.ru) (access date: 15/05/2024)
13. Accidents at heating plants in the Moscow region continue: residents sit for days without heating [Electronic resource]. URL: <https://www.bfm.ru/news/541588> (date of access: 26.06.2024).
14. More than 250 trees collapsed on the streets of Krasnodar after the hurricane [Electronic resource]. URL: <https://kuban24.tv/item/bolee-250-derevev-ruhnuli-na-ulitsy-krasnodara-posle-uragana> date of access: 26/06/2024).
15. «Mother of God.» Save us. In the name of Father and Son» [Electronic resource]. URL: How residents of Lugansk survived the missile strike. <https://rg.ru/2024/06/07/reg-lnr/po-razresheniuu-zapada.html> date of access 26/06/2024).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declares no conflict of interests

Информация об авторах

*Ашинов Бислан Юнусович, аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет», г. Майкоп, Российская Федерация,
e-mail: bislanashinov555@gmail.com*

*Сиюхова Аминет Магаметовна, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры философии, социологии и педагогики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет», г. Майкоп, Российская Федерация,
e-mail: aminsi@mail.ru*

Information about the authors

*Bislan Y. Ashinov, Post graduate student, FSBEI Maikop State Technological University, Maikop, the Russian Federation,
e-mail: bislanashinov555@gmail.com*

*Aminet M. Siyukhova, Dr Sci. (Cultural Studies), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy, Maikop State Technological University, Maikop, the Russian Federation,
e-mail: aminsi@mail.ru*

**Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
All authors have read and approved the final manuscript.**

Поступила в редакцию 09.07.2024
Поступила после рецензирования 27.07.2024
Принята к публикации 29.07.2024
Received 09.07.2024
Revised 27.07.2024
Accepted 29.07.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-102-112>

УДК 323.28:316.647.5

© Калашаова Д.А., Безрукова А.А., Тхакушинов А.К., 2024

Д.А. Калашаова✉, А.А. Безрукова, А.К. Тхакушинов
Истоки русофобии: к вопросу о социально-политической культуре межгосударственных отношений

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет», г. Майкоп, Российская Федерация
✉znanie.adygeya@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие и реализация принципа «русophobia» как разновидности социально-культурной нетолерантности. Актуальность обращения к обозначенной теме обосновывается современными реалиями социально-политического противостояния стран Запада по отношению к России. Особое внимание уделено причинам возникновения русофобии и основным тенденциям её проявления в современном мире. Исследование проводилось с применением метода социально-исторического анализа, эпистемологического метода анализа литературных, публицистических и научных источников. В ходе исследования рассматриваются концепции, сформированные в разные периоды истории, осмысливающие этот феномен. На основе размышлений о русофобии авторитетных российских философов, писателей и публицистов доказывается, что русофобский нарратив, начиная с XVI в., стал устойчивым идеологическим трендом, отражающим экспансионистские интересы западных элит. По мере укрепления России на мировой арене все больше усиливалась и русофобия. Идеологический «крестовый поход» против православной Руси развернули европейские путешественники XVII–XIX вв., которые создавали в западном мире негативный образ нашей страны. В настоящее время страны объединенного Запада объявили «священную войну» против России. Была запущена сильнейшая пропагандистская кампания, направленная против России и всего русского. Авторы статьи дают морально-этическую оценку социально-политическим процессам нового всплеска русофобии в условиях современности. Проводится мысль, что в сложившихся условиях необходимо проводить открытую международную борьбу с русофобией и создать систему своих каналов влияния в западном информационном пространстве, а также культурно-просветительскими методами противодействовать внутренней русофобии.

Ключевые слова: русофобия, фальсификация истории, геополитика, национальная безопасность, информационная война, социокультурная идентичность, русский народ, русская цивилизация

Для цитирования: Калашаова Д.А., Безрукова А.А., Тхакушинов А.К. Истоки русофобии: к вопросу о социально-политической культуре межгосударственных от-

D.A. Kalashaova✉, A.A. Bezrukova, A.K. Tkhakushinov
**The origins of Russophobia: on the issue of social
and political culture of interstate relations**

Maikop State Technological University, Maikop, the Russian Federation
✉znanie.adygeya@yandex.ru

Abstract. The article examines the concept and implementation of the principle of «Russophobia» as a type of socio-cultural intolerance. The relevance of addressing this topic is justified by the modern realities of the socio-political confrontation of Western countries in relation to Russia. Particular attention is paid to the causes of Russophobia and the main trends in its manifestation in the modern world. The research was carried out using the method of socio-historical analysis, the epistemological method of analyzing literary, journalistic and scientific sources. The research examines concepts formed in different periods of history that comprehend this phenomenon. Based on reflections on Russophobia by authoritative Russian philosophers, writers and publicists, it has been proved that the Russophobic narrative, starting from the 16th century, became a stable ideological trend reflecting the expansionist interests of Western elites. As Russia strengthened on the world stage, Russophobia intensified. The ideological «crusade» against Orthodox Rus' was launched by European travelers of the 17th-19th centuries, who created a negative image of our country in the Western world. Currently, the countries of the united West have declared a «sacred war» against Russia. A powerful propaganda campaign was launched, directed against Russia and everything Russian. The authors of the article give a moral and ethical assessment of the socio-political processes of a new surge of Russophobia in modern conditions. It is suggested that in the current conditions it is necessary to carry out an open international fight against Russophobia and create a system of our own channels of influence in the Western information space, as well as counteract internal Russophobia using cultural and educational methods.

Key words: Russophobia, falsification of history, geopolitics, national security, information war, sociocultural identity, the Russian people, the Russian civilization

For citation: Kalashaova D.A., Bezrukova A.A., Tkhakushinov A.K. The origins of Russophobia: on the issue of social and political culture of interstate relations. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2024;16(3):102–112. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-102-112>

Введение. Известно, что уже несколько столетий русофобия является определяющим элементом внешнеполитической стратегии и геополитических интересов западных стран. По сути она стала идеологией и сущностной составляющей западной социокультурной идентичности. В XXI веке русофобия стала инструментом информационной войны и способом манипуляции общественным сознанием

огромных масс людей. В связи с этим анализ феномена «русофобия» как проявление этнофобии, ксенофобии и экстремизма становится актуальным и является предметом изучения гуманитарных наук. Современные исследователи З.В. Сикевич и Е.С. Федорова в своей статье «“Мы” и “Они”: динамика социальной дистанции “Россия – Запад” в реальном и виртуальном пространстве» осмыслили негатив-

ную коннотацию понятия «русophobia», которая выражается в системе геополитических и ментальных предубеждений Запада и Востока [1]. Л.А. Журавлева, Е.В. Зарубин, А.В. Ручкин, Н.Н. Симачкова, И.П. Чупина в статье «Современная русophobia: ментальные истоки» рассматривают проявления русophobia со стороны коллективного Запада после начала СВО на Украине [2]. А.В. Подгорская, Д.А. Палатова в своей статье «Русophobia в современном мире как цивилизационное явление» анализируют феномен русophobia и опасность ее распространения во всем мире [3].

Задачей авторов статьи является изучение вопросов истоков и смысла русophobia как социокультурного феномена. Для решения данной задачи обратимся к размышлениям авторитетных мыслителей российской науки и культуры.

Великий русский поэт и дипломат Ф.И. Тютчев, ставший автором самого термина «русophobia», долгое время проживавший в Европе, хорошо понимал отношение Запада к России. Он констатировал наличие ненависти Европы к России следующими словами: «Давно уже можно предугадывать, что это бешеная ненависть, которая с каждым годом все сильнее и сильнее разжигалась на Западе против России, сорвется когда-нибудь с цепи. Этот миг и настал. Это весь Запад пришёл выказать своё отрицание России и преградить ей путь в будущее. России просто-напросто предложено самоубийство, отречение от самой основы своего бытия, торжественное признание, что она не что иное в мире, как дикое и безобразное явление, как зло, требующее исправления» [4, с. 119].

Русophobia как цельная идеология выражается в предвзятом проявлении негативных чувств в отношении России и русских существует на протяжении многих веков в коллективном сознании западного мира. Экзистенциально иррациональный страх Запада состоит в противопоставлении себя России, ее этнокультурной, рели-

гиозной и национально-государственной идентичности. Восприятие России западным миром с ранних времен состояло из ряда идеологем. Запад рассматривал Россию как ойкумену, заселённую варварскими малоразвитыми племенами, которые являются генетически и культурно-исторически ущербными по своей природе. В представлении западных идеологов – у русского народа рабское мышление и он не способен к самоуправлению, так как привык к тирании, которая подразумевает абсолютную власть правителя и слепое ему подчинение. Эти два взаимно обуславливающих качества русских делают их невосприимчивыми ко всему западному «цивилизованному», такому как свобода слова, демократия, права человека и т. д.

Рассуждая о русophobia, философ, писатель и публицист И.А. Ильин отмечал: «Как бы не относился русский человек к европейцу, “для Запада русское инородно, беспокойно, чуждо, странно и непривлекательно. Их мертвое сердце мертво и для нас. Они горделиво смотрят на нас сверху вниз и считают нашу культуру или ничтожной, или каким-то большим и загадочным недоразумением”» [5, с. 133].

Основная часть. Понятие «русophobia» сегодня является употребительным в политическом, социологическом, историческом дискурсах. Его сущность составляет разновидность этнофобии, под которой понимается предвзятое отношение к русским и ко всему русскому. Таким образом, русophobia представляется концептом и формой социального сознания, позволяющими включать ее в орбиту социокультурных исследований.

Русophobia как явление возникло в XV–XVII вв. при Иване III Великом, когда началось становление русской национальной государственности. Могучая русская держава впервые заявила о своих претензиях на участие в европейской политике. В ходе Ливонской войны в XVI веке появление нового мощного игрока, буквально одним движением смахнувшие

го с геополитической шахматной доски ливонский рыцарский орден, ошеломил Европу. В западной картине мира Россия была чужой и лишней. В мировоззрении европейцев России полагалось пребывать где-то в неведомых просторах «тартарии» за пределами цивилизации. По мере укрепления России на мировой арене все больше усиливалась и русофобия. Европейские страны объявили войну России, так как в их представлении целью России в Ливонской войне было разрушение и опустошение всего христианского мира. Именно в годы Ливонской войны на фоне успеха России была запущена сильнейшая пропагандистская кампания, направленная против российского государства. Московиты были объявлены врагами Священной Римской империи. Войну с Россией пытались представить священным богоугодным делом, т. к. ее существование составляло угрозу католицизму. Европу наводняли агитационные листовки – так называемые «летучие листки». Это были выдуманные короткие иллюстрированные тексты для массового читателя. Развитие печатного дела обеспечило издание листовок многочисленными тиражами. Произведенные германскими издателями агитационные листовки с негативными описаниями зверств московитов в Ливонской войне начали массово распространяться по странам Европы в мультязычных версиях. «Летучие листки» под названием «Удивительный и незабываемый рассказ о походе Московитов» выпускались на немецком, чешском языках и латыни. Сильнейшая пропагандистская кампания превратила в сознании западных обществ «Московию» в страшную и очень опасную страну, соединяющую в себе все известные пороки человеческого рода, в своего рода анти-Европу. «Летучие листки» рассказывали небылицы о якобы восточных не христианских порядках, царящих при московском дворе, тиранстве над женщинами, содержали повествования об изнасилованных и похищенных женщинах

и детях, злодействах над мужчинами. «Летучие листки» описывали мифы про царя Ивана Грозного, который своей жестокостью превосходит кровожадных тиранов – Нерона и Калигулу. Листок сообщал, что якобы у царя имеется гарем надоевших жён, он периодически отправляет их на эшафот [6]. Между тем, по свидетельству исторических хроник, чистопородный европеец, младший современник Ивана Грозного, английский король Генрих VIII беспощадно казнил своих жён. А вот Иван Васильевич Грозный в этом замечен не был.

В XV–XVII вв. идеологический «крестовый поход» против Руси развернули иностранные путешественники, которые создавали в западном мире негативный образ нашей страны. Они писали свои путевые очерки с выражением недоброжелательности, ненависти, и это формировало в Европе неприязнь и отвращение к России. Так, в 1549 г. в Вене вышла книга немецкого авантюриста – барона Сигизмунда Герберштейна – «Записки о Московии». Он долгое время находился в качестве дипломата Священной Римской империи в Великом княжестве Московском. В своей книге он радикально и негативно описывал ужасные страдания, которые принес Иван Грозный собственному народу, убив и замучив очень много людей [7]. Это откровенно лживое произведение создало в целом негативный образ России и царя Ивана Грозного в западной культуре, хотя масштабы казней были преувеличены в десятки и сотни раз. В противовес этому стоит вспомнить о массовой резне в Варфоломеевскую ночь в Париже 1572 года. В результате религиозного конфликта вырезали от 5000 до 25 000 протестантов (гугенотов). Возникает вопрос, почему тогда к столбу позора истории не прибиты французский король Карл IX и Катерина Медичи?

Характерно, что в европейских языках прозвище Грозный переводится неточно. Дело, конечно, не только в том, что

адекватного эквивалента этому слову нет, причина в другом – необходимо было нарисовать образ монстра. Именно поэтому использовалось слово “*terribly*” – «ужасный», которое лучше всего способствует культивированию фобии, характеризуемой одновременно и страхом, и ненавистью.

После Ливонской войны популярным в Европе произведением стало «Описание путешествия в Московию» Адама Олеария, написанное в 1647 г. В нем автор излагал свои наблюдения о России, где по шаблону создавал образ русских как варваров, которые годятся только для рабства, осуждал русских за недостаток «хороших манер» [8, с. 133]. Этот текст был очень популярным в Европе и издавался почти на всех западных языках, распространяя наработанные негативные штампы и мифы о русских. Его тезисы стали идеологической доктриной западной русофобии на последующие полтора столетия.

Негативный образ России создавал Шарль Массон. В своей книге «Секретные записки о России времен царствования Екатерины II и Павла I», написанной в 1801 году, французский сочинитель писал о русских в негативном ключе, описывал их как «рабов по духу». Баронесса де Сталь в своем произведении «Записки о России», написанном ею в 1812 году, подпитывала апокалиптическую угрозу, якобы исходящую с Востока. Она характеризовала русский народ как «белых варваров и «агрессоров».

Католическая Польша являлась форпостом Западной Европы и несколько столетий воевала с Русью. Негативный образ России поступательно формировали польские государственные деятели, историки и писатели, представители иезуитов. В XVII веке отношения обострились в результате католической экспансии на православные земли, которые входили в Речь Посполитую. Западная пропаганда декларировала, что московиты – жестокие варвары, полуазиаты, сговорившиеся с турками и татарами. Было объявлено, что

православие отвергает авторитет единственной истинной католической церкви. Православные объявлялись раскольниками, которые разрушат христианский католический мир. По факту православная Россия с ее духовным потенциалом оказалась инородным явлением для западной цивилизации.

В эпоху Просвещения акценты резко меняются, ведь сама Европа в лице её наиболее передовых умов отрекается от христианства, начинает готовить буржуазную революцию. Новым трендом стало обвинять русских в том, что они природные враги свободы.

Когда в начале XIX в. будущий французский император Наполеон пришел к власти, в его амбициозных планах было европейское и мировое господство. Он понимал, что для осуществления своих проектов необходимо захватить Россию с ее богатейшими природными ресурсами. Он целенаправленно проводил политику явной русофобии, настраивал Европу против своего будущего противника – России. Понимая, что ему рано или поздно придется столкнуться с Россией, Наполеон основывал свою идеологическую политику против России на противопоставлении свободы с рабством. Одной из формальных причин, почему Наполеон решил воевать с Россией в 1812 г., стало стремление возродить единую Польшу как государство-буфер, призванный отгораживать азиатскую Россию от Европы. В период правления Наполеона по всей Европе выходили антироссийские прокламации, газеты и листовки. Он объявил себя «спасителем Европы от дикой цивилизации». Все эти усилия не прошли даром. Когда русские войска пришли в Европу как победители, там наблюдалась паника и страх перед «русскими варварами». Обработанные и запуганные наполеоновской пропагандой родители пугали своих детей казаками – «ужасными варварами с севера», «глотателями свечей», «пожирателями детей». Когда русские войска триумфально

вошли в Париж во главе с императором Александром I, французы, увидев русских, испытывали когнитивный диссонанс, так как их прежние страхи расходились с реальностью. Знаменитый французский писатель Виктор Гюго, который был тогда подростком, впоследствии вспоминал, что казаки «оказались кроткими как агнцы» [9, с. 153].

Пребывание Наполеона в Москве является ярким свидетельством его русофобии. В городе были осквернены многие православные храмы. Покидая древнюю столицу, Наполеон Бонапарт приказал взорвать Кремль и Новодевичий монастырь. Только по счастливой случайности большая часть построек, намеченных к уничтожению, была спасена. Наполеон, отдавая такой приказ, явно хотел нанести удар по самому святому символу России. Очевидцы вспоминают, что когда в Москву снова вошли русские войска, они обнаружили, что Успенский собор Кремля, мощи святых были подвержены надругательству, гробницы наполнены нечистотами, украшения с гробниц сорваны, образа, украшавшие церковь, перепачканы и расколоты.

После победы над Наполеоном Россия стремилась придти на помощь европейским монархиям, которым угрожала революция. Это дало новые козыри русофобской пропаганде. Особенно она активизировалась после участия русской армии в разгроме буржуазной революции в австрийской империи. Штабом антирусской агитации стал Лондон, а Великобритания стала одной из основных стран, которая представлялась проводником русофобии, использующей для этого язык сатирических картинок и карикатур, в которых начала продвигать в общественное сознание Европы образ медведя как символа России – как олицетворение дикости и прочих негативных качеств [7]. В европейской культуре такое значение сохраняется и до наших дней.

Начиная с середины XIX века концепция, согласно которой Россия стремится

покорить Европу и увековечить свое «монгольское господство над современным обществом», становится ключевой идеей русофобии. Существенный вклад в развитие этой концепции внес Карл Маркс, который был безусловным русофобом. В своих произведениях он неоднократно делал шовинистские антиславянские пассажи, проявляя расовое презрение к славянам вообще. Он считал Россию страной «восточного варварства с «реакционной азиатчиной». Карл Маркс писал о Крымской войне: «Смысл борьбы между Западной Европой и Россией за владение Константинополем – падет ли византизм перед западной цивилизацией, или антагонизм его возобновится в более ужасной и покоряющей форме, чем когда бы то ни было». Русские виделись органическими противниками прогресса: «Славянские варвары – природные контрреволюционеры, особенные враги демократии» [10].

Объединенные антирусские силы Европы нанесли России тяжкое поражение в Крымской войне 1853-1856 гг. – был взят город русской славы Севастополь. Но Россия сумела сосредоточиться, собраться с силами и снова обрести военную мощь при царе Александре II Освободителе. Ей уже не смогли помешать противники прийти на Балканы и силой оружия помочь православным народам обрести независимость. Русский мыслитель Н. Данилевский в своем труде «Россия и Европа» указал на лицемерие западных политиков и общества, которые развязали против России в 1854 году Крымскую войну, обвиняя нашу страну в нарушении европейского порядка. Когда же Пруссия и Австрия в 1864 году напали на маленькую Данию, чтобы отнять у нее две провинции, никто в «просвещенной Европе» не возмутился таким разбоем. Так, в течение многих веков на Западе складывалось устойчивое представление о России как об иной, варварской, чуждой цивилизации.

Апофеозом русофобии была книга, написанная французским маркизом Ас-

тольфом де Кюстином в XIX веке. В своем описании путешествия по России он представил русских лживыми, коварными, честолюбивыми, лишенными творческого дарования и природного ума людьми. Из такого объяснения «татарской» природы русских маркиз Астольф де Костюн делает основной вывод: «Здесь все нужно разрушить и заново создать народ» [11, с. 133].

Однако путь России к великому будущему преграждали не только внешние силы, но и внутренняя русофобия «западников». Они рисовали образ идеального Запада, который выработался еще в послепетровской культуре. Размышляя о прозападной части элиты и интеллигенции, А.С. Пушкин характеризовал представителей такого типа следующими словами: «Ты просвещением свой разум осветил, Ты правды чистый лик увидел И нежно чуждые народы возлюбил, И мудро свой возненавидел».

В своей рефлексии он подчёркивал главнейшее свойство русского самоненавистничества – «нежная любовь» к другим народам [12, с. 133].

Русский поэт Ф.И. Тютчев, раскрывая отношение западников к России, еще в XIX веке писал:

«Как перед ней ни гниётся, господа,
Вам ни снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы» [13, с. 219].

Для отечественных русофобов-«западников» Европа являлась более прогрессивной общественной системой. Они критиковали и старались очернить всю 1500-летнюю историю России. Внутренняя русофобия получает со временем хлесткое имя – «смердяковщина» – в честь одного омерзительного персонажа романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» Павла Смердякова, олицетворяющего тип русского либерала-западника. Павел Смердяков говорил: «Я всю Россию ненавижу, Марья Кондратьевна... В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора

Наполеона французского первого, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы, умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки» [14]. В его словах очень хорошо прослеживается ненависть к России, любовь и идеализация Запада.

В нашей новейшей истории в горбачёвскую эпоху и когда произошёл развал Советского Союза у США на время исчез идеологический противник. Благодаря «дипломатии перестройки» отношения между двумя супердержавами – США и Россией – стали трансформироваться из соперничества в партнерство. Однако это была всего лишь кратковременная иллюзия, Россия противником быть не перестала. Геополитические интересы Запада никуда не исчезли, антироссийская политика продолжилась в виде расширения круга стран НАТО и выдвижение его военной структуры к границам России.

В современном глобальном мире вспыхивают войны для получения сверхприбыли любой ценой. Так как русофобия коренится в природе западной цивилизации, для западных элит русофобия – это важный элемент глобального противоборства с богатейшим на природные ресурсы государством мира – Россией. Концепт русофобии – это ловушка, в которую современная власть капитала, глобальная гегемония денег загоняет массовое сознание. Объединяясь, русофобские силы не оставляют попытку отменить Россию. Европа сегодня отвергает Россию, так как она является ее цивилизационным соперником. Целью коллективного Запада является изменение цивилизационного кода России посредством навязывания доминанты превосходства «просвещенной» Европы над «нецивилизованным» Востоком. По сути – коллективный Запад пытается вернуть нашу страну в подчиненное ему, «периферийное» состояние. Государственный секретарь США Мадлен Олбрайт некогда высказалась, что неисчерпаемые природные богатства России

«принадлежат всему человечеству». Это свидетельствует о всепоглощающей зависти к России и неиссякаемом желании отобрать у нее богатейшие ресурсы.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в послании Федеральному собранию заявил, что русофобия, как и другая идеология расизма, национального превосходства и исключительности, ослепляет и лишает разума. Более того, она связана с фальсификацией истории нашей страны. Русофобия разрушает исторические связи между государствами и подтачивает изнутри само западное общество [13]. По сути, русофобия – это дисфункция западной социальной культуры, противоречащая ее идеологии мультикультурализма и межкультурной толерантности.

Заключение. Подводя итог нашему исследованию, необходимо отметить, что концепт русофобии начал формироваться в европейском коллективном сознании как средство противостояния религиозных идей католицизма и православия, начиная с XVI в., продолжал развиваться в эпоху Просвещения и новейшую эпоху капитализма. В современных условиях в свете бурных социально-политических процессов на международной арене наблюдается новый всплеск оголтелой русофобии. Русофобский нарратив стал идеологическим трендом и отражает экспансионистские интересы западных элит. СМИ и интернет является эффективным оружием, современной формой воздействия на сознание огромных масс людей в информационном пространстве Запада. Результаты исследования свидетельствуют, что целеполагание коллективного Запада базируется на самовольно присвоенном праве бесконтрольного потребления в своих интересах всех ресурсов человечества, а также на стремлении любой ценой установить однополярный мир и обеспечить себе гегемонию. Россия прилагает усилия по демонтажу геополитической конструкции однополярного мира, доминирования «коллективного Запада» во главе с США.

В сложившихся условиях необходимо проводить открытую международную борьбу с русофобией и создать систему своих каналов влияния в западном информационном пространстве. Демонстрируя научные, технологические и художественные достижения, а также военный потенциал, Россия должна показывать пример иного, более эффективного пути развития цивилизации. Запад вынужден будет признать, что Россия – самобытное государство, цивилизационная общность Русского мира, которая имеет глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии.

Необходимо бороться не только с внешней русофобией, но и победить русофобию внутри страны. Для этого важно понять процессы духовного формирования откровенных русофобов – либералов. В задачи ученых-гуманитариев должны войти выяснение механизмов идеологического зомбирования людей, причин отказа от собственной этнокультурной идентичности. Геополитические противники России заинтересованы в деградации ее народа. Жизненно необходимой задачей государства является предотвращение культивирования в среде молодежи в качестве нормы чуждые нашему менталитету моральные ценности и идеалы. В противном случае это приведет к разрушению самоидентификации населения страны и культурного пространства жизни народа. Духовным стержнем безопасности и обороноспособности России является воспитание настоящих граждан, которые готовы своим трудом принести пользу Отечеству. Социокультурным институтам, таким как система образования, просвещения, искусства и художественной литературы, следует творчески формировать у подрастающего поколения чувство гражданственности [15] – сопричастности к своей семье, культурно-историческому наследию своего народа, традиционным духовным ценностям российского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сикевич З.В., Фёдорова А.А. «Мы» и «Они»: динамика социальной дистанции «Россия – Запад» в реальном и виртуальном пространстве // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 4(36). С. 78-97.
2. Журавлева Л.А., Зарубина Е.В., Ручкин А.В., Симачкова Н.Н., Чупина И.П. Современная русофобия: ментальные истоки // Образование и право. 2022. № 8. С. 146-153.
3. Подгорская А.В., Палатова Д.А. Русофобия в современном мире как цивилизационное явление // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2015. № 2(8). С. 63-64.
4. Кожевников В. Жизнь замечательных людей. Тютчев. М.: Молодая гвардия, 2009. 471 с.
5. Ильин И.А. Против России // О грядущей России: избранные статьи / под ред. Н.П. Полторацкого. Джорданвилл, Н.Й. США, 1991.
6. Шамин С.М. «Иностранные памфлеты» и «курьезы» в России в XVI – начала XVII столетия. М.: Весть мир, 2020. 392 с.
7. Хорошкевич А.Л. Сигизмунд Герберштейн и его «Записки о Московии». М.: МГУ, 1988. С. 7-45.
8. Олеарий А. «Описание путешествия в Московию». М.: Русич, 2003. 480 с.
9. Баранович А.М. Русские солдаты во Франции в 1813-1814 гг. (Из записок артиллерийского офицера А.М. Барановича) // Голос минувшего. 1916. № 5/6. С. 153-156.
10. Маркс К. Разоблачение дипломатической истории XVIII века [Электронный ресурс]. URL: https://scepsis.net/library/id_878.html
11. Чернов А.Ю. Маркиз де Астольф де Костюн. Россия в 1839 году. Т 2. / пер. с фр. под ред. В Мильчиной, И. Стаф. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 528 с.
12. Никитин В.С. Русофобия и русскомыслие в судьбе России. Никитин В.С. М., 2019. 280 с.
13. Тютчев Ф.И. Избранное Т. 97, Кн. 1. М., 1988. 306 с.
14. Подосокорский Н.Н. Лакей Смердяков как почитатель Наполеона в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Новый мир. 2024. № 1(1118). С. 172-183.
15. Послание Президента Федеральному Собранию 19.02.2024 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431> (дата обращения 15.07.2024).
16. Путилов Е.В. Воспитание гражданственности как научная проблема // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Т. 15, № 4. С. 113-119.

REFERENCES

1. Sikevich Z.V., Fedorova A.A. «We» and «They»: dynamics of social distance «Russia – The West» in real and virtual space // Sociological science and social practice. 2021. Vol. 9, Issue 4(36). P. 78-97.
2. Zhuravleva L.A., Zarubina E.V., Ruchkin A.V., Simachkova N.N., Chupina I.P. Modern Russophobia: mental origins // Education and law. 2022. Issue 8. P. 146-153.
3. Podgorskaya A.V., Palatova D.A. Russophobia in the modern world as a civilizational phenomenon // Traditional national-cultural and spiritual values as the foundation of innovative development of Russia. 2015. Issue 2(8). P. 63-64.
4. Kozhevnikov V. Life of wonderful people. Tyutchev. M.: Young Guard, 2009. 471 p.
5. Ilyin I.A. Against Russia // About the coming Russia: selected articles / ed. by N.P. Poltoratsky. Jordanville, NY USA, 1991.
6. Shamin S.M. «Foreign pamphlets» and «curiosities» in Russia in the 16th – early 17th centuries. M.: Vest Mir, 2020. 392 p.
7. Khoroshkevich A.L. Sigismund Herberstein and his Notes on Muscovy. M.: MSU, 1988. P. 7-45.
8. Olearius A. «Description of a trip to Muscovy». M.: Rusich, 2003. 480 p.

9. Baranovich A.M. Russian soldiers in France in 1813–1814 (From the notes of artillery officer A.M. Baranovich) // Voice of the Past. 1916. Issue 5/6. P. 153-156.
10. Marx K. Exposing the diplomatic history of the 18th century [Electronic resource]. URL: https://scepsis.net/library/id_878.html
11. Chernov A.Yu. Marquis de Astolph de Costun. Russia in 1839. Vol. 2. / transl. from French and edited by V. Milchina, I. Staff. M.: Publishing house named after Sabashnikov, 1996. 528 p.
12. Nikitin V.S. Russophobia and Russian thought in the fate of Russia. Nikitin V.S. M., 2019. 280 p.
13. Tyutchev F.I. Favorites. Vol. 97, Book. 1. M., 1988. 306 p.
14. Podosokorsky N.N. Lackey Smerdyakov as an admirer of Napoleon in the novel by F.M. Dostoevsky «The Brothers Karamazov» // New World. 2024. Issue 1(1118). P 172-183.
15. State of the President to the Federal Assembly 19/02/2024 [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431> (date of access: 15/07/2024).
16. Putilov E.V. Citizenship education as a scientific problem // Bulletin of Maikop State Technological University. 2023. Vol. 15, Issue 4. P. 113-119.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declares no conflict of interests

Информация об авторах

Калашаова Дариет Аскербиевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и педагогики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет», г. Майкоп, Российская Федерация,
e-mail: znanie.adygeya@yandex.ru

Безрукова Анжела Аслановна, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и педагогики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет», г. Майкоп, Российская Федерация,
e-mail: ftykova01@mail.ru

Тхакушинов Асланчери Китович, доктор социологических наук, профессор, действительный член (академик) Российской академии образования, президент ФГБОУ ВО «МГТУ», заведующий кафедрой философии, социологии и педагогики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет», г. Майкоп, Российская Федерация,
e-mail: prezident@mkgtu

Information about the authors

Dariet A. Kalashaova, PhD (Sociology), Associate Professor, the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy, Maikop State Technological University, Maikop, the Russian Federation,
e-mail: znanie.adygeya@yandex.ru

Angela A. Bezrukova, PhD (Sociology), Associate Professor, the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy, Maikop State Technological University, Maikop, the Russian Federation,
e-mail: ftykova01@mail.ru

Aslancheriy K. Tkhakushinov, Dr Sci. (Sociology), Professor, a full member (academician) of the Russian Education Academy, President of FSBEI HE «MSTU», head of the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogics of Maikop State Technological University, Maikop, the Russian Federation,
e-mail: prezident@mkgtu

**Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
All authors have read and approved the final manuscript.**

Поступила в редакцию 03.07.2024

Поступила после рецензирования 25.07.2024

Принята к публикации 29.07.2024

Received 03.07.2024

Revised 25.07.2024

Accepted 29.07.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-113-120>

УДК 316.346.32-053.9:001.8

© Куева Э.М., 2024

Э.М. Куева

Социальные проблемы людей пожилого возраста как предметная область научного исследования

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет»,
г. Майкоп, Российская Федерация
ella.kueva@mail.ru*

Аннотация. В условиях стремительных социальных, экономических и технологических изменений, актуальность исследования социальных проблем пожилых людей возрастает, поскольку они сталкиваются с многочисленными вызовами, которые требуют глубокого научного осмысления и разработки адекватных решений. Основной целью данного исследования является анализ и систематизация социальных проблем, с которыми сталкиваются пожилые, а также определение наиболее эффективных подходов к их решению. Для достижения этой цели использовался комплексный подход, включающий анализ научной литературы, классификацию подходов и формулирование практических рекомендаций. В результате были выявлены ключевые направления исследований, определены основные тенденции и стратегии решения проблем пожилого населения. В работе рассмотрены пять исследовательских подходов: биолого-социологический, который связывает физиологические и социальные аспекты старения; социально-динамический, акцентирующий на влиянии изменяющихся социальных условий; интеграционно-цифровой, изучающий влияние технологий на жизнь пожилых; социально-статусный, рассматривающий взаимосвязь социального статуса и качества жизни; и активно-адаптационный, подчеркивающий активное участие и адаптацию пожилых в обществе. Эти подходы представляют разнообразные перспективы и стратегии для улучшения жизни пожилых людей. Исследование подчеркивает необходимость регулярного обновления научных данных и методов для разработки эффективных программ и политик, способствующих улучшению качества жизни пожилых людей и их активному участию в общественной жизни.

Ключевые слова: пожилые люди, социальные проблемы, общество, качество жизни, исследования, адаптация

Для цитирования: Куева Э.М. Социальные проблемы людей пожилого возраста как предметная область научного исследования. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2024;16(3):113–120. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-113-120>

E. M. Kueva

Social problems of senior citizens as a subject area of scientific research

*Maikop State Technological University, Maikop, the Russian Federation
ella.kueva@mail.ru*

Abstract. In the context of rapid social, economic and technological changes, the relevance of research into the social problems of the elderly is increasing, as they face numerous challenges that require deep scientific understanding and the development of adequate solutions. The main goal of the research is to analyze and systematize social problems faced by the elderly, as well as to determine the most effective approaches to solving them. To achieve this goal, an integrated approach was used, including analysis of scientific literature, classification of approaches and formulation of practical recommendations. As a result, key areas of research were defined, main trends and strategies for solving the problems of the elderly population were identified. The article examines five research approaches: a biological-sociological one, which connects the physiological and social aspects of aging; a social-dynamic one, emphasizing the influence of changing social conditions; an integration-digital one, studying the impact of technology on the lives of the elderly; a social-status one, considering the relationship between social status and quality of life; and active-adaptive one, emphasizing the active participation and adaptation of the elderly in society. These approaches present diverse perspectives and strategies for improving the lives of senior citizens. The study highlights the need for regularly updating scientific data and methods to develop effective programs and policies that help improve the quality of life of the elderly and their active participation in public life

Key words: senior citizens, social problems, society, quality of life, research, adaptation

For citation: Kueva E.M. Social problems of senior citizens as a subject area of scientific research. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2024;16(3):113–120. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-113-120>

Введение. В современном мире вопросы, связанные с социальными проблемами людей пожилого возраста, становятся все более актуальными и требующими серьезного научного изучения. Пожилые люди составляют значительную часть населения многих стран, поэтому их социальное положение, качество жизни и потребности становятся объектом пристального наблюдения государственных и общественных организаций. Размах проблем, с которыми сталкиваются пожилые люди, охватывает множество аспектов и областей их жизни, включая социальную защищенность, доступность медицинской помощи, социокультурную адаптацию, а также проблемы психологического характера. Этот комплекс вызовов требует серьезного внимания и исследования, поскольку не только

качество жизни пожилых людей зависит от успешного решения этих проблем, но и стабильность социальной системы в целом.

Дополнительную актуальность проблеме придает динамичность современного мира, в котором изменения в технологиях, экономике и культуре происходят с высокой скоростью. Цена этого развития выливается в неспособность множества людей оставаться на одной волне с этими изменениями. Так пожилые люди часто остаются за пределами не только цифрового прогресса, но и иных социокультурных тенденций, и испытывают трудности в адаптации к новым реалиям мира. Поэтому изучение социальных проблем пожилых людей и поиск эффективных решений становятся важнейшими задачами современной науки и общества.

Основной *целью* данного исследования является анализ и систематизация социальных проблем, с которыми сталкиваются пожилые люди, а также определение наиболее эффективных подходов к их решению. Для достижения этой цели были определены следующие *задачи*: провести анализ научных исследований и публикаций, посвященных выбранной теме, с целью оценки текущего состояния знаний в этой области; определить основные тенденции исследований, которые затрагивают социальные проблемы пожилых людей, а также стратегии решения этих проблем; систематизировать и классифицировать подходы, применяемые в изученных научных работах; сформулировать выводы, рекомендации и для дальнейших исследований.

Методология данного исследования основывается на комплексном подходе, включающем анализ актуальной научной литературы и классификацию наиболее важных подходов к решению социальных проблем пожилых людей.

Основная часть. Для достижения намеченной цели нам необходимо проанализировать научные публикации по избранной теме. Обзор научной литературы играет важное значение в понимании текущего состояния исследований в данной области, а также в выявлении основных направлений и тенденций в исследовательской работе. Мы рассмотрим различные аспекты социальных проблем, с которыми сталкиваются пожилые люди, включая их влияние на качество жизни, здоровье, социальную защищенность, психологическое благополучие и социокультурную адаптацию.

Исследование А.А. Смолькина «Социология возраста и границы социального конструирования» представляет собой анализ эволюции социологической мысли от времен Дюркгейма до современности в контексте понимания возраста как социального конструкта. Начиная с начала XX века, акцент социологического иссле-

дования сместился от вопросов автономии социологии к борьбе за автономию индивидов и социальных групп. Сегодня актуальность статьи А.А. Смолькина видится в том, что в ней расширяется понятие социальных конструктов, еще недавно рассматривавшихся только в качестве биологических (пол, раса и возраст). В этом исследовании обращается внимание на необходимость учета биологических аспектов при категоризации возраста, особенно в отношении детей и пожилых людей. Возраст представляет собой нелинейную и индивидуально вариативную характеристику, и его понимание требует особого внимания к социальным и биологическим факторам. В современном обществе культурное разнообразие ограничивает традиционную логику возрастной стратификации, что вызывает сомнения в эффективности хронологической периодизации [1].

Другая статья Смолькина «Социология возраста» представляет обзор исследований, посвященных понятию возраста. В социологии возраста обнаруживается отсутствие явной самостоятельности, при этом исследования детства часто связываются с психологией, а старение – с социальной геронтологией. Период между детством и старостью редко изучается в контексте возраста, а вопросы о старении остаются менее проработанными по сравнению с проблематикой детства. В статье также обсуждается развитие социологических теорий старения с 1950-х по 1960-е годы, таких как «теория активности» и «теория разъединения», и их последующую критику. Понятия «третьего» и «четвертого» возраста, предложенные Питером Ласлеттом в 1980-е годы, представляют теоретический подход, где третий возраст описывается как период, когда человек выходит из трудовых отношений, но остается активным и способным к самореализации. Автор рассматривает различные подходы к социальному патронажу пожилых людей, включая развитие специальных учре-

ждений и служб, способствующих увеличению автономности и отодвигающих границы четвертого возраста – возраста старческой немощи [2].

В статье В.В. Шилова и А.Н. Тарасовой «Люди старших возрастов в зеркале социологии» подчеркивается важность роли пожилых людей в обществе, так как их положение отражает уровень цивилизованности и морального развития общества и государства. Авторы обращают внимание на изменения в социальной структуре и экономическом положении всех групп населения, включая пенсионеров, в контексте перехода к рыночной экономике в России. В работе анализируются мировые тенденции старения населения, отмечается, что это является характеристикой современного мира. В развитых странах данная тенденция стала заметной десятилетия назад, в то время как для многих развивающихся стран, включая Россию, она стала значимой лишь в последнее время [3].

И.И. Толстикова в статье «Проблема цифрового разрыва и социология третьего возраста» представляет концепцию Международного движения «Университет третьего возраста» (U3A) и обсуждает влияние цифровых технологий на старшее поколение. Автор анализирует проблему цифрового разрыва, возникающую из-за различий в доступе и использовании цифровых технологий. Российские ученые предложили классификацию уровней цифрового разрыва, и их исследования показывают, что различия в интернет-активности безусловно существуют между разными поколениями. Однако цифровые технологии могут помочь смягчить социальные и пространственные барьеры для пожилых людей, хотя их физическое и когнитивное ухудшение может создавать препятствия. Также в статье обсуждается эволюция концепции активного старения и ее связь с использованием цифровых технологий. Исследования показывают, что пожилые люди, использующие ин-

тернет и мобильные телефоны, чувствуют большую уверенность и независимость, что способствует улучшению их общего здоровья и психического благополучия [4]. Подтверждает и дополняет тезисы этого исследования статья Л.С. Макаровой «Когортные исследования компьютерно-опосредованной коммуникации как направление социологического анализа». Автор обосновывает необходимость анализа связи между использованием интернета и чувством социальной принадлежности у пожилых людей и утверждает, что активное участие в онлайн-коммуникации способствует укреплению чувства общности и благополучия у представителей «третьего возраста». Это исследование подчеркивает важность разработки доступных и удобных интерфейсов электронных устройств для пожилых пользователей, а также необходимость обучения их навыкам работы с компьютером [5].

В статье «Пожилые работники – ресурс общественного развития?» (Я.В. Евсеева) представляются различные точки зрения на роль и статус пожилых людей в обществе, особенно в контексте трудовой деятельности. В этой работе авторы обращают внимание на важность использования опыта и навыков пожилых работников для общественного развития, а также на необходимость создания комфортных условий труда для них. В статье выражено удивление авторов по поводу сохраняющегося культа молодости в западных обществах, несмотря на тенденцию старения населения, что приводит к игнорированию потенциала пожилых людей. Авторы позитивно оценивают потенциал пожилых работников в нефизических сферах труда и необходимость программ переподготовки и повышения квалификации для них. Подчеркивается важность создания комфортных условий труда для пожилых работников и адаптации рабочего места к их индивидуальным потребностям. В статье также поднимается вопрос об инновационном потенциале пожилых работников

и необходимости принятия мер по борьбе с возрастной дискриминацией, поощрению образования и внедрению программ по профилактике заболеваний [6].

Продолжая тему, можно привести исследование, проведенное Д.В. Федосюком, направленное на анализ адаптации преподавателей предпенсионного возраста в высших учебных заведениях, которое выявило ряд особенностей медико-социальной и психосоциальной адаптации данной категории сотрудников. Результаты исследования подчеркивают важность успешной социально-профессиональной адаптации преподавателей с различным опытом педагогической деятельности для развития высшего образования. Важным выводом статьи является то, что большинство преподавателей предпочитают оставаться в активном трудовом процессе, а не выходить на пенсию, что свидетельствует о сохраняющемся интересе к профессиональной деятельности и значимости профессиональной идентичности [7].

Исследование Н.П. Щукиной затрагивает важную тему роли института взаимопомощи и социальной поддержке пожилых людей в переходном обществе России. Автор выделяет изменчивость социологических исследовательских подходов, что требует адаптации теорий для адекватного анализа сложных социальных реалий. В контексте переходного общества наблюдается нестабильность первичных социальных групп, в частности, семей, что усиливает сложности адаптации пожилых к новым условиям, таким как изменения в социальной поддержке и выход на пенсию. Исследование подчеркивает важную роль взаимопомощи старшего поколения как социализирующей практики и средства активизации взаимодействия с социальными службами. Основные факторы, влияющие на развитие института взаимопомощи среди пожилых людей, включают уход государства из социальной сферы, изменения в государственной поддержке пожилых, проблемы старения и его решение, рост

стоимости социальных услуг и внимание к проблеме самореализации пожилых людей [8].

Исследователь О.А. Парфенова поднимает важную проблему позиционирования пожилых граждан как уязвимой группы. Особое внимание уделяется социальному статусу пожилых граждан в российском обществе, их доступу к социальным услугам и поддержке. Автор указывает на важность пенсионного возраста как юридической границы, определяющей статус получателя пенсии, и характеризует различные категории пенсионеров. В исследовании отмечается разрыв между официальным дискурсом, представленным в документах правительства, и реальными проблемами, с которыми сталкиваются пожилые граждане, такими как доступ к медицинской помощи и стационарному обслуживанию. Автор также обращает внимание на рост процента работающих пожилых граждан и различия в качестве жизни между городскими и сельскими пожилыми людьми [9].

Исследование Е.Е. Лукина сосредотачивается на анализе ресоциализации пожилых осужденных, опираясь на мультипарадигмальный подход, который включает в себя теории социального конструирования, символического интеракционизма, социокультурный и гендерный анализ. Автор подчеркивает, что возраст становится объектом конструирования, что ограничивает возможности успешной ресоциализации. В работе рассматривается ресоциализация пожилых осужденных как процесс и результат, включающий пенитенциарный и постпенитенциарный этапы. Особое внимание уделяется условиям, в которых осужденные могут воспользоваться социальными правами после освобождения. Исследование выделяет особенности ресоциализации пожилых осужденных, такие как транзитивный характер процесса, потеря социальных связей, стигматизация, усиление роли медико-лечебной составляющей и

недоверие экспертов к результативности этого процесса. Гендерные различия в ресоциализационном процессе также подчеркиваются, основываясь на различиях в типах преступлений и содержании ресоциализационных стратегий [10].

В диссертации Н.М. Суетиной вопрос о категории пожилых людей рассматривается с другой стороны: ее интересует роль ценностей пожилого населения как фактора обеспечения социальной стабильности, в частности, на примере Республики Адыгея. Автор анализирует большой пласт работ и демонстрирует различные подходы к изучению ценностей, их классификации и роли в обществе. Так, исследователь выявляет основные типы ценностных ориентаций: патерналистско-эгалитаристский, индивидуалистско-либеральный и промежуточный. Российское общество, по мнению автора, находится в промежуточном состоянии, что приводит к глубоким мировоззренческим несоответствиям у разных возрастных групп. Эмпирические данные это подтверждают: у старшего поколения в Адыгее преобладают традиционные ценности, что соответствует патерналистско-эгалитаристскому типу ментальности; молодежь же ориентирована на современные западные веяния, поэтому преобладающий тип ее ментальности – индивидуалистско-либеральный. Конечно, конфликт «отцов и детей» не нов, но речь здесь идет о более глубинном различии. При всем при этом исследование не выявило идеологической конфронтации между старшим поколением и молодежью, что убедительно доказывает возможность социальной стабильности и гармонии между людьми разных убеждений и возрастов. Главный вывод исследования заключается в том, что ценности старшего поколения играют важную роль в сплочении и консолидации общества и ориентируют на социальное взаимодействие всех членов общества [11].

Проанализированный материал позволяет классифицировать выявленные исследовательские подходы:

1. *Биолого-социологический*. Биологические аспекты возраста играют важную роль в определении потребностей и особенностей пожилых людей. Физиологические изменения могут требовать специальной медицинской или социальной поддержки. Исследования ухудшения здоровья и физической активности в сочетании с анализом возрастных социальных стереотипов помогает формировать комплексное понимание старения. Само определение «возраста», именно в социологическом разрезе, также включает некоторые сложности и неоднозначность понимания.

2. *Социально-динамический подход* фокусируется на влиянии изменчивых социальных условий на жизнь различных возрастных групп. Особое внимание уделяется вопросам взаимопонимания и конфликтов между поколениями. Эти различия могут приводить к социальному дистанцированию, что отражается в общественных отношениях и личном восприятии социальной интеграции. Также социально-динамический подход позволяет определить степень влияния политических, экономических и образовательных условий на качество жизни различных возрастных групп.

3. *Интеграционно-цифровой подход* ориентирован на исследование влияния технологий и преодоление цифрового разрыва для повышения качества жизни пожилого населения. Вовлечение этой части людей в мир цифрового пространства способствует увеличению их социальной активности и снижению чувства одиночества, позволяет справиться с чувством страха и недостижимости нового. Поэтому, в рамках этого подхода, важно также рассматривать образовательные программы, позволяющие сократить возрастной разрыв в принятии новых технологий.

4. *Социально-статусный подход* изучает положение пожилых людей в общественной иерархии и как это положение способствует или мешает их социальной интеграции и качеству жизни. Исследования в рамках этого подхода включают также

анализ доступности медицинских услуг, вопросов жилья, возможности образования и культурного развития для пожилых людей. Также важным аспектом является изучение изменений в политико-экономическом разрезе и то влияние, какое они оказывают на жизнь старшего поколения.

5. *Активно-адаптационный подход* подчеркивает важность активного участия пожилых людей в общественной жизни, а также возможность возвращения к такой жизни, ввиду ее фактической или возможной утраты. Основная цель активного старения – максимизировать потенциал для физического, психологического и социального здоровья для всех слоев пожилого населения.

Заключение. Исследования социальных проблем пожилого населения занимают видное место в современной науке. Пожилые люди сталкиваются с особыми

вызовами, обусловленными стремительными изменениями в социальной, экономической и технологической сферах. Глубокое научное понимание этих аспектов, выявление причин и разработка эффективных решений требуют регулярного научного анализа. Комплексный подход к решению этих вопросов возможен лишь на основе мета-исследований, а, учитывая быстроту изменений современного мира, обновлять научные данные, являющиеся фундаментом этих исследований, следует постоянно. Регулярные научные изыскания позволяют разрабатывать и оптимизировать программы и политики, направленные на улучшение качества жизни пожилых людей и их активное участие в общественной жизни. Именно через научное осмысление мы можем обеспечить полноценное и справедливое включение пожилых людей в современное общество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смолькин А.А. Социология возраста и границы социального конструирования // Социология власти. 2019. Т. 31, № 1. С. 8-13.
2. Смолькин А.А. Социология возраста // Социодиггер. 2022. Т. 3, № 5/6(18). С. 27-29.
3. Шилов В.В., Тарасова А.Н. Люди старших возрастов в зеркале социологии // ВУЗ. XXI век. 2012. № 1(38). С. 78-94.
4. Толстикова И.И. Проблема «цифрового разрыва» и социология «третьего возраста» // Ресурсный потенциал портала университета третьего возраста для социологических исследований. Петербургская социология сегодня. 2023. № 22. С. 99-110.
5. Макарова Л.С. Когортные исследования компьютерно-опосредованной коммуникации как направление социологического анализа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия, 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 1(21). С. 87-93.
6. Евсеева Я.В. Пожилые работники – ресурс общественного развития? (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2010. № 1. С. 119-128.
7. Федосюк Д.В. Специфика социальной адаптации преподавателей вузов предпенсионного возраста // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2020. Вып. 4(12). С. 124-130.
8. Щукина Н.П. Институт взаимопомощи в социальной поддержке пожилых людей: автореф. дис. ... на соиск. уч. степ. д-ра социолог. наук. Саратов, 2004. 24 с.
9. Парфенова О.А. Позиционирование пожилых граждан как уязвимой группы в современной России: официальный и общественный дискурсы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2016. № 1. С. 79-87.
10. Лукин Е.Е. Практики ресоциализации пожилых осужденных: автореф. дис. ... на соиск. уч. степ. канд. социолог. наук. Саратов, 2012. 24 с.
11. Суетина Н.М. Ценности старшего поколения как фактор социальной стабильности (на примере Республики Адыгея): дис. ... на соиск. уч. степ. канд. социолог. наук. Майкоп, 2006. 150 с.

REFERENCES

1. Smolkin A.A. Sociology of age and the boundaries of social construction // Sociology of power. 2019. Vol. 31, Issue 1. P. 8-13.
2. Smolkin A.A. Sociology of age // Sociodigger. 2022. Vol. 3, Issue 5/6(18). P. 27-29.
3. Shilov V.V., Tarasova A.N. The elderly in the mirror of Sociology // University. XXI century. 2012. Issue 1(38). P. 78-94.
4. Tolstikova I.I. The problem of the «digital gap» and the sociology of the «third age» // Resource potential of the university portal of the third age for sociological research. St. Petersburg sociology today. 2023. Vol 22. P. 99-110.
5. Makarova L.S. Cohort studies of computer-mediated communication as a direction of sociological analysis // Bulletin of Volgograd State University. Series, 7: Philosophy. Sociology and social technologies. 2014. Vol 1(21). P. 87-93.
6. Evseeva Ya.V. Are older workers a resource for social development? (summary abstract) // Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Episode 11: Sociology. 2010. Issue 1. P. 119-128.
7. Fedosyuk D.V. Specifics of social adaptation of university teachers of pre-retirement age // Bulletin of the Maikop State Technological University. 2020. Issue. 4(12). P. 124-130.
8. Shchukina N.P. Institute of mutual assistance in social support forsenior citizens: abstract dis. ...Dr Sci. (Sociology). Saratov, 2004. 24 p.
9. Parfenova O.A. Positioning of senior citizens as a vulnerable group in modern Russia: official and public discourses // Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. 2016. Issue 1. P. 79-87.
10. Lukin E.E. Practices of resocialization of elderly convicts: abstract dis. ... Ph.D (Sociology). Saratov, 2012. 24 p.
11. Suetina N.M. Values of the older generation as a factor of social stability (the case of the Republic of Adygea): dis. ... Ph.D (Sociology). Maikop, 2006. 150 p.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflict of interests

Информация об авторе

*Кueva Элла Мухамедовна, старший преподаватель кафедры морфологии лечебного факультета Медицинского института, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет», г. Майкоп, Российская Федерация,
e-mail: ella.kueva@mail.ru*

Information about the author

*Ella M. Kueva, Senior lecturer, the Department of Morphology, Faculty of Medicine, Medical Institute, Maikop State Technological University, Maikop, the Russian Federation,
e-mail: ella.kueva@mail.ru*

**Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.**

Поступила в редакцию 10.06.2024
Поступила после рецензирования 27.07.2024
Принята к публикации 29.07.2024
Received 10.06.2024
Revised 27.07.2024
Accepted 29.07.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-121-130>

УДК 316.346.2-055.1/2

© Надежина Н.Н., 2024

Н.Н. Надежина

Межличностное доверие в паре между мужчиной и женщиной как социокультурная ценность

*Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина»
nadezhina-n@bk.ru*

Аннотация. Актуальность темы исследования состоит в необходимости выявления особенностей снижения ценности межличностного доверия в паре между мужчиной и женщиной, что приводит к сокращению показателей брачности среди российского населения.

Проблема исследования заключается в наличии нарушений в межличностном доверии в парах между мужчинами и женщинами и недостатке научно обоснованной информации об отношении субъектов к доверию как социокультурной ценности, что препятствует разработке результативных мер по устранению отклонений в межгендерных взаимоотношениях партнеров.

Целью исследования является выявление особенностей межличностного доверия в паре между мужчиной и женщиной в качестве традиционной социокультурной ценности.

Методы исследования. В работе использованы данные социологического исследования, проведенного в 2024 г. в Белгородской области методом анкетного опроса. При квотной выборке опрошено 1155 респондентов.

Результаты. В результате исследования выявлено, что, как для мужчин, так и для женщин, главной причиной установления доверия является наличие идентичности, индивидуальной схожести, общих жизненных целей, совместных интересов, одинаковых правил поведения. Обнаружено, что основная часть респондентов доверяет своему партнеру гораздо в большей степени, чем другим людям. Осуществление компаративного анализа позволило говорить о взаимосвязи между уровнем доверия и длительностью существования пары. Так, наиболее низкий уровень доверия характерен для тех пар, которые образовались менее 6 месяцев назад. А наибольший уровень доверия наблюдается между субъектами, которые находятся вместе больше 20 лет. Корреляционный анализ привел к выводу, что самый высокий уровень межличностного доверия проявляется в официальных супружеских парах, а не в сожительстве и не в гостевом взаимодействии.

Ключевые выводы. Сделан вывод, что следование позитивным традициям и сохранение социокультурных ценностей во взаимодействиях представителей разного пола представляется не как культурно-исторический пережиток, а, наоборот, как потенциал для дальнейшего успешного развития института семьи. Определено, что межличностное доверие в паре между мужчиной и женщиной представляется в качестве социокультурной ценности, которая во многом определяет качество и устойчивость взаимоотношений и взаимодействий между субъектами.

Ключевые слова: социокультурные ценности, традиционные семейные ценности, межличностное доверие, гендер

Для цитирования: Надежина Н.Н. Межличностное доверие в паре между мужчиной и женщиной как социокультурная ценность. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2024;16(3):121–130. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-121-130>

N.N. Nadezhina

Interpersonal trust in a couple as a sociocultural value

*Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation
named after I.D. Putilin, Belgorod, the Russian Federation
nadezhina-n@bk.ru*

Abstract. The relevance of the research is the need to identify the features of reducing the value of interpersonal trust in a couple, which leads to a decrease in marriage rates among the Russian population.

The problem of the research lies in the presence of deviations in interpersonal trust between men and women and the lack of scientifically based information about the attitude of subjects to trust as a sociocultural value, which prevents the development of effective measures to eliminate deviations in the intergender relationships of partners.

The aim of the research is to identify the features of interpersonal trust in a couple as a traditional socio-cultural value.

The research methods. The paper uses data from a sociological study conducted in 2024 in the Belgorod region by means of a questionnaire survey. With a quota sample, 1,155 respondents were interviewed.

The Results. The study revealed that, for both men and women, the main reason for establishing trust was the presence of identity, individual similarity, common life goals, common interests, and the same rules of behavior. It was found that the majority of respondents trusted their partner much more than other people. The comparative analysis made it possible to talk about the relationships between the level of trust and the duration of the couple's existence. Thus, the lowest level of trust was typical for the young couples formed less than 6 months ago. And the highest level of trust was observed between subjects who had been together for more than 20 years. The correlation analysis led to the conclusion that the highest level of interpersonal trust was manifested in official married couples, and not in cohabitation and not in guest interaction.

The Key findings. It has been concluded that following positive traditions and preserving socio-cultural values in the interactions of representatives of different sexes is not presented as a cultural and historical relic, but, on the contrary, as a potential for further successful development of the institution of the family. It has been determined that interpersonal trust in a couple between is presented as a socio-cultural value, which largely determines the quality and stability of relationships and interactions between the subjects

Key words: sociocultural values, traditional family values, interpersonal trust, gender

For citation Nadezhina N.N. Interpersonal trust in a couple as a sociocultural value. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2024;16(3):121–130. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-121-130>

Введение. Доверие традиционно рассматривается как основа гармоничных и успешных межличностных отношений в разных сферах жизни. Межличностное доверие выступает в качестве социокультурной ценности, которая во многом определяет качество и устойчивость взаимоотношений и взаимодействий в паре между мужчиной и женщиной. В особенности ценным является наличие доверия между супругами, состоящими в официальном браке и имеющими детей. Изучение межличностного доверия проводится в рамках разных наук, в том числе философии, психологии, экономики, социологии. Каждая научная дисциплина фокусируется на конкретных сторонах изучения доверия, поэтому разные определения сконцентрированы либо на мировоззренческих основаниях, либо на социально-экономических эффектах, либо на индивидуально-психологических характеристиках интеракций людей [2, с. 167]. Но в целом доверие является комплексной категорией, которая включает в себя различные особенности межличностных контактов. Ученые отмечают, что в настоящее время наблюдается кризис доверия в обществе как в глобальном, так и в локальном масштабах [3, с. 4].

Наличие доверия между людьми открывает возможности к установлению качественных устойчивых отношений, поскольку предполагается, что люди верят словам и обещаниям другого субъекта. Доверие предполагает, что в межличностных отношениях мужчине или женщине не нужно тратить время и эмоции на проверку собственных представлений и домыслов о другом человеке, на установление или опровержение достоверности, подлинности или ложности каких-либо фактов. Доверие способствует более позитивному взгляду на будущее, так как оно изначально не предполагает низкую продуктивность межличностных взаимодействий и высокую вероятность разочарований.

Так, в межличностных отношениях доверие в паре мужчины и женщины может

быть представлено как базовая, исходная точка для восприятия другого человека и для построения отношений, основанных на взаимном доверии. При этом нарушения межличностного доверия, усиление конфликтных, ненадежных и неустойчивых отношений и взаимодействий могут повлечь за собой негативные явления не только на уровне пары, но и в более широком социальном контексте [1, с. 7]. Так, в универсальном смысле доверие представляет собой «возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и со вниманием к нуждам окружающих в согласии с некоторыми общими нормами» [9, с. 52]. Сугубо межличностный компонент в понимании доверия заложен в определении, которое характеризует взаимоотношения между конкретными людьми, так, доверие трактуется как «ожидание того, что другой индивид предрасположен действовать благонадежно по отношению именно ко «мне», безотносительно того, как он поступает с другими» [10, с. 379].

При этом межличностные отношения между субъектами разного пола (мужчинами и женщинами) могут быть представлены в научно-практическом смысле как «процесс обмена информацией, эмоциями и регулируемыми действиями» [7, с. 23], то есть разностороннее и многомерное изменение. Исследователи в области социологии (например, такие как В.Н. Куницына и Е.С. Синельникова) признают ключевое значение доверия в семейной паре как одну из основных ценностей, которая придает смысл совместному проживанию, накоплению имущества, рождению детей, прохождению дальнейшего жизненного пути в пожилом возрасте. Ценность доверия в семейной паре является неоспоримой опорой для устойчивости позитивных взаимоотношений, поскольку семейные взаимодействия предполагают выполнение многих функций, начиная от репродуктивной и заканчивая хозяйственно-экономической [6, с. 114].

В данном исследовании межличностное доверие в паре между мужчиной и женщиной рассматривается как социокультурная ценность, которая во многом определяет качество и устойчивость взаимоотношений и взаимодействий между субъектами. Следование позитивным традициям и сохранение социокультурных ценностей во взаимодействиях представителей разного пола представляется не как культурно-исторический пережиток, а, наоборот, как потенциал для дальнейшего успешного развития института семьи.

Методы исследования. Методологическая основа социологического исследования, результаты которого частично изложены в данной статье, представлена теорией межличностного доверия Дж. Роттера, согласно которой доверие в отношениях и взаимодействиях между конкретными людьми может быть разного уровня, от высокого до низкого [15, с. 6], а также теорией межличностного доверия Б. Банкера, Р. Левицки, М. Стивенсона, в рамках которой представляются виды межличностного доверия во взаимодействиях между конкретными людьми [13].

Кроме того, методологическую рамку исследования межличностного доверия как социокультурной ценности в паре между мужчиной и женщиной составляет теория социокультурных ценностей Р. Инглхарта и К. Вельцеля. Для изучения межличностных отношений в паре важно выделение ценностей выживания или самовыражения (к примеру, это может быть наличие материальных благ либо возможностей для личностного саморазвития, соблюдение гендерного равенства в паре), которые во многом определяют качество взаимоотношений субъектов [5].

В статье использованы данные полевого исследования, проведенного автором статьи в 2024 г. Опрос проводился в городских и сельских населенных пунктах Белгородской области. Поскольку Белгородская область является приграничным регионом Российской Федерации,

то результаты и выводы исследования в некоторой степени могут распространяться на другие российские регионы, но с учетом социокультурных особенностей населения, проживающего на обширной территории страны.

Метод сбора социологической информации: анкетный опрос. Комплектование первичных данных осуществлялось онлайн (анкета изначально формировалась в электронных формах Google). Респондентами явились жители Белгородской области, состоящие в паре (мужчина и женщина). Выборка формировалась по возрасту, полу, типу населенного пункта (ошибка выборки составила 0,3). В анкетном опросе приняли участие 1155 респондентов. Анкетный опрос направлен на выявление особенностей межличностного доверия как социокультурной ценности в паре между мужчиной и женщиной. Опрошены респонденты, которые являются официальными супругами, сожителями («гражданскими супругами») или так называемыми гостевыми партнерами.

Результаты исследования. Приведем некоторые результаты социологического исследования особенностей межличностного доверия как ключевой социокультурной ценности в паре между мужчиной и женщиной. Согласно результатам опроса, респонденты достаточно высоко оценили значимость и важность наличия взаимного доверия субъектов друг другу в своих взаимоотношениях (рис. 1).

Как видно на представленной круговой диаграмме, подавляющее большинство опрошенных (причем и мужчин, и женщин) признают высокую степень ценности доверия друг другу (86,7%). Вполне очевидно, что такие результаты демонстрируют стремление людей к взаимопониманию, отсутствию недоверия друг к другу из-за каких-либо предубеждений и необоснованных подозрений или наличия негативного личного жизненного опыта. Несогласие по ключевым вопросам, раз-

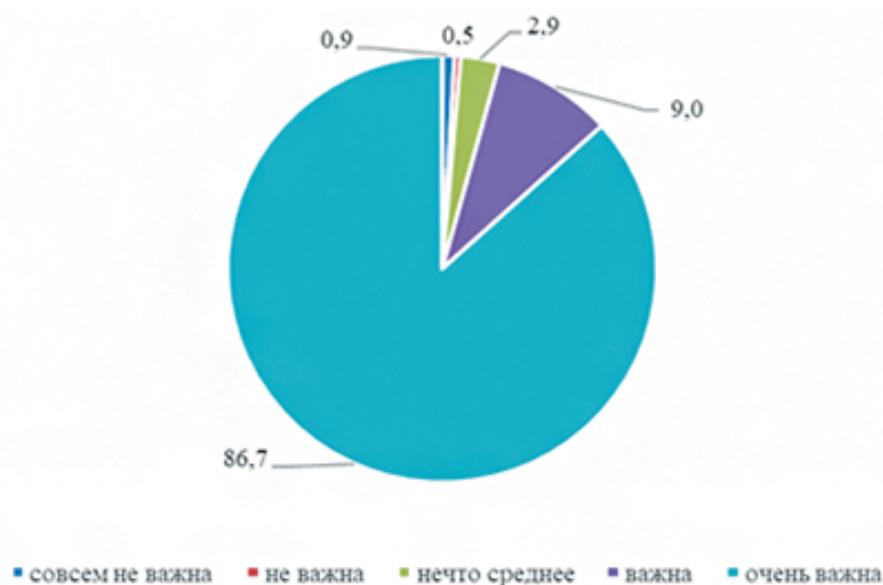

Рис. 1. Важность межличностного доверия между мужчиной и женщиной, % опрошенных

ные жизненные цели и индивидуальные ценности, кардинальное несовпадение в поведенческих установках могут стать причиной девиаций во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной.

Особенности возникновения и сохранения доверия между субъектами в паре основываются на целом комплексе при-

чин, которые могут проявляться в самом разном сочетании. В анкете респондентам был предложен вопрос о причинах доверия по отношению к своему партнеру. Ответы, полученные от мужчин и женщин, отражают широкий разброс мнений, которые выразили респонденты (рис. 2).

Рис. 2. Причины доверия респондентов друг другу, % опрошенных

Результаты показали, что все перечисленные причины характерны примерно в одинаковой степени для представителей как мужского, так и женского пола. Более того, для обеих категорий респондентов (по полу) на первом месте по значимости оказалась индивидуальная схожесть, наличие идентичности. Развитию доверия в первую очередь способствуют общие жизненные цели, совместные интересы, нормы и правила. Такая идентичность со-

здает условия для обеспечения позитивной психоэмоциональной обстановки, способности к взаимопониманию и взаимной поддержке и помощи.

В проведенном нами исследовании субъективная оценка собственного психоэмоционального состояния отразилась при ответе респондентов на вопрос о том, доверяют ли они своему партнеру больше, чем кому-либо другому (рис. 3).

Рис. 3. Доверие к партнеру по сравнению с доверием к другим людям, % опрошенных

Как видно на диаграмме, абсолютно всегда доверяют своему партнеру в большей степени, чем другим людям, 51,2% респондентов, и еще 18,2% делают это почти всегда (в основном).

При этом современные зарубежные ученые выявляют небольшие различия в доверии между партнерами, находящимися в официальном браке (светском или религиозном, в зависимости от особенностей государства), проживающими совместно без брака или находящимися в так называемых гостевых отношениях [16, с. 25]. Тем не менее, во всем мире партнеры, не состоящие в браке, все чаще претендуют на те же права, которые имеются у официальных супругов [14, с. 1431]. И здесь проявляется некоторое

противоречие, так как и гостевые партнеры, и сожители хотят иметь те же гарантии и возможности, что и официальные супруги, но не желают вступать в официальный брак. Зарубежные исследователи отмечают, что есть взаимосвязь между доверием друг к другу, желанием быть вместе на протяжении многих лет, легитимным скреплением взаимоотношений на длительное время. Однако, как пишут ученые, для формулирования обоснованных выводов следует проводить дополнительные опросы, так как межличностные отношения в парах нуждаются в глубоком и всестороннем изучении [12, с. 57].

Мы в своем социологическом исследовании обратили особое внимание на

социально-психологический компонент доверия мужчин и женщин друг к другу. Под социально-психологическим компонентом подразумевается уверенность в том, что своему партнеру можно доверить личный секрет, свои глубинные эмоциональные переживания, опасения, страхи. Такое состояние сопровождается

твердой убежденностью в том, что за этим не последует каких-либо отрицательных эффектов, осуждения, обвинения, конфликта. Сравнение показателей у пар, характеризующихся разным периодом своего существования, позволило сделать некоторые выводы, которые подтверждены эмпирически (рис. 4).

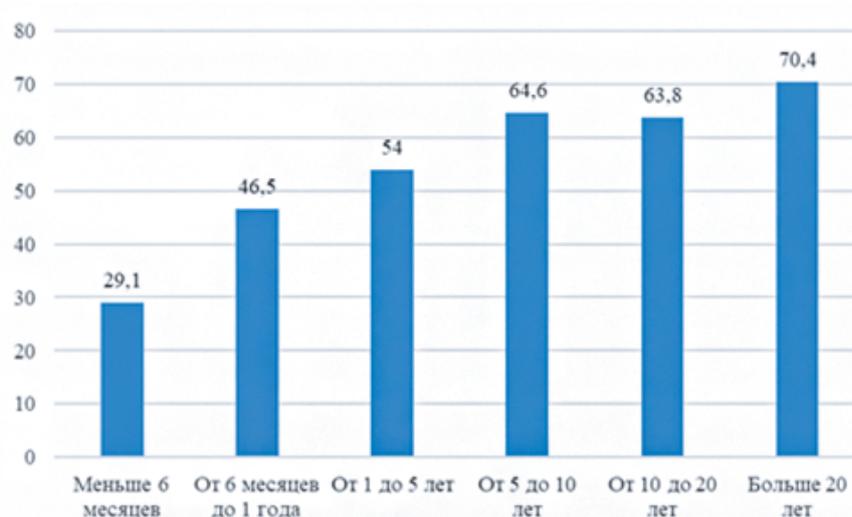

Рис. 4. Динамика социально-психологического компонента доверия между субъектами в зависимости от продолжительности существования пары, % опрошенных

Проведение компаративного анализа и интерпретация полученных данных позволяют говорить о взаимосвязи между уровнем доверия и сроком существования пары (длительности взаимоотношений между мужчиной и женщиной). Так, наиболее низкий уровень доверия характерен для тех пар, которые образовались менее 6 месяцев назад. А наибольший уровень наблюдается между субъектами, которые находятся вместе больше 20 лет. Более того, корреляционный анализ позволяет сделать вывод, что самый высокий уровень межличностного доверия проявляется именно в официальных супружеских парах, а не в сожительстве или гостевом взаимодействии.

Однако, безусловно, наличие межличностного доверия между мужчиной и женщиной, а также его понимание как социокультурной ценности несовмести-

мо с систематическими проявлениями гендерного неравенства, неуважения, деструктивных разногласий и конфликтов, домашнего насилия [4, с. 68] и прочих негативных проявлений, которые могут иметь место в некоторых парах. Исследователи отмечают, что деструкции в доверии между субъектами могут проявляться в зависимости от различных обстоятельств [11, с. 63]. Однако наличие доверия, которое укрепляется с годами, является социокультурной ценностью, которая становится фундаментом для качественных и долговременных взаимоотношений.

Изучая ценности семьи, отечественный социолог И.П. Лотова выделяет те, которые проявляются во взаимоотношениях между супругами. Это «как ценность брака, ценность равноправия супругов/ценность доминирования одного из них, ценности различных половых ролей в

семье, ценность межличностных коммуникаций между супругами, отношений взаимоподдержки и взаимопонимания» [8, с. 62]. Так, в современной трактовке речь идет о ценностях, которые включают в себя не догматическое соблюдение норм, которые не вписываются в сегодняшнюю реальность, а рациональные взаимоотношения на основе взаимного доверия.

Заключение. Таким образом, межличностное доверие в паре между мужчиной и женщиной представляет собой социокультурную ценность, которая во многом определяет качество и устойчивость взаимоотношений и взаимодействий между субъектами.

В результате исследования выявлено, что примерно в равной степени и для мужчин, и для женщин, главной причиной установления и сохранения доверия является наличие идентичности, индивидуальной схожести, общих жизненных целей, совместных интересов, одинаковых норм и правил поведения. Более того, основная часть респондентов доверяет своему

партнеру гораздо в большей степени, чем другим людям.

Осуществление компаративного анализа позволяет говорить о взаимосвязи между уровнем доверия и сроком существования пары (длительности взаимоотношений между мужчиной и женщиной). Так, наиболее низкий уровень доверия характерен для тех пар, которые образовались менее 6 месяцев назад. А наибольший уровень наблюдается между субъектами, которые находятся вместе больше 20 лет. Более того, корреляционный анализ дает возможность сделать вывод, что самый высокий уровень межличностного доверия проявляется в официальных супружеских парах, а не в сожительстве и не в гостевом взаимодействии.

Так, следование позитивным традициям и сохранение социокультурных ценностей во взаимодействиях представителей разного пола представляется не как культурно-исторический пережиток, а, наоборот, как потенциал для дальнейшего успешного развития института семьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артамонова Я.С. Стабильность экономических отношений и разрушение института доверия (социологический анализ) // Т-Сотт: Телекоммуникации и транспорт. 2014. Т. 8, № 7. С. 7-10.
2. Бенц Д.С., Казадаев М.С. Доверие как междисциплинарная категория // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). С. 167-176.
3. Биричева Е.В. Экзистенциальный смысл доверия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39, вып. 1. С. 4-17.
4. Борисов С.Н., Волкова О.А., Бессчетнова О.В., Доля Р.Ю. Домашнее насилие как фактор нарушения социального и психического здоровья // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28, № 1. С. 68-73.
5. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
6. Куницына В.Н., Синельникова Е.С. Понимание и доверие в семье: феномен, функции, критерии // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 3(21). С. 114-117.
7. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1999. С. 23.
8. Лотова И.П. Системный подход к изучению семейных ценностей в современном российском обществе // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2015. № 5. С. 62-66.
9. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. М.: АСТ: Ермак, 2004. 730 с.

10. Хосмер Л.Т. Доверие: связующая нить между организационной теорией и философской этикой // *Academy of Management Review*. 1995. Vol. 20(2). P. 379-403.
11. Cherlin A. *The Marriage-Go-Round: The State of Marriage and the Family in America Today*. New York: Alfred A. Knopf, 2009. 271 p.
12. Holmes J.G. Trust and the appraisal process in close relationships. In W.H. Jones, D. Perlman (Eds.). *Advances in personal relationships*. London: Jessica Kingsley publishers, 1991. P. 57-106.
13. Lewicki R.J., Stebbins M., Bunker B.B. The three components of interpersonal trust: instrument development and differences across relationships. Ohio: WPS, 1997. 227 p.
14. Poortman A.R., Lyngstad T.H. Dissolution risks in first and higher order marital and cohabiting unions // *Social Science Research*. 2007. Vol. 36. P. 1431-1446.
15. Rotter J.B. Interpersonal trust, trustworthiness, and gullibility // *American Psychologist*. 1980. Vol. 35. P. 1-7.
16. Upton-Davis K. Living Apart Together Relationships (LAT): Severing Intimacy from Obligation // *Gender Issues*. 2012. Vol. 11(29). P. 25-38.

REFERENCES

1. Artamonova Ya.S. Stability of economic relations and the destruction of the institution of trust (sociological analysis) // *T-Comm: Telecommunications and Transport*. 2014. Vol. 8, Iss. 7. P. 7-10.
2. Benz D.S., Kazadaev M.S. Trust as an interdisciplinary category // *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2022. Vol. 11(469). P. 167-176.
3. Biricheva E.V. The existential meaning of trust // *Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology*. 2023. Vol. 39, Iss. 1. P. 4-17.
4. Borisov S.N., Volkova O.A., Besschetnova O.V., Dolya R.Yu. Domestic violence as a factor of violation of social and mental health // *Problems of social hygiene, healthcare and history of medicine*. 2020. Vol. 28, Iss. 1. P. 68-73.
5. Inglehart R., Welzel K. *Modernization, cultural change and democracy: The sequence of human development* M.: New Publishing House, 2011. 464 p.
6. Kunitsyna V.N., Sinelnikova E.S. Understanding and trust in the family: phenomenon, functions, criteria // *Bulletin of Yaroslavl State University named after P.G. Demidov. The Humanities Series*. 2012. Vol. 3(21). P. 114-117.
7. Lomov B.F. *Methodological and theoretical problems of psychology*. Moscow: Nauka, 1999. 123 p.
8. Lotova I.P. A systematic approach to the study of family values in modern Russian society // *Economics, statistics and computer science. Bulletin of the UMO*. 2015. Vol. 5. P. 62-66.
9. Fukuyama F. *Trust: social virtues and the path to prosperity: translated from English by. M.*: AST: Ermak, 2004. 730 p.
10. Hosmer L.T. Trust: the connecting thread between organizational theory and philosophical ethics (translation) *Academy of Management Review*. 1995. Vol. 20(2). P. 379-403.
11. Cherlin A. *The Marriage-Go-Round: The State of Marriage and the Family in America Today*. New York: Alfred A. Knopf, 2009. 271 p.
12. Holmes J.G. Trust and the appraisal process in close relationships. In W.H. Jones, D. Perlman (Eds.). *Advances in personal relationships*. London: Jessica Kingsley publishers, 1991. P. 57-106.
13. Lewicki R.J., Stebbins M., Bunker B.B. The three components of interpersonal trust: instrument development and differences across relationships. Ohio: WPS, 1997. 227 p.
14. Poortman A.R., Lyngstad T.H. Dissolution risks in first and higher order marital and cohabiting unions // *Social Science Research*. 2007. Vol. 36. P. 1431-1446.
15. Rotter J.B. Interpersonal trust, trustworthiness, and gullibility // *American Psychologist*. 1980. Vol. 35. P. 1-7.
16. Upton-Davis K. Living Apart Together Relationships (LAT): Severing Intimacy from Obligation // *Gender Issues*. 2012. Vol. 11 (29). P. 25-38.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflict of interests

Информация об авторе

Надежина Наталья Николаевна, научный сотрудник Отделения организации научно-исследовательской работы Научно-исследовательского отдела, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина», г. Белгород, Российская Федерация,

e-mail: nadezhina-n@bk.ru

Information about the author

Natalia N. Nadezhina, Research assistant, Division of scientific research management, Department of scientific research, Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation named after I.D. Putilin, Belgorod, the Russian Federation

e-mail: nadezhina-n@bk.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 18.06.2024

Поступила после рецензирования 29.07.2024

Принята к публикации 30.07.2024

Received 18.06.2024

Revised 29.07.2024

Accepted 30.07.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-131-141>

УДК 316.346-058.862:314.7

© Осадчая Г.И., Волкова О.А., Юдина Т.Н., 2024

Г.И. Осадчая, О.А. Волкова✉, Т.Н. Юдина

Социальное сиротство и депривированное родительство в семье мигранта как угроза демографической безопасности: есть ли свет в конце тоннеля?

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,
г. Москва, Российская Федерация
✉volkovaao@rambler.ru*

Аннотация. Актуальность темы, поднимаемой в данной статье, состоит в распространении явлений социального сиротства и депривированного родительства вследствие трудовой миграции членов семьи.

Проблема исследования заключается в расширении масштабов трудовой миграции, распространении социального сиротства, развитии депривированного родительства, с одной стороны, и отсутствием концептуального обоснования взаимосвязей между данными явлениями, с другой стороны.

Целью исследования является рассмотрение социального сиротства и депривированного родительства в семье мигранта как угрозы демографической безопасности.

Методы исследования. В работе использованы данные: 1) анкетного опроса возвратных трудовых мигрантов-кыргызов, которые работали в России, а затем вернулись в Кыргызстан; 2) полуструктурированного интервью трудовых мигрантов в России; 3) количественно-качественного контент-анализа случаев, изложенных в эссе детей мигрантов.

Результаты. Так, социальное сиротство и депривированное родительство в семьях мигрантов вследствие больших масштабов, в которых осуществляются данные явления, рассматриваются в качестве угрозы демографической безопасности на нескольких уровнях: родителя или ребенка, семьи в целом, а также стран исхода и приема. Определено, что когда дети мигрантов остаются с пожилыми прародителями, то возникает сложная ситуация, так как бабушки и дедушки иногда испытывают сложности с самообслуживанием, а с внуками им справляться вдвое сложнее. У детей начинаются пропуски занятий в школе, снижается учебная успеваемость, не формируется культура общения, появляются проблемы с законопослушностью. В случаях, когда дети мигрантов остаются жить с людьми, которые не являются для них родственниками, уровень безопасности несовершеннолетних значительно снижается, сопровождаясь побоями и убийствами. Анализ мнений мигрантов, их детей и экспертов показывает, что социальное сиротство и депривированное родительство являются угрозой демографической безопасности.

Ключевые выводы. Социальное сиротство взаимосвязано с явлением депривированного родительства, поскольку трудовые мигранты ощущают свою ответственность как перед собст-

венными сыновьями и дочерьми, так и перед своими пожилыми родителями. Ключевой социальной негатив ситуации состоит в закономерном и повторяющемся воспроизводстве социального сиротства и депривированного родительства в семьях мигрантов.

Ключевые слова: социальное сиротство, депривированное родительство, семья мигранта, демографическая безопасность

Для цитирования: Осадчая Г.И., Волкова О.А., Юдина Т.Н. Социальное сиротство и депривированное родительство в семье мигранта как угроза демографической безопасности: есть ли свет в конце тоннеля? *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2024;16(3):131–141. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-131-141>

G.I. Osadchaya, O.A. Volkova✉, T.N. Yudina

Social orphanhood and deprived parenthood in a migrant family as a threat to demographic security: is there light at the end of the tunnel?

Institute of Demographic Research, FSRSC RAS, Moscow, the Russian Federation
✉volkovaoa@rambler.ru

Abstract. The relevance of the research is the spread of the phenomena of social orphanhood and deprived parenthood due to the labor migration of family members.

The problem of the research is the expansion of labor migration, the spread of social orphanhood, the development of deprived parenthood, on the one hand, and the lack of conceptual justification for the relationships between these phenomena, on the other.

The goal of the research is to consider social orphanhood and deprived parenthood in a migrant family as a threat to demographic security.

The research methods. The work used data from: 1) a questionnaire survey of returned Kyrgyz labor migrants who worked in Russia and then returned to Kyrgyzstan; 2) semi-structured interviews of labor migrants in Russia; 3) quantitative and qualitative content analysis of cases presented in the essays of migrant children.

The Results. Thus, social orphanhood and deprived parenthood in migrant families, due its large scale, are considered as a threat to demographic security at several levels: a parent or a child, family as a whole, as well as countries of origin and reception. It has been determined that when children of migrants stay with elderly grandparents, a difficult situation arises, since grandparents sometimes have difficulty with self-care, and it is twice as difficult for them to cope with grandchildren. Children begin to miss classes at school, academic performance decreases, a culture of communication is not formed, and problems with the law appear. In cases where children of migrants remain to live with people who are not relatives to them, the level of safety of minors is significantly reduced, accompanied by beatings and murders. An analysis of the opinions of migrants, their children and experts shows that social orphanhood and deprived parenthood are a threat to demographic security.

The Key Findings. Social orphanhood is interconnected with the phenomenon of deprived parenthood, since labor migrants feel responsible both for their own sons and daughters and for their elderly parents. The key social negative of the situation is natural and repeated reproduction of social orphanhood and deprived parenthood in migrant families.

Key words: social orphanhood, deprived parenthood, immigrant family, demographic security

For citation: Osadchaya G.I., Volkova O.A., Yudina T.N. Social orphanhood and deprived parenthood in a migrant family as a threat to demographic security: is there light at the end of the tunnel? *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2024;16(3):131–141. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-131-141>

Введение. Актуальность темы, поднимаемой в данной статье, состоит в распространении явлений социального сиротства и депривированного родительства вследствие трудовой миграции членов семьи. Расширение масштабов трудовой миграции людей трудоспособного возраста, социального сиротства и депривированного родительства представляет угрозу для детей и их родителей, для всей семьи, а также и для демографической безопасности стран исхода и приема.

Злободневность темы обозначена в документах ООН, где сирота рассматривается как ребенок, который «теряет одного или обоих родителей до достижения 18-летнего возраста» [10]. В научной литературе, как и в документах ООН, кроме биологических сирот выделяются социальные сироты. Это такие дети, у которых только один родитель (мать или отец) или даже оба живы, однако несовершеннолетние живут, не получая соответствующей заботы. Эти дети «формально имеют родителей, но в силу социальных, экономических, морально-психологических и физических причин фактически лишены родительской опеки» [5, с. 64]. По оценкам ООН, в последние годы около 6,5% детского населения планеты являются сиротами (либо биологическими, либо социальными) [10]. Одной из причин усугубления данной негативной ситуации является трудовая миграция родителей, которые сами находятся в позиции родительско-детского отчуждения, социальной депривации [4].

Социальная депривация представляет собой «скудность и количество социальных связей, характеризующих личность, а также их низкое качество» [8]. Трудовые мигранты, имеющие несовершеннолетних детей, с социальной, в особенности с родительской точки зрения, оказываются

исключенными от сети повседневных очных родительско-детских отношений и взаимодействий. Социальная депривация родителей проявляется в ограниченности контактов с семьей [11], недостатке проявления заботы по отношению к детям, в ограничении дочерей и сыновей к образовательным и медико-социальным и др.

Такие явления, как социальное сиротство и родительская депривация характерны для разных стран мира. К примеру, в Кыргызстане в 2022 г. было проведено тематическое исследование. В его результате было обнаружено, что в стране в целом проживает 88 034 детей трудовых мигрантов, которые уехали на заработки в другие регионы Кыргызстана или в рубежные страны. Соответственно, доля детей, родителями которых являются внутренние трудовые мигранты Кыргызстана, представляет собой 14 448 (16,5%), а внешних мигрантов-кыргызов – 73 546 (83,5%). Более того, получены уточненные данные о проживании несовершеннолетних. Так, 5400 мальчиков и девочек были оставлены и проживали у чужих людей, которые не являлись им родственниками по какой-либо линии.

Из числа выявленных детей родителей-мигрантов переданы под предварительную опеку 863 ребенка, под опеку/попечительство по решению суда – 256, переданы в приемные семьи – 28, направлены в интернатные учреждения 24 ребенка. С семьями выявленных детей родителей-мигрантов проводится разъяснительная работа о необходимости оформления опеки над детьми [2].

Так, социальное сиротство и депривированное родительство в семьях мигрантов вследствие их больших масштабов рассматриваются в качестве угрозы демографической безопасности на уровне

родителя или ребенка, семьи в целом, а также стран исхода и приема.

Методы. В статье использованы данные научно-практических проектов, реализованных авторами статьи в течение 2022–2024 гг. Исследование проведено на примере трудовых мигрантов-кыргызов.

Во-первых, в статье привлечены данные анкетного опроса возвратных трудовых мигрантов-кыргызов, которые работали в России, а затем вернулись в Кыргызстан. Опрос проведен в Кыргызстане в 2022–2023 гг.; применялась выборка снежного кома; опрошено 515 человек.

Во-вторых, использованы материалы полуструктурированного интервью

трудовых мигрантов, которые работали в России. Опрос проведен в Москве и Московской области в 2022–2023 гг.; реализовывалась выборка снежного кома; опрошено 107 трудовых мигрантов.

В-третьих, проводился количественно-качественный контент-анализ случаев, изложенных в эссе, собранных научным коллективом в 2024 г. при проведении конкурсных работ по теме семейной миграции.

Результаты. Трудовые мигранты высоко ценят семью и в основном имеют позитивные взаимоотношения в ней, что видно из результатов проведенного опроса (рис. 1).

Рис. 1. Самооценка возвратными мигрантами-кыргызами взаимоотношений в семье (распределение по полу), % опрошенных

Итак, среди возвратных мигрантов мужчины-кыргызы оценивают свои взаимоотношения в собственной семье в Кыргызстане как хорошие немного чаще (73,4%), чем женщины-кыргызки (70,5%). При этом у представительниц женского пола больше удовлетворительных ответов, чем у мужского. Наблюдается разница в самооценке возвратными мигрантами-кыргызами взаимоотношений в семье и в зависимости от возраста (рис. 2).

В возрастах 46–65 и 26–45 лет респонденты чаще оценивают семейные взаимоотношения как позитивные (соответственно 85,2% и 73,3%). Однако при этом плохие семейные взаимоотношения наиболее

часто отмечаются у возвратных мигрантов и мигранток в возрасте 66–75 лет. Как показывают результаты корреляционного анализа, помимо пола и возраста, взгляд респондентов на семейную ситуацию зависит от уровня образования (рис. 3).

На диаграмме отражено, что наличие ученой степени оказывает позитивное воздействие на качество взаимоотношений в семье мигранта (87,5%). Выявлено, что имеется определенная корреляция: чем выше уровень образования, тем положительнее оценивается удовлетворенность семейными взаимоотношениями.

Сама ситуация миграции, судя по анализу материалов интервью и эссе,

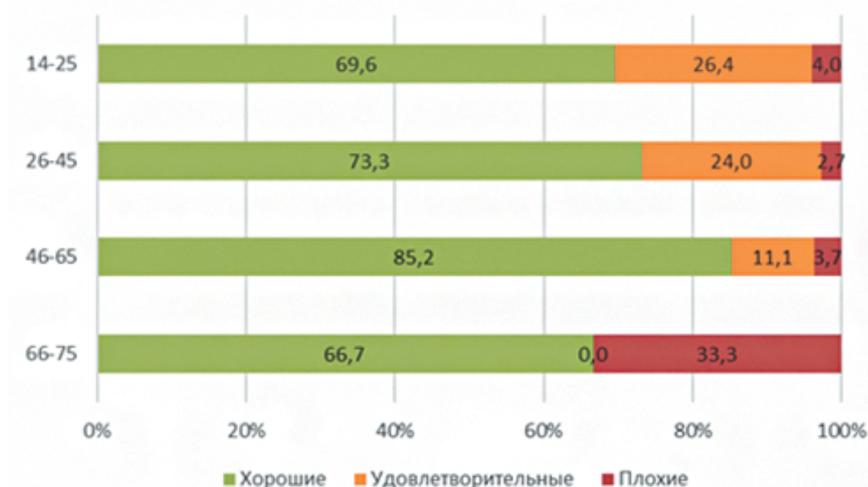

Рис. 2. Самооценка возвратными мигрантами-кыргызами взаимоотношений в семье (распределение по возрасту), % опрошенных

Рис. 3. Самооценка возвратными мигрантами-кыргызами взаимоотношений в семье (распределение по уровню образования), % опрошенных

отражает наличие характеристик социального сиротства и депривированного родительства в семьях мигранта, рассматривается как угроза демографической безопасности. Трудовые мигранты – участники интервью, проведенного в Москве и области, – говорят о том, что дети остались и живут на родине.

[Все члены семьи остались там: жена, двое моих детей, внуки. Я один здесь работаю. Три месяца работаю и месяц

нахожусь дома. Работаем вахтенным методом] (муж., 32 года).

[Приехал один. Семья осталась в Кыргызстане] (муж., 20 лет).

[В Россию приехал один. На родине осталась семья: жена и дети] (муж., 39 лет).

[Переехал один, остались на родине мама, брат, супруга и ребенок] (муж., 46 лет).

[С женой. На родине осталось двое

несовершеннолетних детей, семилетняя дочь и пятилетний сын. Дети живут с моими родителями] (муж., 36 лет).

Возникает сложная ситуация, так как пожилые дедушки и бабушки иногда испытывают сложности с самообслуживанием, а с внуками им справляться еще сложнее [9]. Возникают пропуски занятий в школе, снижение успеваемости, появляются проблемы с законопослушностью.

Но иногда дети мигрантов остаются жить с людьми, которые не являются для них родственниками. Уровень безопасности мигрантских детей, которые остаются жить с чужими людьми, снижается [1]. Эксперты характеризуют данные случаи крайне негативно. «Убийства с особой жестокостью происходили именно в тех семьях, где матери оставили своих малолетних детей у родственников, а сами находились в трудовой миграции. И, когда мы начали выяснять, оказалось, что у одного ребенка мать сама была полной сиротой и оставила у мачехи своего ребенка. А в другом случае малыша оставили у снохи» [3] (руководитель общественной организации в Кыргызстане).

Эмоционально-психологические переживания родителей отражают депривацию [7]. В интервью трудовые мигранты показывали свои эмоции, связанные с переживаниями о разлуке с родственниками.

[Положительная реакция была и у моей жены, и детей. Они согласились на то, чтобы я ездил сюда работать] (муж., 45 лет).

[С трудностями не сталкивался, только дети на родине, жить вдали от них тяжело] (муж., 37 лет).

[Нет, трудностей особенных не возникает, ничего не забыто на родине, там и родственники, и дети. Поэтому каждый приезд – это радость и счастье] (жен., 49 лет).

[Каждый год тянет туда, хочется к теплу, где искупаться можно. Дети, конечно, ждут, тоскуют] (муж., 45 лет).

Свои отрицательные эмоции и переживания излагают в своих эссе дети трудовых мигрантов.

[Впервые я столкнулась с миграцией в нашей семье, когда мне было 14 лет, а моему брату 12. Отъезд отца на нас сильно повлиял. Будучи подростками, которые всю жизнь провели с обоими родителями рядом, нам было трудно адаптироваться к жизни, где отсутствует наш отец. Телефонные звонки и разговоры не могли компенсировать нехватку внимания со стороны папы, и я все больше замыкалась в себе. Несмотря на то, что наши финансовые трудности сократились, и мы могли позволить себе больше, чем могли раньше, трудностей в семье меньше не стало. Моя мама не могла справиться с домашними делами в одиночку и работать одновременно. Мы с братом всячески помогали, но этого было недостаточно. В доме не хватало мужской руки, и моему младшему брату пришлось рано повзрослеть. Он делал всю мужскую работу по дому. Мне тоже было непросто, когда у моей мамы начались проблемы со здоровьем, я остро ощутила, как нам сильно не хватало отца в нашей жизни] (Эссе № 3).

[У нас с сестрой нет воспоминаний, где мама читает нам сказки, мы сами читали свои сказки, которые нам покупали или где папа ходит с нами по паркам. То, что осталось в моей памяти, особенно ярко, это только единственная фотография моего детства, где мы с сестрой стоим с голубями в руках, а сзади нас родители] (Эссе № 8).

Трудовые мигранты в своих интервью отмечают бедность, которая послужила причиной проживания в разных регионах.

[Там нету работы, чтобы кормить маму, папу, детей. Мало платят. Поэтому сюда приехал. Друзья и родственники отнеслись нормально, нет жалоб. Они были рады тому, что я поехал в Россию] (муж., 37 лет).

Данная ситуация отражается в эссе детей мигрантов.

[Миграция оказала значительное влияние на жизнь моей семьи. Она помогла нам обеспечить себя и получить лучшее образование и работу. Однако она также привела к разрыву семейных связей и некоторым социальным и экономическим трудностям] (Эссе № 3).

[Сложности с работой и личные проблемы давались отцу нелегко, и та сумма, которую он нам отправлял, по моему мнению, не стоила тех переживаний и сложностей, через которые пришлось пройти моей семье] (Эссе № 3).

В исследовании, проведенном Л. Саралаевой в Кыргызстане, приводятся высказывания ребенка мигрантки на эту тему: «Несмотря на то, что в детском доме было тоскливо и тяжело, я не жалею, что попал в интернат. Думаю, если бы остался с мамой, то моя жизнь была тяжелее. Не хватало денег на еду и одежду» [3]; «Сначала мы жили дома с мамой, папы у нас не было. Мама не могла нас обеспечивать. Потом комиссия из мэрии приехала к нам домой, посмотрела, в каких условиях мы живем, и решили нас с сестрой отправить в интернат. Мне было 6 лет, а сестре 7. Мама уехала в Турцию. Обещала, как только заработает денег, вернется и постарается купить дом. С тех пор прошло 10 лет» [3].

Ситуацию негативно характеризуют эксперты: «И когда они возвращаются в страну с кучей долгов, без накоплений, то сталкиваются с другой, ещё более сложной проблемой: здесь, на родине, у них вырастают брошенные дети, у которых и со здоровьем, и с учебной проблемы» [3] (руководитель общественной организации в Кыргызстане).

Однако трудовые мигранты, судя по интервью, стараются использовать любую возможность, чтобы пообщаться с родственниками, в первую очередь с детьми. Они ощущают на себе депривированное родительство.

[Ну, жена, дети, родители, все там, я один просто здесь. Или они приезжают

ко мне или я езжу, вот так вот] (муж., 44 года).

[Да, конечно, я постоянно общаюсь с детьми, с внуками и вижу их и по Ватсапу, и по Вайберу, обязательно, конечно, созваниваемся. Меня интересует, как и что там в моей стране происходит, а как же, обязательно с детьми созваниваюсь, и они мне рассказывают] (жен., 54 года).

[Раз в год отпуск беру за свой счет. Работаю парикмахером. Коммерческая организация, свои правила, вот за свой счет брать. По детям-то скучаешь, по родине очень скучаешь тоже. Так и езжу] (муж., 45 года).

[Да, я уже 4 раза я возвращался там. Там, не знаю, я чувствую как обычно, когда возвращаюсь домой. Ну... где-то само много 3 месяца там остался, когда уже мез денег. Когда закончились деньги, я видел, трудно там, конечно, работать. Потому что у меня уже двое детей, прокормить надо, обеспечивать надо] (муж., 30 лет).

[Я туда просто приезжаю в гости, побуду там с родителями, с детьми и приезжаю обратно на заработки] (муж., 42 года).

В эссе дети мигрантов характеризуют редкие встречи с родителями по-своему.

[Мне было 4, когда мои родители уехали на заработки, как я помню, с тех пор прошло больше 10 лет. Пока я училась в начальной школе, раз в год родители прилетали в отпуск, примерно на месяц. Мы ездили на озеро Иссык-Куль на пару дней и в город Ош, также на пару дней. В эти короткие каникулы мне казалось, что мы – такая же обычная счастливая семья] (Эссе № 8).

Опрошенные трудовые мигранты в своих интервью выражают беспокойство о том, что их дети не получают соответствующего повседневного родительского воспитания.

[Сначала один приехал, потом с женой сюда вернулся. Она тоже здесь полгода работает, потом обратно на родину

уезжает, потому что там трое детей, их воспитывать надо] (муж., 48 лет).

[Да, периодически возвращаюсь из-за того, что детей надо воспитывать и с документами определенные моменты есть] (муж., 37 лет).

В своих эссе дети мигрантов также высказываются о проявлениях социального сиротства и депривированного родительства.

[В детстве, на одном из школьных собраний, моя одноклассница спросила, есть ли у меня папа? Потому что он никогда не был на родительских собраниях моей школы. Не знаю, может, я сама начала сомневаться, есть ли у меня отец, а может, мне просто было обидно, я не знаю] (Эссе № 8).

Депривированное родительство объясняется экономической необходимостью в обеспечении жизни детей. Трудовые мигранты ощущают свою ответственность как перед собственными сыновьями и дочерьми, так и перед своими пожилыми родителями.

[Зарабатываю деньги, трачу на себя, стараюсь мало тратить, я-то одна, что там мне надо-то. Но в основном все деньги отсылаю детям, для них работаю] (жен., 54 года).

[Но преимущества в том, что они приезжают, работают, деньги есть у них, им хорошо здесь, потому что работают, получают деньги. И отправляют содержать родителей, своих детей] (муж., 42 года).

Информанты, у которых были взяты интервью, отмечают наличие у себя двойной гражданской идентичности (со странами исхода и приема), но рассматривают собственную семью как ключевую причину для возвращения на родину.

[Я воспринимаю себя как гражданина двух стран, потому что здесь я зарабатываю, а там у меня семья, дети] (муж., 37 лет).

[Не знаю... Если тут будет тяжело зарабатывать, да, потому что там у меня

семья, дети... А так. Тут да, тут комфортно. Все нормально] (муж., 27 лет).

Многие трудовые мигранты стремятся к тому, чтобы перевезти своих детей в страну миграции. И это им со временем удается.

[Возможно, в перспективе я бы хотела перевести сюда детей, потому что в России больше возможностей в принципе, и тогда стала бы гражданкой России] (жен., 49 лет).

[Не хватало денег, у нас дом, мы не можем никак его построить. Семья большая. Сестра моя больная тоже и брат больной, и двое детей, и зятья, денег не хватает, пятеро внуков. Я решила так сама. Ну не совсем они, конечно, соглашались, потому что я там основная, я им всем помогаю. Ну, я так решила – они меня поддержали. Младшая дочь сказала, вот придет и будет здесь со мной] (жен., 54 года).

[Сначала на два года я один приехал. Потом жена в 2013 году приехала. Потом ещё через два года дети приехали здесь учиться. Сейчас они уже окончили школу. С женой и с детьми живём здесь, работаем. Члены семьи нормально восприняли. В Россию недалеко] (муж., 40 лет).

[Пока что нет. В ближайшее время нет. Вот уже 4–5 лет мы здесь и пока не хотим. Вот сейчас дети приехали, с детьми 4–5 лет мы никуда не ездим] (жен., 35 лет).

Однако не всегда получается воссоединить семью, и тогда ситуация превращается в перманентно текущую, что отражается в эссе детей мигрантов.

[Если в детстве тебе просто больно, с годами ты привыкаешь и начинаешь контролировать это, то на третьем этапе ты уже становишься более-менее бесчувственным именно к тем, кто, казалось-бы, должен быть ближе всего, именно родные, близкие, папа, мама] (Эссе № 8).

Дети оказываются в институциональной системе социальной защиты. [6]. Эк-

сперты отмечают, что ключевой социальной негатив и угроза демографической безопасности состоит в воспроизводстве социального сиротства и депривированного родительства: «Часто дети трудовых мигрантов повторяют судьбы своих родителей. И уезжают в трудовую миграцию, оставив своих малолетних детей родственникам или в тех же детских домах, в которых выросли сами» [3] (руководитель общественной организации в Кыргызстане).

Но сами дети мигрантов не хотели бы подобной детской доли для собственных сыновей и дочерей. Они пытаются с позитивом смотреть в будущее. Так, в исследовании, осуществленном Л. Саралаевой в Кыргызстане, приводится мнение сына мигрантки на эту тему: «Я прошел через все это и не хочу, чтобы мои дети через это проходили. Я постараюсь заработать деньги на жизнь, а потом только заводить семью и детей» [3]. Подобная позиция может привести к родительству, отложенному во времени, а вследствие этого к уменьшению вероятности сохранения репродуктивного здоровья.

Так, усиливающаяся трудовая миграция способствует воспроизводству социального сиротства и депривированного родительства, а сами мигранты, их дети и эксперты рассматривают данные явления как угрозу демографической безопасности.

Заключение. Так, социальное сиротство и депривированное родительство в

семьях мигрантов вследствие больших масштабов, в которых осуществляются данные явления, рассматриваются в качестве угрозы демографической безопасности на нескольких уровнях: родителя или ребенка, семьи в целом, а также стран исхода и приема.

Когда дети мигрантов остаются с пожилыми прародителями, то может возникнуть сложная ситуация, так как дедушки и бабушки иногда испытывают сложности с самообслуживанием, а с внуками им справляться вдвое сложнее. У детей начинаются пропуски занятий в школе, снижается учебная успеваемость, не формируется культура общения, появляются проблемы с законопослушностью.

В случаях, когда дети мигрантов остаются жить с людьми, которые не являются для них родственниками, уровень безопасности несовершеннолетних значительно снижается.

Социальное сиротство взаимосвязано с депривированным родительством, так как трудовые мигранты ощущают свою ответственность как перед собственными сыновьями и дочерьми, так и перед своими пожилыми родителями.

Ключевой социальной негатив состоит в воспроизводстве социального сиротства и депривированного родительства, тем более что сами мигранты, их дети и эксперты рассматривают данные явления как угрозу демографической безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисов С.Н., Волкова О.А., Бессчетнова О.В., Доля Р.Ю. Домашнее насилие как фактор нарушения социального и психического здоровья // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28, № 1. С. 68-73. DOI 10.32687/0869-866X-2020-28-1-68-73.
2. Минтруда и соцобеспечения выявило 5,4 тыс детей мигрантов, проживающих без опеки не у родственников [Электронный ресурс]. URL: <https://mlsp.gov.kg>.
3. Саралаева Л. Дети трудовых мигрантов – социальные сироты [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nlkg.kg/ru/projects/sociologiya/deti-trudovyx-migrantov--socialnye-sirotu>.
4. Сиюхова А.М., Овсянникова Т.А. Массовая депривация свободы в условиях новых глобальных кризисов санитарно-эпидемиологического характера и социокультурные факторы эффективного противодействия ей // Национальная безопасность / Nota Bene. 2020. № 4. С. 43-55. DOI 10.7256/2454-0668.2020.4.33548.

5. Хабиева З.Д. Социальная сирота: сущность понятия, причины возникновения // *Colloquium-Journal*. 2019. № 24-9(48). С. 64-65.
6. Amuedo-Dorantes C., Arenas-Arroyo E. Immigration enforcement and Children's living arrangements // *Journal of Policy Analysis and Management*. 2019. Vol. 38(1). P. 11-40. DOI: 10.1002/pam.22106.
7. Brabeck K.M., Sibley E. Immigrant parent legal status, parent-child relationships, and child social emotional wellbeing: A middle childhood perspective // *Journal of Child and Family Studies*. 2016. Vol. 25(4). P. 1155-1167. DOI: 10.1007/s10826-015-0314-4.
8. Enrico I., Ciacci A. Social Deprivation. In book: Wiley Stats Ref: Statistics Reference Online, 2021. P. 45-69. DOI: 10.1002/9781118445112.stat08105.
9. Foner N., Dreby J. Relations between the generations in immigrant families // *Annual Review of Sociology*. 2011. Vol. 37. P. 545-564. 10.1146/annurev-soc-081309-150030.
10. Orphans. UNICEF [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unicef.org/media/orphans>.
11. Van Hook J., Glick J.E. Spanning borders, cultures, and generations: a decade of research on immigrant families // *J Marriage Fam*. 2020. Vol. 82 (1). P. 224-243. DOI: 10.1111/jomf.12621.

REFERENCES

1. Borisov S. N., Volkova O. A., Besschetnova O. V., Dolya R. Yu. The domestic violence as factor of disorder of social and mental health. *Problemi socialnoi gigieni, zdravookhranenia i istorii meditsini*. 2020. Vol. 28, Issue 1. P. 68-73 (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-1-68-73>
2. The Ministry of Labor and Social Security identified 5.4 thousand migrant children living without guardianship with relatives [Electronic resource] // Ministry of Labor, Social Security and Migration of the Kyrgyz Republic. URL: <https://mlsp.gov.kg>.
3. Saralaeva L. Children of labor migrants – social orphans [Electronic resource]. URL: <https://www.nlkg.kg/ru/projects/sociologiya/deti-trudovyx-migrantov--socialnye-sirotы>.
4. Siyukhova A.M., Ovsyannikova T.A. Mass deprivation of freedom in the context of new crises of a sanitary-epidemiological nature and socio-cultural factors provide effective counteraction to it // *National Security / Nota Bene*. 2020. Issue 4. P. 43-55. DOI 10.7256/2454-0668.2020.4.33548.
5. Khabieva Z.D. Social orphan: the essence of the concept, reasons for its occurrence // *Colloquium-Journal*. 2019. Issue 24-9(48). P. 64-65.
6. Amuedo-Dorantes C., Arenas-Arroyo E. Immigration enforcement and Children's living arrangements // *Journal of Policy Analysis and Management*. 2019. Vol. 38 (1). P. 11-40. DOI: 10.1002/pam.22106.
7. Brabeck K.M., Sibley E. Immigrant parent legal status, parent-child relationships, and child social emotional wellbeing: A middle childhood perspective // *Journal of Child and Family Studies*. 2016. Vol. 25 (4). P. 1155-1167. DOI: 10.1007/s10826-015-0314-4.
8. Enrico I., Ciacci A. Social Deprivation. In book: Wiley Stats Ref: Statistics Reference Online. 2021. P. 45-69. DOI: 10.1002/9781118445112.stat08105.
9. Foner N., Dreby J. Relations between the generations in immigrant families // *Annual Review of Sociology*. 2011. Vol. 37. P. 545-564. 10.1146/annurev-soc-081309-150030.
10. Orphans. UNICEF [Electronic resource]. URL: <https://www.unicef.org/media/orphans>.
11. Van Hook J., Glick J.E. Spanning borders, cultures, and generations: a decade of research on immigrant families // *J Marriage Fam*. 2020. Vol. 82(1). P. 224-243. DOI: 10.1111/jomf.12621.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declares no conflict of interests

Информация об авторах

Осадчая Галина Ивановна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: osadchaya111@gmail.com

Волкова Ольга Александровна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: volkovaoa@rambler.ru

Юдина Татьяна Николаевна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: ioudinatn@mail.ru

Information about the authors

Galina I. Osadchaya Dr Sci. (Sociology), Professor, Senior Researcher, the Institute for Demographic Research, FSRSC RAS, Moscow, the Russian Federation,
e-mail: osadchaya111@gmail.com

Olga A. Volkova, Dr Sci. (Sociology), Professor, Senior Researcher, the Institute for Demographic Research, FSRSC RAS, Moscow, the Russian Federation,
e-mail: volkovaoa@rambler.ru

Tatyana N. Yudina, Dr Sci. (Sociology), Professor, Senior Researcher, the Institute for Demographic Research, FSRSC RAS, Moscow, the Russian Federation,
e-mail: ioudinatn@mail.ru

**Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
All authors have read and approved the final manuscript.**

Поступила в редакцию 01.06.2024
Поступила после рецензирования 12.07.2024
Принята к публикации 19.07.2024
Received 01.06.2024
Revised 12.07.2024
Accepted 19.07.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-142-150>

УДК 316.354.4:004.4

© Плескач Л.В., 2024

Л.В. Плескач
Модель волонтерской деятельности
в рамках методологии IDEF0

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь, Российская Федерация
larisapleskach@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловливается развитием гражданского общества в России, выражающемся, в частности, в активности участия граждан в добровольческом движении для решения социально значимых задач совместно с государством, бизнесом и некоммерческими организациями, чье участие не ограничивается лишь нормативным регулированием или финансовым обеспечением волонтерства.

Потребность в решении данного вопроса определила проблему исследования, которая заключается в недостаточной систематизации факторов, влияющих на волонтерскую деятельность, для определения способов взаимодействия различных подсистем общества с данным процессом, а также выделения среди указанных факторов тех, которые являются управляющими.

Целью исследования является построение модели, которая отражает механизмы взаимодействия между подсистемами общества и волонтерской деятельностью, связанные с ее ресурсным обеспечением, целеполаганием, результатами и, в особенности, с социальными регуляторами.

Основным **методом** исследования является анализ существующих научных взглядов на волонтерскую деятельность в контексте методологии IDEF0.

Результатом исследования является разработанная с применением системного подхода модель волонтерской деятельности, которая, в отличие от существующих, позволяет упорядочить, сгруппировать и классифицировать процессы целеполагания, оценки результатов, ресурсного обеспечения добровольческой деятельности, а также обозначить факторы социального регулирования ею в качестве управляющих.

Ключевые выводы: модель, построенная автором, иллюстрирует различия между управляющими и ресурсными факторами, определяет необходимый комплекс условий для осуществления добровольческой деятельности, позволяет оценить особенности участия в волонтерской деятельности как государства, бизнеса и некоммерческого сектора, так и общества в целом.

Ключевые слова: добровольчество, волонтерство, управленческое воздействие, моделирование процессов, IDEF0, волонтерская деятельность, модель добровольческой деятельности, социальные регуляторы

Для цитирования: Плескач Л.В. Модель волонтерской деятельности в рамках методологии IDEF0. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2024;16(3):142–150. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-142-150>

L.V. Pleskach

Model of volunteering in the IDEF0 methodology

*Perm State Humanitarian Pedagogical University,
Perm, the Russian Federation, larisapleskach@mail.ru*

Abstract. The relevance of the research is determined by the development of civil society in Russia, expressed, in particular, in the active participation of citizens in the volunteer movement to solve socially significant problems together with the state, business and non-profit organizations, whose participation is not limited only to regulatory regulation or financial support for volunteering.

The need to solve this issue determined the research problem, which is the insufficient systematization of factors influencing volunteer activity to determine ways of interaction of various subsystems of society with this process, as well as identifying controlling factors.

The goal of the research is to build a model that reflects the mechanisms of interaction between the subsystems of society and volunteer activities related to its resource provision, goal setting, results and, in particular, social regulators.

The main research method is the analysis of existing scientific views on volunteering in the context of the IDEF0 methodology.

The result of the research is a model of volunteer activity developed using a systematic approach, which, unlike existing ones, allows us to streamline, group and classify the processes of goal setting, evaluation of results, resource provision of volunteer activity, and also to identify factors of social regulation.

The key conclusions: the model constructed by the author illustrates the differences between control and resource factors, defines the necessary set of conditions for the implementation of volunteer activities, allows us to assess the features of participation in volunteer activities of both the state, business and non-profit sector, and society as a whole.

Key words: volunteering activities, volunteering, management influence, process modeling, IDEF0, volunteering, model of volunteering, social regulators

For citation: Pleskach L.V. Model of volunteering in the IDEF0 methodology. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2024;16(3):142–150. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-142-150>

Введение. Добровольчество, называемое также волонтерством, представляет собой чрезвычайно интересный феномен, позволяющий искать решения различных социальных задач, встающих перед обществом. Развитие данного феномена и его институционализация определили необходимость его выделения в качестве самостоятельного объекта научного исследования. На сегодняшний день добро-

вольчество активно изучается различными отраслями науки с использованием множества методологических подходов.

С точки зрения социологии управления одной из важных научных задач в данной области является рассмотрение элементов управляющего воздействия, целеполагания, определение функции и значимости механизмов социального регулирования добровольчества. Это необхо-

димо для налаживания эффективного взаимодействия как внутри добровольческих организаций, так и при их взаимодействии с актуальными социальными институтами общества, государством, коммерческими и некоммерческими организациями. Это позволит добровольчеству развиваться не только самостоятельно, но и стать ценным источником для прогрессивного развития социальных отношений. Для определения управляющего воздействия элементов и составления целостной модели добровольческой деятельности важно определить условия, оказывающие влияние на организацию добровольчества в обществе.

Основная часть. М.В. Певная отмечает, что большинство теоретических исследований волонтерства проводятся с преимущественным использованием лишь методологий, связанных с конкретными отраслями науки, при этом межпредметные подходы к изучению проблемной области представлены в работах исследователей либо выборочно, либо фрагментарно, что влечет за собой трудности формирования системного взгляда в исследованиях [1, с. 89]. При этом использование системного подхода целесообразно, так как именно он позволяет выявить механизмы взаимодействия различных подсистем общества и определить среди них роль и место добровольческого движения.

Попытки исследований в рамках блок-схематического моделирования процесса управления волонтерами предпринимались Н. Мазланом, Ш. Саед Ахмад и М. Камалрудин для описания процесса отбора добровольцев на основе краудсорсингового подхода [2, с. 745, 748]. Однако направление исследований этих авторов имеет выраженный менеджерский характер, сфокусировано непосредственно на решении конкретной задачи оптимизации поиска волонтеров и не учитывает социологических особенностей подхода к процессу управления институтом добровольчества.

Наиболее известную процессную модель волонтерства [3, с. 679] предложили

ученые А. Омото и М. Снайдер, при этом основное внимание в их работе уделялось двум факторам: удовлетворенности волонтерской деятельностью и организационной интеграции. Впоследствии М. Давила исследовала причинно-следственные связи внутри процессной модели А. Омото и М. Снайдера на примере экологического добровольчества, однако ее подход отличался психологической направленностью исследований и касался изучения мотивации добровольцев, проявления эмпатии, ощущения удовлетворенности, чувства организационной интеграции. Социальный компонент в работе М. Давила был представлен лишь на уровне социального одобрения и поддержки волонтерской деятельности коллегами респондентов, их семьями и друзьями и был обозначен как фактор, влияющий на продолжительность добровольческой деятельности индивида [4, с. 185].

В процессном подходе к изучению добровольческой деятельности исследователи Г. Стефан, Т. Винер и Г. Миг придерживаются точки зрения о значимости не только внутренней мотивации волонтера и принятых им обязательств, но и ролевой идентичности, различая при этом общую ролевую идентичность волонтера и ролевую идентичность, присущую волонтерской организации [5, с. 19]. Следует отметить, что научная модель волонтерской деятельности Г. Стефана, Т. Винера и Г. Мига не раскрывает факторов влияния среды, регуляторного воздействия и ресурсной обеспеченности добровольчества, что является существенным недостатком при рассмотрении социального феномена волонтерства с точки зрения системного подхода.

Одним из перспективных подходов к моделированию структуры взаимосвязей в рамках теории системного анализа является методология IDEF0, позволяющая формализовать связи исследуемых систем и их внешнего окружения с использованием графической нотации.

Данная методология была разработана в середине 1970-х гг. XX в. и была предложена военно-воздушными силами США для реализации программы автоматизации промышленных предприятий ICAM (Integrated Computer Aided Manufacturing) [6, с. 2]. В дальнейшем моделирование с использованием IDEF0 нашло применение и во многих областях социальных наук, в том числе при анализе эффективности ключевых элементов, сильных и основных слабых сторон организации по оказанию добровольческой помощи при ликвидации стихийных бедствий [7, с. 551-559], а также определения эффективности управления волонтерской деятельностью в некоммерческой организации [8, с. 265-268].

Любая система в рамках функциональной модели IDEF0 представляет собой набор блоков (структурных компонентов системы), каждый из которых может быть соединен с другими связями четырех типов:

- входящими (input) – вызывающими начало работы компонента;
- исходящими (output) – выводящими результат работы компонента;
- контроля (control) – реализующими механизмы управления компонентом;
- ресурсов (resources) – отражающими обеспечение процесса работы компонента необходимыми ресурсами.

При этом компонент обозначается прямоугольником, а связи – стрелками. Тип связи относительно рассматриваемого компонента определяется местоположением точки вхождения или выхода стрелки: сверху объекта находятся связи управления, снизу – ресурсов, слева – входящие, справа – исходящие.

Таким образом, для описания волонтерской деятельности в рамках методологии IDEF0 необходимо определить то, что в рамках гражданского общества как родительской системы обуславливает активизацию данной деятельности, каковы ее результаты, какие ресурсы для нее необходимы и что ее регулирует.

Учитывая разнообразие форм, видов и точек приложения добровольчества [9, с. 25-26], условия, обуславливающие начало волонтерской деятельности, можно в общем случае выразить лишь абстрактными категориями, определяющими любую целенаправленную деятельность: объектом, предметом и целью.

Соответственно, результатом данной деятельности является общественное благо, выраженное в преобразовании объекта. Наиболее распространенным и общепризнанным подходом в идентификации общественных благ является наличие следующих свойств: неисключаемость из потребления и неконкурентность в потреблении [10, с. 214].

Добровольчество может считаться одним из частных случаев экономической деятельности, так как преобразование объекта является производством блага, что не противоречит экономическому подходу к изучению добровольчества в странах Западной Европы [11, с. 146-148], Соединенных Штатов Америки [12, с. 223-224] и России [13, с. 36]. Поэтому для определения ресурсов, необходимых для осуществления добровольческой деятельности, по аналогии могут быть применены подходы, используемые в рамках экономической теории для классификации ресурсов предприятий и организаций [14, с. 3]. При этом в рамках большинства из указанных подходов в том или ином виде выделяют следующие виды ресурсов, необходимых для осуществления экономической деятельности:

- трудовые – производительная сила организации, к которой относятся работники, обладающие необходимыми знаниями, умениями и навыками;
- материальные – материально-техническая база, к которой относятся средства и предметы труда, основной и оборотный капитал, земля и энергия;
- финансовые – денежные средства, находящиеся в распоряжении предприятия, которые могут быть получены из

собственных, заемных и привлеченных источников;

- нематериальные – представляют собой элементы производственного потенциала, для которых характерно отсутствие материальной формы, к которым можно отнести, в частности, программное обеспечение, базы данных, промышленные технологии, изобретения и другие объекты, признанные интеллектуальной собственностью.

Волонтерская деятельность, целью которой является создание общественного блага, то есть деятельность целе- или ценностноориентированная и ориентированная на поведение других людей, является по мнению А. Омото и М. Снайдера социальным действием [15, с. 27-56], поэтому в качестве управляющих ею механизмов выступают социальные регуляторы, наиболее развитая и универсальная теория которых была разработана Н.Л. Захаровым [16, с.

9-28]. В соответствии с ней выделяются три социальных регулятора:

1) поведенческий – стереотип поведения, тем или иным образом закрепившийся в процессе взаимодействия индивидов в обществе и настраивающий всех индивидов действовать в соответствии с ним.

2) статусный – структура самоорганизации общества, во-первых, соответствующая стереотипу поведения, во-вторых, поддерживающая его и, в-третьих, являющаяся предпосылкой формы социального управления.

3) этический – функция форматирования индивидов, обуславливающая функционирование двух других социальных регуляторов (поведенческого и статусного).

Таким образом, модель волонтерской деятельности в рамках методологии IDEF0 может быть представлена в виде схемы, приведенной на рисунке 1.

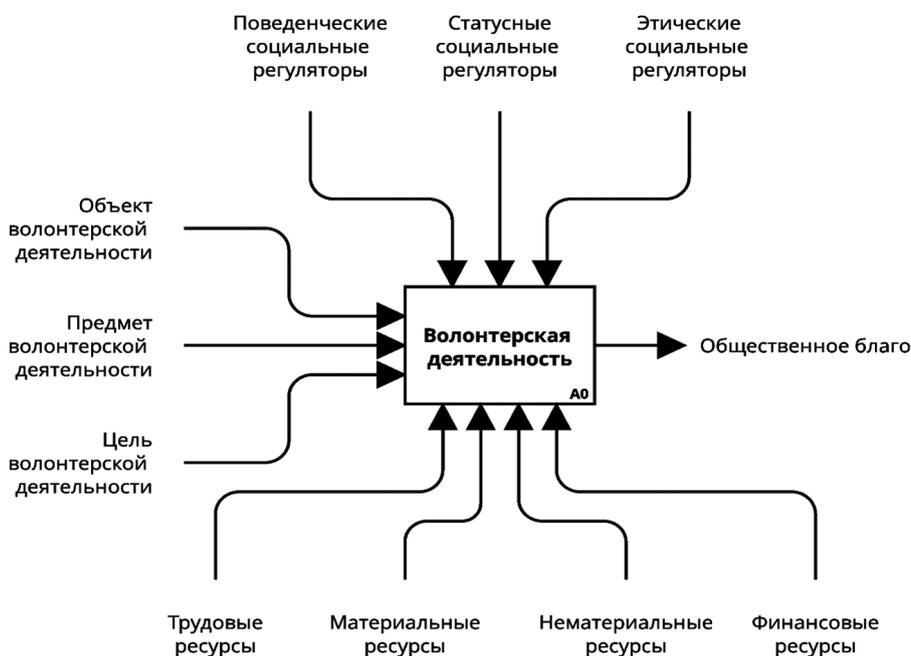

Рис. 1. Модель волонтерской деятельности в рамках методологии IDEF0

Волонтерская деятельность осуществляется в рамках социальной структуры общества, включающей в себя ряд элементов, среди которых в качестве наиболее

значимых для добровольческого движения выделяются следующие [17, с. 154]:

- государство;
- бизнес;

- некоммерческие организации.

Также волонтерская деятельность может быть обусловлена потребностями общества в целом как родительской системы.

Данные четыре системы могут обуславливать начало деятельности, участвовать в управлении и обеспечении ее необходимыми ресурсами, однако результат ее работы – общественное благо – по определению предназначен исключительно для общества. В этом принципиальное отличие настоящего волонтерства от псевдоволонтерства, которое подразумевает присвоение создаваемых благ государством, бизнесом или некоммерческими организациями. Так, например, волонтеры, собирающие и передающие амуницию, технику и медикаменты участникам специальной военной операции, рассматривают их не как государственных служащих, а как защитников Отечества – неотъемлемую часть гражданского общества.

Объект, предмет и цель деятельности могут определяться как самим обществом, так и государством, бизнесом или некоммерческими организациями.

Поведенческие социальные регуляторы обеспечиваются прежде всего обществом в форме традиций и обычаев, а также государством в виде норм права. Также общество и государство являются основными источниками статуса волонтера. Этический регулятор в большей степени формируется обществом. Также, в случае если волонтерская деятельность является организованной и осуществляется на базе некоммерческой организации, последняя также может являться источником социальных регуляторов.

Материальные, нематериальные и финансовые ресурсы могут предоставляться как непосредственно обществом, так некоммерческими организациями и бизнесом, что часто принимает форму благотворительной деятельности. Государство также может участвовать в обеспечении волонтеров необходимыми ресурсами, при этом одной из наиболее развитых форм

такого обеспечения являются распространяемые за рубежом государственные программы.

Трудовые ресурсы предоставляются, как правило, непосредственно обществом путем свободного выбора его членом. Организованное волонтерство предполагает предоставление трудовых ресурсов некоммерческими организациями.

Одним из проблемных, часто обсуждаемых в научной литературе вопросов, связанных с добровольческой деятельностью, является вопрос о том, может ли являться волонтерством труд государственных служащих или работников коммерческого сектора, если объект, предмет и цель данной деятельности определяется работодателем. По мнению автора, в случае, если создаваемое социальное благо им не присваивается, указанная деятельность осуществляется строго в рамках рабочего времени, оплачивается как труд на рабочем месте, и отказ от нее не может привести к каким-либо санкциям, то работодатель, не дискриминируя каким-либо образом работника, лишь предоставляет ему время для того, чтобы он определенным образом, но при этом добровольно мог поучаствовать в создании общественного блага. Таким образом, данная деятельность по определению является добровольческой. Следовательно, источником трудовых ресурсов для волонтерской деятельности может быть не только общество и некоммерческие организации, но также государство и бизнес.

Заключение. Применение методологии IDEF0 для моделирования добровольческой деятельности позволило систематизировать существующие структурные компоненты системы, такие как объект, предмет и цель добровольческой деятельности, ее результаты, необходимые ресурсы и социальные регуляторы. Предложенная автором модель фактически определяет необходимый набор условий для осуществления добровольческой деятельности и разделяет факторы на управ-

ляющие и обеспечивающие управление системой. Так, неограниченное количество ресурсов не является единственным необходимым условием для реализации добровольчества, так как без механизмов социального регулирования волонтерской деятельности получение общественного блага не представляется возможным.

Моделирование добровольческой деятельности в рамках методологии IDEF0 и выделение факторов социального ре-

гулирования и ресурсного обеспечения позволяют решить несколько проблемных теоретических вопросов о сущности псевдovolонтерства и присвоении социального блага работодателем или государством. Кроме того, предложенная модель координирует родственные понятия благотворительности и добровольческой деятельности и позволяет определить точку взаимодействия волонтеров и благотворительных организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Певная М.В. Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 434 с.
2. Mazlan N., Syed Ahmad S.S., Kamalrudin M. Volunteer selection based on crowdsourcing approach. *Journal of Ambient Intelligence and Humanized Computing*. 2017. Vol. 9, No. 3. P. 743-753. doi:10.1007/s12652-017-0490-8.
3. Omoto A.M., Snyder M. Sustained helping without obligation: motivation, longevity of service, and perceived attitude change among AIDS volunteers. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 68, No.4. P. 671-686.
4. Dávila M. Celeste Assessment of The Volunteer Process Model in Environmental Volunteers. *Interamerican Journal of Psychology*. 2009. Vol. 43, No.1. P. 181-186.
5. Güntert S., Wehner T., Mieg H. Definition of Volunteer Work and a Model of Volunteer Activity. *Organizational, Motivational, and Cultural Contexts of Volunteering: The European View*. 2022. doi:10.1007/978-3-030-92817-9_1.
6. Presley A., Liles D.H. The use of IDEF0 for the design and specification of methodologies. *Proceedings of the 4th industrial engineering research conference*. 1995. P. 442-448.
7. Paciarotti C., Valiakhmetova I. Evaluating Disaster Operations Management: An Outcome-Process Integrated Approach. *Production and Operations Management*. 2021. Vol. 30, No. 2. P. 543-562. <https://doi.org/10.1111/poms.13280>.
8. Paciarotti C., Cesaroni A., Bevilacqua M. The management of spontaneous volunteers: a successful model from a flood emergency in Italy. *International Journal of Disaster Risk Reduction*. 2018. No. 31. P. 260-274. doi:10.1016/j.ijdr.2018.05.013
9. Глазкова Е.А. Формы осуществления волонтерской деятельности и виды волонтерства // *Право и государство: теория и практика*. 2019. № 2(170). С. 25-28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-osuschestvleniya-volonterskoy-deyatelnosti-i-vidy-volonterstva> (дата обращения: 24.04.2024).
10. Вахитова Л.Р., Кудрявцева К.В. Переосмысление понятия общественных благ в цифровую эпоху [Электронный ресурс] // *Экономика и экологический менеджмент*. 2020. № 2. С. 213-218. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pereosmyslenie-ponyatiya-obschestvennyh-blag-v-tsifrovuyu-epohu> (дата обращения: 24.04.2024).
11. Tilly Chris, Tilly Charles. *Work under capitalism*. New York: Routledge, 2018. 346 p.
12. Salamon L.M., Sokolowski S.W., Haddock M.A. Measuring the economic value of volunteer work globally: concepts, estimates and a roadmap to the future. *Annals of Public and Cooperative Economics*. 2011. Vol. 82, No. 3. P. 217-252. doi:10.1111/j.1467-8292.2011.00437.x.
13. Иванова-Швец Л.Н., Иванов А.Л. К вопросу о волонтерстве как категории экономики труда // *Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России*. 2016. № 2. С. 31-37.

14. Голованова Н.Б., Горина Т.В. Сравнительная характеристика основных подходов к управлению ресурсами предприятия [Электронный ресурс] // Управление экономическими системами/ 2014. № 12 (72). С. 83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitel'naya-harakteristika-osnovnyh-podhodov-k-upravleniyu-resursami-predpriyatiya> (дата обращения: 07.12.2023).

15. Omoto A.M., Snyder M. The role of community connections in volunteerism and social action. *Youth empowerment and volunteerism: Principles, policies and practices*. 2009. P. 27-56.

16. Захаров Н.Л. Теория социальных регуляторов : монография / под науч. ред. М.Б. Перфильевой. М.: ИНФРА-М, 2024. 241 с. doi:10.12737/2119965.

17. Федорова М.Н. Волонтерство как нерыночная форма развития человеческого потенциала [Электронный ресурс] // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 3. С. 146-157. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterstvo-kak-nerynochnaya-forma-razvitiya-chelovecheskogo-potentsiala> (дата обращения: 02.05.2024).

REFERENCES

1. Pevnaya M.V. Volunteerism management: international experience and local practices: monograph. Ekaterinburg: Ural Publishing House. Univ., 2016. 434 p.

2. Mazlan N., Syed Ahmad S.S., Kamalrudin M. Volunteer selection based on crowdsourcing approach. *Journal of Ambient Intelligence and Humanized Computing*. 2017. Vol. 9, Issue 3. P. 743-753. doi:10.1007/s12652-017-0490-8.

3. Omoto A.M., Snyder M. Sustained helping without obligation: motivation, longevity of service, and perceived attitude change among AIDS volunteers. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 68, Issue 4. P. 671-686.

4. Dávila M. Celeste Assessment of The Volunteer Process Model in Environmental Volunteers. *Interamerican Journal of Psychology*. 2009. Vol. 43, Issue 1. P. 181-186.

5. Güntert S., Wehner T., Mieg H. Definition of Volunteer Work and a Model of Volunteer Activity. *Organizational, Motivational, and Cultural Contexts of Volunteering: The European View*. 2022. doi:10.1007/978-3-030-92817-9_1.

6. Presley A., Liles D.H. The use of IDEF0 for the design and specification of methodologies. *Proceedings of the 4th industrial engineering research conference*. 1995. P. 442-448.

7. Paciarotti C., Valiakhmetova I. Evaluating Disaster Operations Management: An Outcome-Process Integrated Approach. *Production and Operations Management*. 2021. Vol. 30, Issue 2. P. 543-562. <https://doi.org/10.1111/poms.13280>.

8. Paciarotti C., Cesaroni A., Bevilacqua M. The management of spontaneous volunteers: a successful model from a flood emergency in Italy. *International Journal of Disaster Risk Reduction*. 2018. Issue 31. P. 260-274. doi:10.1016/j.ijdr.2018.05.013

9. Glazkova E.A. Forms of volunteering and types of volunteering // *Law and State: Theory and Practice*. 2019. Issue 2(170). P. 25-28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-osuschestvleniya-volonterskoy-deyatelnosti-i-vidy-volonterstva> (date of access: 24/04/2024).

10. Vakhitova L.R., Kudryavtseva K.V. Rethinking the concept of public goods in the digital era [Electronic resource] // *Economics and environmental management*. 2020. Issue 2. P. 213-218. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pereosmyslenie-ponyatiya-obschestvennyh-blag-v-tsifrovuyu-epohu> (date of access: 24/04/2024).

11. Tilly Chris, Tilly Charles. *Work under capitalism*. New York: Routledge, 2018. 346 p.

12. Salamon L.M., Sokolowski S.W., Haddock M.A. Measuring the economic value of volunteer work globally: concepts, estimates and a roadmap to the future. *Annals of Public and Cooperative Economics*. 2011. Vol. 82, Issue 3. P. 217-252. doi:10.1111/j.1467-8292.2011.00437.x.

13. Ivanova-Shvets L.N., Ivanov A.L. On the issue of volunteering as a category of labor economics // *Personnel and intellectual resources management in Russia*. 2016. Issue 2. P. 31-37.

14. Golovanova N.B., Gorina T.V. Comparative characteristics of the main approaches to enterprise resource management [Electronic resource] // Management of economic systems / 2014. Issue 12 (72). P. 83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitel'naya-harakteristika-osnovnyh-podhodov-k-upravleniyu-resursami-predpriyatiya> (date of access: 07/12/2023).

15. Omoto A.M., Snyder M. The role of community connections in volunteerism and social action. Youth empowerment and volunteerism: Principles, policies and practices. 2009. P. 27-56.

16. Zakharov N.L. Theory of social regulators: monograph / scientifically. ed. M.B. Perfileva. M.: INFRA-M, 2024. 241 p. doi:10.12737/2119965.

17. Fedorova M.N. Volunteering as a non-market form of human development [Electronic resource] // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2021. No. 3. P. 146-157. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterstvo-kak-nerynohnaya-forma-razvitiya-chelovecheskogo-potentsiala> (access date: 02/05/2024).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflict of interests

Информация об авторе

Плескач Лариса Валерьевна, аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь, Российская Федерация, e-mail: larisapleskach@mail.ru

Information about the author

Larisa V. Pleskach, Post graduate student, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, the Russian Federation, e-mail: larisapleskach@mail.ru

**Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.**

Поступила в редакцию 18.06.2024

Поступила после рецензирования 19.07.2024

Принята к публикации 23.07.2024

Received 18.06.2024

Revised 19.07.2024

Accepted 23.07.2024

Научное издание

Ежеквартальный рецензируемый научный журнал «Вестник Майкопского государственного технологического университета».

Том 16 № 3 2024

Издательство ФГБОУ ВО «МГТУ»

385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191.

Подписано в печать 30.09.2024 г.

Бумага Чайка Бумага А. Печать цифровая.

Гарнитура Times. Усл. п. л. 19,0. Формат 60x84/8. Тираж 500 экз. Заказ № 16/3

Отпечатано с готового оригинал-макета

на участке оперативной полиграфии ИП Кучеренко В.О.

385008, г. Майкоп, ул. Пионерская, 403/33.

Тел. для справок 8-928-470-36-87.

E-mail: slv01.maykop.ru@gmail.com